

Русские анархисты. 1905-1917

Пол Аврич

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	3
Часть первая. 1905-й	4
Глава 1. БУРЕВЕСТНИК	4
Глава 2. ТЕРРОРИСТЫ	21
Глава 3. СИНДИКАЛИСТЫ	42
Глава 4. АНАРХИЗМ И АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ	53
Часть вторая. 1917 год	70
Глава 5. ВТОРОЙ ШТОРМ	70
Глава 6. ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ	86
Глава 7. АНАРХИСТЫ И РЕЖИМ БОЛЬШЕВИКОВ	97
Глава 8. КРАХ РУССКОГО АНАРХИЗМА	116
Эпилог	134
ХРОНОЛОГИЯ ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ	147

ВСТУПЛЕНИЕ

Хотя появление идеи о бесклассовом обществе можно проследить вплоть до античности, анархизм как организованное движение социального протеста – феномен сравнительно недавнего времени. Появившись в Европе в XIX – начале XX столетия, он, подобно либерализму и социализму, на первых порах явился ответом на ускоряющиеся темпы политической и экономической централизации, что стало результатом промышленной революции. Анархисты разделяют с либералами общую враждебность к центральному правительству и, так же как и социалисты, испытывают глубокую ненависть к капиталистической системе. Они не выступают в защиту «реформизма, парламентаризма и занудного доктринерства» своих соперников; их «жажду абсолюта» может удовлетворить только полное избавление от «буржуазной цивилизации» с ее все возрастающей регламентацией и черствым равнодушием к человеческим страданиям. Сконцентрировав свои атаки на государстве и на капитализме, как главных институциях господства и эксплуатации, анархисты призывают к социальной революции, которая уничтожит все, и политические и экономические, власти и приведет к созданию децентрализованного общества, основанного на добровольном сотрудничестве свободных личностей.

На рубеже столетий в России, так же как несколькими десятилетиями ранее в Западной Европе, промышленная революция и социальный хаос вызвали к жизни то, что называется вооруженным движением анархистов. В этом не было ничего удивительного, ибо русские анархисты обсуждали большую часть тех же вопросов, которые занимали и их товарищей на Западе, – главным образом, отношения между анархистским движением и едва только возникшим рабочим классом, а также место терроризма в грядущей революции. Тем не менее традиции у многих русских анархистов, пусть даже они считали, что унаследовали их из Западной Европы, имели глубокие корни в национальном радикализме, истоки которого берут начало со времен крестьянских революций Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, и едва ли не достигли апогея в ходе революций 1905 и 1917 годов. Социальные убеждения русских анархистов сами по себе представляли любопытную смесь западных и доморощенных элементов. Получив начало на Западе из уст Годвина, Штирнера и Прудона, они были последовательно пропущены через призму учений Бакунина, Кропоткина и наивного популизма, что в совокупности придало им отчетливую русскую окраску. Кроме того, характер русского анархизма определялся давящей политической средой, в которой он и появился на свет.

Царь Николай II, подавлявший все старания просвещенной части российского общества реформировать самовластие и избежать экономического и социального развала, вынуждал своих оппонентов искать выход в безумии терроризма и насилия.

Анархизм в России и расцветал и шел на спад вместе с развитием революционного движения в целом. Когда разразился мятеж 1905 года, анархисты восторженно приветствовали его, как стихийное восстание масс, еще в прошлом поколении предсказанное Бакуниным, и они кинулись в эту свалку с бомбами и пистолетами в руках. После 1905 года революция была подавлена, и движение погрузилось в спячку вплоть до Первой мировой войны, когда пришла пора нового подъема. Затем в 1917 году внезапное падение монархии и последовавший крах всей политической и экономи-

ческой власти в России убедил анархистов, что в самом деле пришел их час и теперь их задача – смести остатки государства, чтобы передать простым людям землю и заводы.

С давних пор те, кто рассматривал историю глазами победителей, игнорировали анархистов. Ведь единственным мерилom весомости движения является его политический успех; убеждение, что историков может интересовать лишь триумф, приводит к пренебрежению многими ценными и интересными явлениями в прошлом и к сужению нашей точки зрения на мир. А оценивая подлинный размах и сложность революции 1917 года, а также события на ее пике, нельзя не принимать во внимание роль, которую сыграли анархисты. В водовороте восстаний и Гражданской войны анархисты попытались ввести и реализовать свою программу «прямых действий» – рабочий контроль на производстве, создание свободных сельских и городских коммун, партизанская война против врагов либертарианского общества. Они действовали как жгучие оводы всеобщего восстания, не признавая никаких компромиссов в деле уничтожения правительственной и частной собственности, отказываясь признавать что-либо, кроме золотого века полной свободы и равенства.

Тем не менее в конечном итоге на развалинах старого деспотизма вырастает новый, который подавляет анархистское движение. Немногие выжившие, хотя и пребывая в меланхолии поражения, тем не менее оставались верны убеждению, что рано или поздно их представление о бесклассовой утопии восторжествует. «Большевизм – это прошлое, – мог писать Александр Беркман в 1925 году, когда его русские товарищи сидели по тюрьмам или находились в изгнании. – Будущее принадлежит человеку и его свободе».

Часть первая. 1905-й

Глава 1. БУРЕВЕСТНИК

Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку.

А.П. Чехов. Три сестры

XX столетие Российская империя встретила ожиданием катаклизмов войн и революций, грозящих оставить от старого порядка лишь развалины. Противники монархии давно предсказывали разрушительную бурю. За десятилетие до того, как Николай II отрекся от трона, Михаил Бакунин чувствовал, что атмосфера в России тяжелеет предвестием шторма ужасающей силы, а Александру Герцену далеко не один раз казалось, что он слышит стоны и грохот грядущих погромов. Реформы Александра II очистили было атмосферу, но после покушения на императора в 1881 году над страной вновь сгустились темные облака реакции. На рубеже столетий мало кто мог отделаться от убеждения, что старый режим на пороге сокрушительного краха. Казалось, вся атмосфера полна предзнаменований и предчувствий. В поэме, которая была у всех на устах, Максим Горький предсказывал, что в небе появится буревестник, «черной молнии подобный», предвещающий неизбежную бурю, кото-

рая скоро разразится над Русской землей. Буревестник стал символом для русских людей, выходцев из самых разных слоев: для одних – символом грядущих бедствий, для других – долгожданного спасения.

Но Николай II категорически отказывался слышать сигналы опасности. Он оставался непоколебимым в своей решимости сохранить самодержавие – как вел себя и его отец. Под влиянием своего реакционного советника Константина Победоносцева, прокурора Священного синода, царь подавлял любые конституционные намерения просвещенной части общества. Отвергая как «бесмысленные мечты» отчаянные прошения просвещенной элиты о предоставлении им побольше политической свободы, он возлагал надежды на громоздкий бюрократический аппарат, на большую, но плохо экипированную армию и на достойную осмеяния сеть тайной полиции.

Самая большая угроза этому режиму исходила со стороны крестьянства. Катастрофический голод 1891 года разбудил российское общество и заставил его обратить внимание на то убожество, в котором живет село. Даже после освобождения в деревнях продолжали господствовать перенаселенность и застой. По мере того как число крестьян продолжало расти (одно поколение составляло от 50 до 80 миллионов), средний размер их семейных наделов, которых и без того не хватало на всех членов семьи, неуклонно уменьшался, так что большинство крестьян не могло существовать иначе, чем подрабатывая батраками в сельском хозяйстве или чернорабочими на производстве. Крестьяне отчаянно хотели получить побольше земли и сбросить с плеч давящее бремя налогов и платы за освобождение. Они оставались парализованы ограничениями, налагаемыми общиной, и много лет после того, как царь объявил их свободными людьми. В большинстве мест широко раскиданные полоски плодородной земли перераспределялись каждые два-три года, а устаревшие, но привычные методы обработки почвы не уступали пути современным сельскохозяйственным технологиям. Крестьяне продолжали влачить примитивное существование в однокомнатных деревянных избах с глинобитным полом. Случалось, они делили помещение со своими свиньями и козами, питаясь хлебом, капустной похлебкой и водкой.

Черноземные провинции Центральной России, в свое время цитадель крепостничества, мало изменились и после великого освобождения в феврале 1861 года. В этом перенаселенном районе с убогими наделами земли обнищавшее крестьянство спасалось от голода лишь тем, что издавна занималось кустарным промыслом у себя на дому – выделывало гвозди, ткало мешковину, точило ножи и т. д. Тем не менее ближе к концу столетия спрос на кустарную продукцию резко пошел на спад, не выдержав конкуренции с современными производствами в промышленных городах к северу и западу. Крестьяне, погруженные в бездну отчаяния, могли лишь мрачно взирать на своих бывших хозяев, чьи земли они жаждали заполучить куда больше, чем прежде. В 1901 году некоему помещику из Воронежской губернии привиделось, что его поместье затягивает кровавый туман, и он отметил, что дышать и жить становится все труднее, «как перед бурей». Осенью того же года центральные и южные сельскохозяйственные районы постиг страшный неурожай. Следующей весной крестьяне Полтавской и Харьковской губерний вооружились примитивным оружием времен Стеньки Разина и Емельяна Пугачева – топорами, вилами и факелами – и стали захва-

тывать запасы зерна всюду, где только могли их найти, разорять помещичьи усадьбы в своем районе – пока не явились для наведения порядка правительственные войска.

Ужасные условия жизни крестьянства соответствовали и условиям бытия растущего рабочего класса. Еще вчера крепостные, рабочие теряли корневую связь с родными деревнями, обитая в убогих рабочих слободках больших городов. Они находились во власти грубых надсмотрщиков и черствых директоров фабрик, и их жалкое жалованье обычно становилось еще меньше за счет штрафов, налагаемых за нарушение правил. Не имея никаких законных возможностей отстоять свои права, рабочие лишь с большим трудом привыкали к этому новому образу жизни.

И более того, заводские рабочие страдали кризисом идентичности. Их разрывало между двух направлений: одно тянуло обратно, к привычной деревне, а другое – в странный новый мир, которого они не понимали. В самом начале нового века подавляющее большинство заводских рабочих – особенно на текстильных предприятиях Северной и Центральной России – юридически продолжали считаться крестьянами. Как таковые, они имели в своем хотя бы номинальном владении небольшой участок земли и были вынуждены подчиняться определенным правилам общины, например испрашивать разрешение для работы на фабрике. Такие рабочие-крестьяне часто оставляли в деревнях своих жен и детей, возвращаясь домой только на период уборки или из-за болезни, а также в пожилом возрасте. Их крестьянский образ мышления давал о себе знать спорадическими вспышками возмущения против тяжелых условий труда, но эти выступления больше смахивали на крестьянские бунты прошлого времени, чем на организованный протест зрелого пролетариата.

В то же время рабочие теряли свои связи с селом. Концентрация рабочей силы на российских предприятиях помогала работникам обретать чувство коллективизма, которое все больше и больше замещало прежнюю преданность деревне. Начали излечиваться и исчезать странные формы социальной шизофрении. Рабочий люд рвал со старыми традициями и верованиями и все отчетливее осознавал себя особой социальной группой, отличающейся от крестьянства, из которого он вышел.

Начало нового века нанесло зарождающемуся рабочему классу России экономический удар столь же тяжелый, как и неурожай, поразивший крестьян в Центральном сельскохозяйственном районе. В 1899 году после продолжительного периода индустриального развития царскую империю поразила депрессия, от которой она оправлялась около десяти лет. Первый удар пришелся по текстильной промышленности северных и западных губерний. Затем он стремительно переместился к югу, поражая заводы, шахты, нефтяные концессии и порты и вызывая на своем пути серьезные рабочие волнения. Летом 1903 года на батумских и бакинских нефтепромыслах произошли кровавые столкновения рабочих с полицией. Забастовки в Одессе расширились, превратившись во всеобщую стачку, которая стремительно распространилась по всем центрам тяжелой промышленности Украины. Особый размах она приобрела в Киеве, Харькове, Николаеве и Екатеринославе.

Характерной особенностью волнений в России была гремучая смесь самых разных недовольных социальных элементов, готовая взорваться в любой момент. Например, заводские рабочие были носителями радикальных идей, которых они нахватились в городе, вырвавшись из изолированного, замшелого существования своих родных деревень. Таким же образом важной чертой промышленных стачек на юге было

частое появление среди рабочих студентов университета на массовых митингах, уличных демонстрациях и в ходе стычек с властями.

Годы экономического спада совпали с периодом студенческих волнений, которые обрели беспрецедентный в российской истории размах. Многие из студентов чувствовали такую же отчужденность от существующего социального порядка, как и обнищавшие крестьяне и их полупролетарские братья на фабриках. Университетские студенты, как правило, обитали в убогих жилищах, испытывая озлобленность к несправедливостям царского режима. Их отнюдь не воодушевляло неизбежное будущее в виде мелкого винтика в бюрократической машине. Даже те, кто вышел из среды более обеспеченного дворянства, с трудом терпели высокомерие правительственной политики и тупость царских чиновников, которые упрямо отказывались идти хоть на какие-то уступки конституционным принципам. Студенты с глубоким презрением относились к университетскому уставу 1884 года, по которому были распущены их клубы и общества, изгнана либеральная профессура и уничтожена даже видимость автономии университетов и академическая свобода.

В феврале 1899 года студенты Санкт-Петербургского университета, возмущившись предупреждением властей, чтобы они во время ежегодного студенческого празднования вели себя тихо и смиренно, организовали небольшие беспорядки, а конная полиция разогнала их, пустив в ход нагайки. В ответ разъяренные студенты устроили забастовку, отказавшись посещать лекции. Демонстрации в их поддержку прошли и в других университетах европейской части России, на несколько месяцев внося хаос в нормальную академическую жизнь. Ситуация была равнозначна всеобщей забастовке в системе высшего образования, на что правительство ответило исключением из университетов сотен непокорных студентов, многим из которых пришлось пойти в армию. Один из таких изгнанных по фамилии Карпович дал выход своему возмущению, убив министра образования Н.П. Боголепова, на которого возложил вину за жесткие меры правительства против студентов.

Напомнив всем убийство царя Александра II, совершенное двадцать лет назад группой молодых революционеров из организации «Народная воля», смерть Боголепова тут же неосторожно вызвала воспоминания о террористических актах, направленных против высших сановников государства. В марте 1901 года, через месяц после убийства Боголепова, террорист стрелял в Победоносцева, но промахнулся, следующий год возмущенный студент смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина, а рабочий совершил неудачное покушение на жизнь харьковского губернатора. В мае 1903 года другой рабочий уже не промахнулся, убив уфимского губернатора, приказавшего войскам стрелять по группе невооруженных забастовщиков.

В этом хаосе насилия Россия зависла между двумя мирами – один умирал, а у другого еще не было сил родиться. С озлобленностью крестьян, рабочих и студентов нельзя было справиться мирными способами, поскольку не было законных выходов их растущему раздражению, да и царь не собирался проводить какие-либо реформы сверху. Среди униженных и оскорбленных крепло стремление искать экстремальные решения своих накапливающихся трудностей, особенно после депрессии.

Приметы неизбежных волнений особенно остро чувствовались в провинциях, расположенных на периферии империи, где социальное угнетение усиливалось

национальными и религиозными преследованиями. В течение четырех столетий непрерывной экспансии Россия подчинила своему господству финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, грузин, армян, азербайджанцев и много других национальностей. И надо сказать, на рубеже столетий нерусские составляли большинство населения империи. Обитая большей частью в ее пограничных районах, они отчетливо слышали голос национализма, усиливающегося в Центральной Европе. Как ни парадоксально, самые сильные стимулы для развития национального самосознания меньшинств исходили от русского правительства. Находясь под влиянием Победоносцева, чья политическая философия господствовала в течение эры последних Романовых, Александр III и его сын Николай проводили в жизнь программу русификации и пытались заставить непокорных обитателей пограничных земель отказаться от собственных национальных традиций, признав превосходство русской культуры. Предназначенная для того, чтобы как-то сглаживать национальные и социальные проблемы, русификация в многонациональном государстве лишь усиливала эти проблемы. Этнический вопрос играл важную роль во время забастовок на закавказских нефтяных промыслах в 1902 – 1903 годах, а также в 1904 году, когда Николай распространил политику русификации и на лояльную Финляндию, которой конституционные привилегии были дарованы еще в 1809 году. Но именно там сын финского сенатора убил российского генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова.

Ни одно национальное или религиозное меньшинство в России не страдало от жестокой политики правительства больше, чем евреи. В начале XX века в империи обитало пять миллионов евреев, главным образом в черте оседлости, которая тянулась вдоль западных границ от Балтийского до Черного моря. Их судьба стала сравнительно легче во время умеренного правления Александра II. Осуществляя свою программу реформ, царь разрешил преуспевающим купцам, умелым ремесленникам, бывшим солдатам и обладателям университетских дипломов жить и работать вне черты оседлости. Но насильственная смерть Александра II в марте 1881 года резко положила конец этому периоду спокойствия и относительного благополучия евреев. Пасха была отмечена волной жестоких погромов, волна которых прокатилась по более чем сотне городов и местечек юго-западных губерний.

Хотя одной лишь демонстрации силы было бы достаточно, чтобы сразу же положить конец погромам, местные власти, как правило, иным образом оценивали насилия и грабежи, а в некоторых случаях и поощряли погромщиков. Когда размах насилия со стороны местного населения достиг предела, правительство издало ряд очень жестких декретов, имевших отношение к самым жизненным аспектам еврейской жизни. «Временные правила» запрещали евреям селиться в сельской местности, даже в пределах черты оседлости. Хотя эти правила относились только к новопоселенцам, многие старожилы были изгнаны из деревень, где они родились, и им пришлось перебираться в города. Запрещалось перебираться из деревни в деревню, шли поиски евреев, которые незаконно пересекли границу черты оседлости, которая как-то сокращалась в размерах.

Министерство просвещения ввело квоты, ограничивающие число еврейских учащихся в средних школах и университетах. В черте оседлости они должны были составлять не более 10 процентов от числа студентов и 5 процентов – вне этой черты, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, где квота не превышала 3 процентов. Еврейские

врачи больше не могли практиковать в больницах, а их количество среди военных врачей было сокращено. Разрешение на вступление в профессиональную гильдию должен был давать министр юстиции, и еврейские кандидаты редко получали его. Евреи больше не могли участвовать в работе земств или городских советов. Более того, в 1891 году власти выселили 20 000 еврейских купцов и ремесленников из Москвы, где в 1865 году Александр II разрешил им поселиться, а три года спустя появление государственной монополии на торговлю алкоголем лишило многих еврейских шинкарей средств к существованию.

Эти давящие правила практически в неизменном виде оставались в силе все время царствования Николая II. Положение евреев становилось все отчаяннее. Загнанные в гетто, подвергаясь религиозным преследованиям, в массе своей лишены высшего образования и профессиональной карьеры, когда сфера их традиционных занятий постоянно подвергалась ограничениям, евреи сталкивались с полным крахом их экономической и социальной структуры. После депрессии 1899 года огромное большинство их было вынуждено жить на грани нищеты. Мелкие предприниматели, типичные для черты оседлости, не имея современного оборудования и дешевых кредитов, все время находились под угрозой разорения из-за растущей конкуренции со стороны крупной промышленности. Ремесленники, навсегда расставшись с взлелеянной мечтой стать независимыми производителями, пополняли ряды фабричных рабочих, а если им окончательно не везло, растущую армию людей без определенных занятий, которые питались «одним лишь воздухом».

Положение дел достигло предела вскоре после того, как в 1902 году Вячеслав Плеве унаследовал у убитого Сипягина Министерство внутренних дел. Бывший начальник тайной полиции, яростный сторонник русификации, Плеве был давним ненавистником евреев и реакционным бюрократам самого худшего пошиба. Именно Плеве в 1904 году заявил, что для сохранения самодержавия необходима «маленькая победоносная война» с японцами. Руководствуясь тем же самым мотивом, он решил направить народное недовольство против евреев. Окрестив революционное движение «делом еврейских рук», он надеялся утопить революцию в еврейской крови.

Стратегия Плеве воодушевила П.А. Крушевана, издававшего в Кишиневе, столице Бессарабии, антисемитскую газету. Ведя оскорбительную кампанию против евреев, Крушеван обвинял их в революционном заговоре и ритуальных убийствах и призывал христианское население отомстить еврейским эксплуататорам. И на Пасху 1903 года разразился ужасающий кишиневский погром. Два дня полиция сложа руки наблюдала, как толпы хулиганов убивали евреев, сотням из них наносили ранения, грабили их дома и магазины. Многие еврейские семьи лишились и крыш над головой и имущества, все было разграблено, пока наконец не вмешались власти. Через несколько месяцев прошла волна погромов по черте оседлости – Ровно, Киев, Могилев и Гомель.

Именно здесь, на границе между западными и юго-западными провинциями и, главным образом, в еврейских городках и местечках, и зародилось движение русских анархистов. В этих местах экономический упадок сочетался с сильным национальным угнетением, что вызывало мощные чувства нигилизма среди студентов, рабочих и крестьян. И многие из них переходили к решительному радикализму. С самых первых лет реакции во времена правления Александра III интеллигенты,

ремесленники и фабричные рабочие в пограничных провинциях начали создавать тайные кружки, в которых занимались в основном самообразованием и радикальной пропагандой.

Большой голод 1891 года способствовал росту таких организаций, они стали стремительно размножаться по всей России, став центрами, вокруг которых сформировались две ведущие социалистические партии – марксистские социал-демократы и неонародники социалисты-революционеры, эсеры, которые оформились к концу столетия. Тем не менее уже весной 1903 года, года погромов, значительное число молодых рабочих и студентов в Белостоке, центре радикального рабочего движения в черте оседлости, уже нашло серьезные недостатки в социалистических партиях. Они расстались с Бундом (организацией еврейских социал-демократов), с социалистами-революционерами и с ПСП (Польской социалистической партией, чьи социалистические убеждения сочетались с мощным стремлением к национальной независимости), обратившись к более экстремальным доктринам анархизма.

Новые рекруты анархизма ушли из социал-демократического Бунда в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимал жесткий запрет актов терроризма; такие действия, доказывали лидеры Бунда, только деморализуют рабочих и приведут к распаду рабочего движения. Отрицая этот запрет на терроризм, небольшие группы молодых бундовцев сформировали радикальную «оппозицию» внутри движения и провозгласили программу «прямых действий» против государственной и частной собственности. Они обзавелись револьверами и динамитом. Они нападали на правительственных чиновников, фабрикантов, полицейских, агентов-provokаторов и производили «экспроприации» в банках, почтовых отделениях, магазинах, заводоуправлениях и частных домах. Эта деятельность вызвала шквал критических упреков со стороны руководства Бунда и заставила многих молодых террористов окончательно расстаться с социал-демократией ради идеи анархизма, который приветствовал любое насилие.

Кроме того, анархисты считали, что среди последователей Маркса было слишком много интеллектуалов, способных в потоке слов утопить любое намерение действовать. В идеологических дебатах и в боях за политическое лидерство они еще до начала схватки с царизмом истощили все свои силы. Летом 1903 года группа свежеепеченных анархистов из Белостока побывала на II съезде социал-демократической партии. Он предстал перед ними как разочаровывающий спектакль, состоявший из организационных свар и теоретических драк с вырыванием волос. Этот съезд закончился расколом марксистского движения на две непримиримые фракции – меньшевиков и большевиков. Как объявили анархисты, идеологическое оружие социал-демократов потеряло «революционный размах» и энергию. Вместо того чтобы вести пустые разговоры, «бешеные» из Белостока потребовали «прямых действий» по уничтожению тиранического государства, которое они считали воплощением зла и источником всех страданий России.

Более того, анархисты были полны решимости сразу же избавиться от государства, хотя последователи Маркса настаивали на обязательности таких этапов, как парламентская демократия и «диктатура пролетариата», которые и должны стать предшественниками бесклассового общества.

Это убедило нетерпеливых анархистов в том, что интеллектуалы-социалисты собираются до бесконечности оттягивать наступление рая для рабочих, чтобы полной мерой удовлетворить собственные политические амбиции. По мнению анархистов, социал-демократы, стараясь просветить Россию, слишком полагались на организованные силы квалифицированных рабочих, отрицая значение крестьянских масс и безработных слоев общества.

Анархисты, кроме того, обнаружили столь же серьезные отступления в программах партии эсеров и Польской социалистической партии. Хотя они восхищались эсеровской кампанией террора, направленной против правительственных чиновников, анархисты стремились и к «экономическому террору», чтобы насильственные действия ударили и по эксплуататорам и по владельцам собственности. Кроме того, они возражали против того, чтобы эсеры занимались аграрным вопросом. Они не разделяли ни националистических целей Польской социалистической партии, ни убежденности всех социалистов в необходимости создания какой бы то ни было формы государства.

Короче, анархисты обвиняли все социалистические группы в выжидательной политике по отношению к существующей социальной системе. Старый порядок прогнил, доказывали они; спасения можно добиться, только выкорчевав его с корнями. Постепенность или реформизм любого вида ничего не дадут. Полные немедленного желания тут же реализовать свою бесклассовую утопию, молодые анархисты с презрением отбрасывали промежуточные исторические этапы, постепенность движения к цели и паллиативы или компромиссы любого сорта. Отойдя от марксистов и эсеров, они в поисках новых источников вдохновения обратились к Бакунину и Кропоткину. Поскольку буреветнику скоро предстояло появиться в России, они были убеждены, что он явится как вестник тысячелетия анархизма.

Молодые анархисты считали саму личность Михаила Александровича Бакунина столь же поразительной, сколь и его убеждения. Выходец из мелкопоместного сельского дворянства, получивший военное образование, Бакунин отказался от своего наследственного дворянства ради карьеры профессионального революционера. В 1840 году в возрасте двадцати шести лет он покинул Россию и посвятил свою жизнь неустанной борьбе против всех форм тирании. Он не только сидел в библиотеках, читал и писал о неизбежности революции, но и страстно включился в события революции 1848 года, став чем-то вроде фигуры Прометея, который после волны восстания в Париже оказывался на баррикадах Австрии и Германии. Арестованный во время Дрезденского восстания 1849 года, он провел следующие восемь лет в тюрьме – шесть из них в самых мрачных казематах царской России, в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. Приговор обрекал Бакунина на пожизненное пребывание в сибирской ссылке, но Михаил Александрович совершил побег от своих тюремщиков, в ходе невероятной одиссеи обогнул земной шар, после чего его имя стало легендой, а он сам – объектом поклонения в радикальных группах всей Европы.

Широкая душа Бакунина и его детский энтузиазм, зажигательная преданность свободе и равенству и вулканическая ненависть к привилегиям и несправедливостям – все это неодолимо влекло к нему людей из кругов, преданных идее свободы воли. «Больше всего меня поражало, – писал Петр Кропоткин в своих мемуарах, – что влияние Бакунина зиждилось не на интеллектуальном авторитете, а на моральном

воздействии его личности». Как активная сила истории, личность Бакунина пользовалась такой привлекательностью, о которой Маркс мог только мечтать. Среди авантюристов и мучеников революции ему принадлежит уникальное место.

Тем не менее отнюдь не только личный магнетизм Бакунина привлекал сырую молодежь из Белостока от марксизма в лагерь анархистов. Были еще и фундаментальные расхождения в доктринах Бакунина и Маркса, предвестники диспутов, которые поколение спустя кипели в России между анархистами и социал-демократами. Центральным пунктом этих расхождений был характер грядущей революции и формы организации общества, которое возникнет на ее волне. В марксистской философии диалектического материализма приход революции определялся историческими законами; революции были неизбежным следствием созревания экономических сил. Бакунин же считал себя революционером действия, а не «философом и изобретателем систем, как Маркс». Он решительно отказывался признавать существование любых «априорных идей или predeterminedных, предвзятых законов». Бакунин отрицал точку зрения о том, что социальные перемены зависят от постепенного созревания «объективных» исторических условий. В то же время он считал, что человек сам определяет свои цели, что нельзя втискивать человеческую жизнь в прокрустово ложе абстрактных социологических формул. «Никакие готовые к употреблению теории, никакие книги, которые только будут написаны, не спасут мир, – заявлял Бакунин. – Я не признаю никаких систем, я ищу истину». Человечество не готово к терпеливому ожиданию, когда полотну истории придет время развернуться во всю ширь. Внушая свои теории рабочим массам, Маркс преуспел только в одном: он подавил революционный жар, который горел в каждом человеке, – «стремление к свободе, страстное желание равенства, святой инстинкт революции». Не в пример «научному» социализму Маркса его собственный социализм, как признавал сам Бакунин, был «чисто инстинктивный».

В резком контрасте с Марксом, испытывавшим рациональное презрение к более примитивным элементам общества, Бакунин никогда не подвергал сомнению революционные качества слоев общества, не принадлежащих к рабочему классу. Правда, он признавал понятие классовой борьбы, но не такой, которая относилась только к буржуазии и рабочим, поскольку мятежный инстинкт есть общее качество всех угнетенных слоев общества. Бакунин разделял веру народников в скрытые силы насилия русского крестьянства с его давними традициями слепого и безжалостного бунта. Он видел перед собой «всеобщую» революцию, огромное восстание города и деревни, подлинный бунт угнетенных масс, в котором кроме рабочего класса примут участие и самые последние слои общества: примитивное крестьянство, люмпен-пролетарии городских трущоб, безработные, бродяги и преступники, – словом, все униженные и оскорбленные, живущие в нищете и рабстве.

Концепция Бакунина о всеобщей классовой войне оставляла место для неорганизованных и раздробленных фрагментов общества, к которым Маркс испытывал лишь презрение. Бакунин же отводил основную роль недовольным студентам и интеллектуалам, отчужденным и от существующего социального устройства и в той же мере – от необразованных масс. С точки зрения Маркса, они не составляли класса как такового, не были и органической частью буржуазии; они были просто «отбросами» среднего класса, «компанией деклассированных» – адвокаты без клиентов, врачи

без пациентов, мелкие журналисты, безденежные студенты и их идолы, лишенные возможности играть важную роль в историческом процессе классового конфликта.

Для Бакунина же, с другой стороны, интеллектуалы были ценнейшей революционной силой, «яростной и энергичной молодостью, полностью деклассированной, лишенной и карьеры, и другого пути в жизни». В острой борьбе между Бакуниным и Марксом за главенство в европейском революционном движении деклассированные интеллигенты, которыми их видел Бакунин, были обязаны перейти на его сторону, потому что им нечего было терять и у них не было никакой возможности улучшить свое положение, кроме немедленной революции, которая уничтожит существующую общественную систему. Та роль, которую предстояло сыграть интеллектуалам в свержении старого порядка вещей, была критической: они должны были стать той искрой, из которой дремлющая в народе страсть к восстанию разгорится в разрушительный пожар.

Эта философия немедленной революции неизбежно должна была получить распространение, главным образом, в относительно отсталых регионах Европы, в тех странах, которые только ошупью искали путь к современной индустриализации, странах, где надежды деклассированных слоев были слабыми и туманными, где крестьянство жило в нищете и где рабочие в массе своей были неквалифицированными и неорганизованными. В таких условиях нищее и неграмотное население вряд ли поняло бы «постепенность» или сложные теоретические построения марксизма.

И если Маркс предвидел, что революции зрелого пролетариата разразятся в самых развитых промышленных странах, Бакунин настаивал, что революционные импульсы будут куда сильнее там, где людям в самом деле нечего терять, кроме своих цепей.

Это означало, что всеобщее восстание, скорее всего, начнется на юге Европы, а не в такой дисциплинированной и развитой стране, как Германия. Соответственно в острой борьбе за главенство в I Интернационале сторонникам Бакунина удалось создать мощные отделения в Италии и Испании, странах, где марксизму никогда не удавалось завоевать надежные позиции.

Хотя Бакунин отводил интеллектуалам столь важную роль в грядущей революции, он в то же время предупреждал их против попыток преувеличить свое политическое влияние, как поступили якобинцы или преданный их последователь Август Бланки. На этом пункте Бакунин особо настаивал. Сама идея того, что небольшая группа заговорщиков может совершить переворот ради блага народа, была для него смехотворной, и он насмешливо считал ее «полной ересью, направленной против здравого смысла и исторического опыта». Эти жесткие слова были направлены как против Маркса, так и против Бланки. Потому что и для Маркса и для Бакунина конечная цель революции заключалась в создании бесклассового общества людей, свободных от угнетения, нового мира, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Но там, где Маркс предвидел диктатуру пролетариата, которая уничтожит последние остатки буржуазного строя, Бакунин вообще склонялся к уничтожению государства как такового. По его мнению, кардинальная ошибка всех революционеров прошлого заключалась в том, что они всего лишь заменяли одно государство другим. То есть подлинная революция не стремится захватить политическую власть;

она должна быть социальной революцией, при которой весь мир освобождается от пут государства.

Бакунин считал, что так называемая диктатура пролетариата унаследует авторитарность. Такое государство, настаивал он, пусть и народное по форме, всегда будет служить орудием угнетения и эксплуатации. Он предсказывал неизбежное появление нового «привилегированного меньшинства» из ученых и специалистов, чьи выдающиеся знания позволят им использовать государство как инструмент управления необразованными тружениками, занятыми ручным трудом на полях и в цехах. Граждане нового народного государства будут грубо разбужены от иллюзий самообмана, дабы убедиться, что они стали «рабами, игрушками, жертвами новой группы амбициозных людей». Единственный способ, которым обыкновенные люди могут избежать подобной печальной судьбы, – это самим совершить революцию, полную и всеобщую, безжалостную и хаотичную, стихийную и неограниченную.

«Необходимо в принципе и на практике полностью избежать того, что может быть названо политической властью, – сделал вывод Бакунин, – потому что, пока существует политическая власть, всегда будут правители и те, кем управляют, хозяева и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые». И тем не менее, несмотря на все свои яростные нападки на «революционную олигархию», Бакунин решил создать свое собственное «секретное общество» заговорщиков, члены которого будут обязаны соблюдать «строжайшую дисциплину» и подчиняться небольшому революционному директорату. Более того – эта тайная организация сохранится и после победы революции, чтобы предотвратить появление любой «официальной диктатуры». Самые известные последователи Бакунина, и первым делом Кропоткин, сочли это странное и противоречивое требование революционной стратегии своего ментора совершенно неприемлемым и, как будет видно, поторопились избавиться от него.

В рамках теоретических построений Бакунина народному восстанию, которое сотрет с лица земли вообще все правительства, не хватало конструктивной стороны. И действительно, самые известные предложения, выходявшие из-под его пера, провозглашали, что «стремление к разрушению в то же время является и созидательным стремлением». Но конструктивная сторона носила подчеркнуто туманный характер. Сразу же после уничтожения государства его предстояло заменить «организацией производительных сил и экономических служб».

Средства производства надо было не национализировать, как мечтал Маркс, а передать их в распоряжение свободной федерации ассоциаций независимых производителей, организованной на всемирной основе «сверху донизу». Предполагалось, что в новом обществе все, кроме пожилых и немощных, будут заниматься физическим трудом и каждому будет воздаваться в соответствии с его вкладом.

И дальше этой совершенно туманной картины Бакунин не рисковал продвигаться. С презрением относясь ко всем рациональным размышлениям, он отказывался набрасывать детальный чертеж будущего, предпочитая считать, что, как только творческая сила масс освободится от бремени частной собственности и государства, она и займется этой проблемой.

По своей глубинной сути бакунинская философия анархизма представляла собой яростный протест против форм централизованной власти, политической и экономической. Бакунин был не только врагом капитализма, как Маркс, но и непримиримым

противником любой концентрации промышленной мощи, не важно, в частных руках или в общественных. Имея глубокие корни во французском утопическом социализме и в традициях русского народничества, доктрины бакунинского анархизма отвергали крупную промышленность, как искусственное образование, не признающее добровольности и разъедающее подлинные человеческие ценности. С помощью творческого духа обыкновенных мужчин и женщин, призванных к действию критически мыслящими личностями, отсталые страны Восточной и Южной Европы смогут избежать «судьбы капитализма».

Эти страны отнюдь не были обречены на страдания под игом эксплуатации каких-то центральных властей, а их обитатели рисковали превратиться в армию дегуманизированных роботов. Такое либерторианское общество будущего, свободная федерация рабочих кооперативов и сельскохозяйственных коммун (лишенных древней патриархальной властности) может обеспечить полную переоценку социальных ценностей и восстановление человечества. Для Маркса, чья идеология куда лучше соответствовала характеру индустриализации, чем доиндустриального общества, эти анархистские представления были романтическими, ненаучными, утопическими и к тому же уводящими в сторону от кардинального пути современной истории. Тем не менее, с точки зрения Бакунина, Маркс, может, и знал, как создавать умозрительные системы, но у него отсутствовал живительный инстинкт свободы человека. Как немец и как еврей, Маркс был «авторитарен с головы до ног».

Петр Кропоткин, выдающийся последователь Бакунина, был, как и его предшественник, выходцем из среды сельского дворянства, но его родовое гнездо было куда более знаменитым, чем то поместье в Тверской губернии, где провел детство Бакунин. Предки Кропоткина отпрыски великих князей смоленских в средневековой Руси, выходцы из боковой ветви клана Рюриковичей, правивших в Московии до появления Романовых. Получив образование в элитарном Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге, Кропоткин преданно служил камер-пажом при дворе императора Александра II, а после – в Сибири армейским офицером, приписанным к формированию амурских казаков.

Как и Бакунин до него, Кропоткин отказался от своего аристократического происхождения ради жизни, большую часть которой провел в тюрьмах и ссылках. Он тоже вынужден был бежать из царской России при весьма драматических обстоятельствах. В 1876 году – год смерти Бакунина – он сбежал из тюремной больницы, расположенной недалеко от столицы, и через Финляндию попал на Запад, где и оставался до своих семидесяти пяти лет, пока Февральская революция не дала ему возможность вернуться на родину.

Хотя Кропоткин соглашался с некоторыми принципиальными положениями символа веры Бакунина, с того момента, как подхватил факел анархизма, в его руках он горел более спокойным и ровным пламенем. Характер Кропоткина был на редкость мягким и доброжелательным. У него полностью отсутствовал бурный темперамент Бакунина. Он не обладал титаническим стремлением к разрушению и непреодолимым желанием доминировать. Не было у него ни антисемитских настроений Бакунина, ни той неуравновешенности, что проскальзывала порой в словах и поступках Бакунина. Со своими светскими манерами, обладающий высокими личностными качествами и интеллектом, Кропоткин был само воплощение рассудительности. Его

научное образование и оптимистический взгляд на мир обеспечили теорию анархизма тем конструктивным аспектом, который резко контрастировал с духом слепого отрицания, пронизывавшего работы Бакунина.

Тем не менее, несмотря на все свои качества праведника, Кропоткин ни в коем случае не отрицал применения насилия. Он допускал покушение на тиранов, если убийца руководствовался благородными мотивами, хотя его приятие кровопролития в таких случаях объяснялось скорее состраданием к угнетенным, чем личной ненавистью к правящим деспотам. Кропоткин считал, что акты террора относятся к тем очень немногим средствам сопротивления, доступным угнетенным массам; они были полезны, как «пропаганда действием», дополняющая ту устную и письменную пропаганду, которой предстояло разбудить мятежные инстинкты народа.

Кропоткин ни в коем случае не уклонялся от признания революции, ибо не допускал, что правящие классы без борьбы откажутся от своих привилегий и собственности. Как и Бакунин, он рассчитывал на всеобщее восстание, которое раз и навсегда уничтожит и капитализм, и государство как таковое. Тем не менее он серьезно надеялся, что мятеж будет сравнительно мягким, «с минимальным количеством жертв, с минимумом озлобления». Революцию Кропоткин видел быстрой и гуманной – не в пример демоническим видениям Бакунина пожаров и разрушений^{1*}.

И снова по контрасту с Бакуниным Кропоткин осуждал использование при подготовке революции путчистских методов. Как член кружка Чайковского в Санкт-Петербурге начала 1870-х годов, Кропоткин резко критически относился к темным интригам, окружавшим фигуру Сергея Нечаева, юного фанатичного поклонника Бакунина, чье маниакальное пристрастие к тайным организациям в значительной степени превышало таковое даже у его учителя. Кружок Чайковского все свои усилия направлял на распространение пропаганды среди заводских рабочих и осудил Нечаева, по словам Кропоткина, за «использование способов прежних заговорщиков, не останавливаясь даже перед обманом, когда он хотел заставить своих соратников следовать по его стопам».

Кропоткин мало смысла видел в тайных организациях «профессиональных революционеров» с их секретными планами, комитетами руководителей и железной дисциплиной. Главной же задачей интеллектуалов было распространение пропаганды среди простого народа, что должно было ускорить восстание. Но все подобные закрытые группы заговорщиков, отделенные от народа, несли в себе злокозненный микроб авторитаризма. С не меньшей чем у Бакунина страстью Кропоткин настаивал, что революция должна стать не «простой сменой правителей», а «социальной» революцией – не захватом политической власти небольшой группой якобинцев или бланкистов, а «коллективной работой масс».

И хотя Кропоткин никогда не критиковал напрямую секретные общества революционеров своего учителя, тем не менее было совершенно ясно, что его отрицание любой возможной диктатуры включает и «невидимую» диктатуру Бакунина.

Неколебимая решительность Кропоткина защищать спонтанный характер революции, при котором все будут равны, нашла отражение в его концепции нового общества, что возникнет на руинах старого. Хотя он и принимал воззрения Бакунина

---

¹ Бакунин тоже, случалось, высказывал пожелания, чтобы революция потребовала минимального

на автономные ассоциации производителей, свободно объединенных в федерации, тем не менее он расходился с Бакуниным в одном фундаментальном пункте. По бакунинскому «анархистскому коллективизму» каждый член отдельного рабочего коллектива обязан заниматься физическим трудом и получать заработную плату в зависимости от своего «прямого вклада в общий труд».

Иными словами, критерием вклада, так же как и при диктатуре пролетариата Маркса, был скорее процесс, чем действительная потребность. Кропоткин же, с другой стороны, рассматривал любую систему вознаграждения, основанную на личных способностях к производству, просто как иную форму подневольного наемного труда. Коллективистская экономика, которой необходимо было определять разницу между самоотверженным трудом и трудом спустя рукава, между тем, что такое «мое» и что такое «твое», ничего общего с идеалами чистого анархизма не имела. Кроме того, коллективизм все же нуждался в какой-то власти в пределах рабочей ассоциации, чтобы определять индивидуальный вклад и контролировать соответствующее распределение материальных благ и услуг.

То есть, как и конспиративные организации, которых избегал Кропоткин, коллективистский порядок тоже содержал в себе зародыши неравенства и чьего-то господства. Невозможно оценивать вклад каждого отдельного человека в общее богатство, заявил Кропоткин в «Борьбе за хлеб», ибо сегодняшнее преуспевание создавали миллионы и миллионы людей. Каждый клочок земли полит потом поколений и за каждую версту железной дороги было уплачено человеческой кровью. «Каждое открытие, каждый шаг вперед, каждое умножение суммы человеческих богатств обязаны своим существованием тяжелому труду в прошлом и в настоящем, – продолжал Кропоткин. – По какому праву кто-то может присвоить себе хоть кусочек этого необъятного целого и заявить – это мое, а не твое?»

Кропоткин считал свою собственную теорию «анархистским коммунизмом». Теория эта полностью противоречила всем формам системы наемного труда. Никакой руководящий центр не мог заставить личность работать, хотя любой добровольно может трудиться «с полной отдачей всех своих способностей». Принцип заработной платы Кропоткин заменил принципом потребностей: каждый человек должен судить сам, что ему надо, и мог получать требуемое из общественных складов, когда испытывал в том необходимость, независимо от того, внес или не внес соответствующий вклад в виде своего труда. Неисправимый оптимизм Кропоткина привел его к выводу, что, как только будут устранены политическая власть и экономическая эксплуатация, все члены общества станут работать по своей доброй воле, без какого-либо постороннего принуждения и получать из общественных хранилищ не больше того, что ему нужно для нормального существования.

В длительной перспективе анархистский коммунизм должен будет положить конец всем привилегиям, всем формам принуждения; он приведет человечество к золотому веку свободы, равенства и братства.

Знаменитый географ и натуралист, Кропоткин не сомневался – точно так же, как и Маркс, – что его собственные социальные теории базируются на научной основе. В

количества жертв, но добавлял злоеущее примечание, что не стоит особенно удивляться, если народ перебьет большинство своих угнетателей.]

течение пяти лет своей правительственной службы в Сибири он пришел к отрицанию того, чему последователи Дарвина (Т.Х. Хаксли в особенности) придавали особое значение, – конкуренции и борьбе биологических особей в процессе эволюции. Изучая жизнь животных на востоке Сибири, он усомнился в справедливости общепринятой картины, что природный мир – это дикие джунгли, где есть только окровавленные клыки и когти и где в конечном итоге выживают только самые приспособленные представители того или иного вида.

Его собственные наблюдения указывали, что в процессе естественного отбора добровольное сотрудничество между животными играло куда более важную роль, чем яростное соперничество, и что «те животные, которые обрели привычки к взаимопомощи, без сомнения, и являются самыми приспособленными для выживания». Конечно, Кропоткин не отрицал, что в животном мире существуют и борьба, и соперничество, но он не сомневался, что взаимозависимость играет куда более важную роль – не подлежит сомнению, что взаимная помощь является «главным фактором прогресса эволюции».

Кропоткин не видел никаких причин, по которым этот принцип взаимной помощи не мог быть во всей полноте применен к *Homo sapiens*, как к другому представителю животного мира. С детства он душой и сердцем верил, что русскому крестьянству присущ дух братства. Впечатления последующих лет службы в сибирской глуши, где он наблюдал успешное сотрудничество в колониях духоборов и среди местных племен, были лучом света, который падал и на его последующие размышления. Именно во время пребывания в Сибири Кропоткин отбросил все надежды на то, что государство способно стать двигателем социальных реформ.

Вместо этого он обратил свой взгляд на добровольное творческое сотрудничество небольших коммун анархистов.

Его любимое представление о нетронутой разложением общественной жизни получило подкрепление в 1872 году, когда он посетил коммуны часовщиков в горах Юра в Швейцарии. Он сразу же обратил внимание на их добровольные ассоциации, построенные на взаимной помощи, и на отсутствие среди них политических амбиций, а также какой-либо разницы между лидерами и подчиненными. Это сочетание ручного и умственного труда, а кроме того, слияние в их горных деревнях кустарного производства и сельскохозяйственных работ вызвало его самое горячее восхищение.

В этих приятных наблюдениях Кропоткин нашел то, что считал научным подтверждением своих выводов из штудирования анналов человеческой истории. В прошлом, утверждал он, люди, руководствуясь духом солидарности и братства, испытывали явную склонность к совместному труду. Взаимопомощь среди людей обладала куда большей потенциальной силой, чем эгоистическое желание господствовать над другими. На самом деле выживание человечества зависит от взаимопомощи.

Вопреки теориям Гегеля, Маркса и Дарвина, Кропоткин был убежден, что в основе исторических процессов лежит сотрудничество, а не конфликтность. Более того, он отвергал концепцию Гоббса о том, что естественное состояние человека – это война всех против всех. В каждый исторический период, заявлял он, появля-

---

² Как узник Петропавловской крепости, Кропоткин проводил время за внимательным изучением хроник Пскова, республиканского города-государства в средневековой России.

лись самые разнообразные ассоциации взаимопомощи, достигавшие наибольшего развития в коммунах и гильдиях средневековой Европы^{2*}. Кропоткин считал, что рост централизации государства с XVI по XIX век был всего лишь отклонением от нормального развития западной цивилизации. Он был убежден, что, несмотря на появление государства, добровольные объединения продолжали играть ключевую роль в человеческих делах. И дух взаимопомощи «даже в нашем современном обществе, как всегда заявляя о праве на существование – основной лидер, который ведет к прогрессу». Основные тенденции современной истории нацелены на создание децентрализованных, не политических кооперативных сообществ, в которых человек может свободно развивать свои творческие способности, без вмешательства королей, священников или солдат. Повсюду таким искусственным государствам приходится слагать свои «святы обязанности» в пользу «естественных добровольных групп».

Знание Кропоткина истории человечества, вкупе с опытом, полученным из первых рук в Сибири и среди часовщиков кантона Юра, укрепили его глубокое убеждение, что человек будет предельно счастлив лишь в таких небольших коммунах, которые позволят пышно расцвести естественным инстинктам и взаимопомощи. Ближе к концу столетия Кропоткин обрисовал облик нового общества, в котором «промышленность сочеталась с сельским хозяйством, а умственная деятельность – с ручным трудом», как кратко сообщал он в подзаголовке одной из своих широко известных книг. Мужчины и женщины в таких сообществах, связанные естественными узами общих трудов, освободятся от искусственности централизованного государства и обширных промышленных комплексов. Нет, сам Кропоткин не испытывал никакого предубеждения против современной техники. «Я отлично понимаю, – писал он в своих мемуарах, – то удовольствие, которое может получить человек от мощи своей техники, от умственного характера своей работы, точности движений и от безукоризненности своих действий. Техника, расположенная в небольших мастерских, может спасти человека от тяжелой и монотонной работы капиталистического предприятия, и клеймо примитивности, которое когда-то легло на ручную работу, исчезнет навсегда. Члены такой коммуны будут работать от двадцати до сорока лет, четырех-пяти часов в день хватит для обеспечения комфортабельной жизни. Разделение труда, учитывающее неизбежное различие умственного и физического, может представить разнообразие достаточно интересных и приятных занятий, что приведет к органическому существованию общины, подобно такому, которое существовало в средневековом городе».

Рисуя такой безмятежный портрет будущего, Кропоткин выражал свою ностальгию по простой, но полной и насыщенной жизни, которая вела его к идеализации автономных социальных ячеек прошедших лет – сельских поместий и гильдий, общины и артели. Перед лицом постоянно растущей концентрации экономических и политических сил в Европе XIX столетия он смотрел и назад, в благословенный мир, еще не испорченный вторжением капитализма и современного государства, и вперед – в такой же мир, свободный от давления смирительной рубашки, которая душит все естественные человеческие стремления.

Для нового поколения анархистов из Белостока теории Бакунина и Кропоткина как нельзя лучше характеризовали высокоцентрализованное и репрессивное Российское государство. Унизительная бедность рабочих и крестьян, отчуждение студентов

и интеллигенции от государства и общества, вездесущие учреждения, ведавшие насилием и террором, жестокие преследования религиозных и национальных меньшинств плюс к этому экономическая депрессия омрачали общественную атмосферу раздражением и отчаянием. В соответствии с учением Бакунина Россия, как относительно отсталая страна, должна была уже созреть для революции. В начале XX века Россия была на мощном подъеме, недавно начав всесторонний стремительный переход от преимущественно сельской к городской жизни, переход, который рвал все корневые связи традиций и стабильности.

Индустриализация выкинула на обочину немалую часть общества – люмпен-пролетариев и другие растерзанные элементы общества, лишенные возможности существования во враждебном и меняющемся мире. Легко можно предположить, что именно эти, отвергнутые, отщепенцы ответят на призывы анархистов к уничтожению существующего режима, после чего останется только поприветствовать наступление золотого века. И действительно, немалая часть из них вступила в первые кружки анархистов в 1903 – 1904 годах.

Тем не менее даже в эти беспокойные времена, когда дух нигилизма широко распространился по стране, в анархистском движении приняло участие сравнительно небольшое количество граждан империи. Объяснение частично кроется в том, что политическое сознание масс было пока еще на очень низком уровне; и в самом деле, в числе членов двух основных социалистических партий, которые возникли на рубеже столетий, было очень незначительное число крестьян и промышленных рабочих. Те немногие крестьяне, которые в самом деле интересовались политическими вопросами, как правило, вступали в партию социалистов-революционеров, чьи программы отвечали потребностям сельского населения. Что же до рабочего люда, то доктрины анархизма находили отклик большей частью среди бродячих ремесленников, которые, как и Кропоткин, мечтали о прошедших временах ручного труда, или же среди неорганизованных и безработных обитателей городских трущоб.

Тем не менее многие из этих двух групп нашли применение своей склонности к насилию в террористических крыльях эсеровской партии или Польской социалистической партии. Между ремесленниками и пролетариатом трущоб находился растущий класс фабричных рабочих с постоянной занятостью, которые уже начали обретать свое место в условиях промышленной экономики. Если их вообще интересовала какая-либо политическая партия, то для защиты своих интересов они больше тянулись к социал-демократам.

Еще одна причина неудачи анархизма в его намерении привлечь к себе широкие массы кроется в нежелании большинства русских людей, даже тех, кто обитал на самом дне общества, принять и ультрафанатизм Бакунина, и наивный романтизм Кропоткина в виде решения их неотступных трудностей. Социалистические партии России по контрасту со своими собратьями в Западной Европе с их сильными реформистскими тенденциями были настроены достаточно воинственно, чтобы принимать в свои ряды всех, даже самых страстных и идеалистически настроенных студентов и ремесленников и бездомных бродяг городского дна. И наконец, сама суть анархистского символа веры с его резкой враждебностью к какой-либо иерархической организации препятствовала росту движения. А вот социал-демократы не

только позаимствовали многое из революционного духа анархизма, но и укрепили его эффективной организационной структурой.

В силу этих причин российский анархизм все двадцать пять лет своего существования продолжал оставаться рыхлым собранием независимых групп, не имеющих ни партийной программы, ни налаженного механизма координации своих действий. Тем не менее ход событий доказал, что анархизм, так точно отвечавший «максималистским» настроениям революционной России, в первое десятилетие нового века оказал на нее влияние, совершенно неадекватное сравнительно небольшому количеству его сторонников.

Глава 2. ТЕРРОРИСТЫ

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Александр Блок

Анархистское движение, на рубеже столетий возникшее в империи Романовых, имело предшественников в прошлом России. Из века в век в ее пограничных областях вспыхивали бурные народные восстания, окрашенные в анархистские тона. Хотя мятежные крестьяне обрушивали свою злобу на помещиков и чиновников, но благоговели перед царем или каким-нибудь самозванцем; память о массовых восстаниях – от Болотникова и Стеньки Разина до Булавина и Пугачева – была богатым источником вдохновения для Бакунина, Кропоткина и их учеников-анархистов.

Анархистские религиозные секты, которыми изобиловала Россия, также оказывали на вождей революционного анархизма глубокое воздействие, хотя сектанты были убежденными пацифистами и предпочитали верить в Христа, а не в насильственные действия. Секты неколебимо отвергали внешнее давление, религиозное или светское. Их приверженцы с презрением относились к официальной иерархии Русской православной церкви; они часто отказывались платить налоги, приносить присягу и брать в руки оружие. «Божьи дети, – заявляли члены секты духоборов, в 1791 году заключенные под стражу, – не испытывают нужды ни в царе, ни во властях, ни в человеческих законах».

Тот же самый христианский квиетизм был основным принципом Льва Толстого и его последователей, которые в 1880-х годах начали создавать анархистские группы в Орловской, Тульской и Самарской губерниях, а также в Москве. На рубеже веков толстовские миссионеры читали проповеди о христианском анархизме, пользующиеся большим успехом в черноземных областях. Еще южнее, вплоть до Кавказа, они основывали общины. Толстовцы, хотя и считали государство грешным и безнравственным инструментом давления, отвергали революционную активность как источник ненависти и насилия. Они были убеждены, что кровопролитием обще-

---

³ В первые годы XX века ведущим апостолом толстовства считался Владимир Григорьевич Чертков, издатель периодического журнала «Свободное слово», который выходил в Кристчерче (Англия). Кроме выпуска журнала (1901 – 1905) Чертков работал над книгой «Против власти» (Кристчерч, 1905).

ство улучшить невозможно – процветание возможно, только когда человек познает христианскую любовь. Конечно, революционные анархисты ни в грош не ставили доктрину Толстого о непротивлении злу насилием. Тем не менее они восторженно принимали его критику государства и формализованной религии, его отвращение к патриотизму и войнам и его глубокое сочувствие «неиспорченному» крестьянству^{3*}.

Другим источником анархистских идей, пусть и косвенным, был кружок Петрашевского в Санкт-Петербурге, который в 1840-х годах распространял в России идеи утопического социализма Фурье. Именно из его трудов Бакунин, Кропоткин и их последователи черпали веру в небольшие добровольные коммуны. Оттуда же шла их романтическая убежденность в том, что стоит человеку отринуть искусственные ограничения, наложенные правительствами, как он обретет гармонию бытия. Сходных взглядов придерживались и российские славянофилы в середине XIX столетия, особенно Константин Аксаков, для которого централизованное бюрократическое государство было «принципиальным злом». Аксаков как дома чувствовал себя в писаниях Прудона, Штирнера, а также Фурье. Его идеализированное представление о крестьянских коммунах оказало сильное влияние на Бакунина и последователей. Наконец, анархисты многое усвоили из либертарианского социализма Александра Герцена, прародителя народнического движения, который твердо отказывался жертвовать личной свободой ради тирании абстрактных теорий, вне зависимости от того, кто их выдвигал – парламентские либералы или авторитарные социалисты.

Несмотря на богатое наследство, оставленное крестьянскими революциями, религиозными сектами, группами толстовцев, петрашевцами, славянофилами и Александром Герценом, до начала XX века ни одно движение революционных анархистов не дало о себе знать – даже в зените популярности Бакунина в конце 60-х и начале 70-х годов. Это правда, что Бакунин главенствовал среди горсточки молодых русских эмигрантов. В сотрудничестве с ним они издавали в Женеве два журнала («Народное дело» и «Работник»), жизнь которых была весьма скоротечна. Кроме того, он пользовался влиянием в эфемерном кружке, известном в Цюрихе как «Русское братство». Правда и то, что под влиянием его уникального красноречия многие студенты-народники в 1870-х годах «пошли в народ». Его воздействие чувствовалось и во многих тайных кружках фабричных рабочих, которые в это время начали появляться в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Тем не менее в течение жизни Бакунина на русской почве не появилась ни одна серьезная бакунинская организация.

Основными последователями Бакунина в Швейцарии были Н.И. Жуковский, М.П. Сажин (Арманд Росс) и юный мятежник из Румынии, которому досталось семейное имя З.К. Ралли. В 1873 году Ралли помог создать в Женеве небольшую группу, названную Революционной коммуной русских анархистов, которая, как и цюрихское «Братство», распространяла идеи Бакунина среди радикальных изгнанников. А вот в России самым известным последователем Бакунина оказалась драматическая фигура Сергея Геннадиевича Нечаева, не столько подлинного анархиста, сколько апостола революционной диктатуры. Его привлекали не столько возвышенные цели создания бесклассового общества, сколько убежденность в необходимости конспирации и террора.

По мнению Нечаева, настоящим революционером может считаться только тот, кто полностью порывает все связи с существующим порядком, становится непримирим-

мым врагом современного мира, готовым пустить в ход даже самые отвратительные методы – включая кинжал, петлю, любой обман и вероломство – во имя «народной мести». Этот образ безжалостного заговорщика-подпольщика захватывал воображение многих молодых анархистов во время бурных месяцев 1905 и 1917 годов.

Та четверть столетия, что последовала после смерти Бакунина в 1876 году, была в царской империи временем черной реакции. Только перо Петра Кропоткина, жившего в изгнании в Западной Европе, дышало мечтательной убежденностью, что анархистское движение еще живо. Тогда, в 1892 году, может, пораженные размахом голода, который обрушился на их родину, русские студенты в Женеве создали кружок, который занимался пропагандой анархизма – первый после Революционной коммуны Ралли 1873 года.

Под руководством Александра Атабекяна, молодого армянского врача и ученика Кропоткина, новая группа, назвавшая себя «Анархистская библиотека», напечатала несколько брошюр Бакунина, Кропоткина и знаменитых итальянских анархистов Эррико Малатесты и Саверио Мерлино. Старания Атабекяна доставить эту литературу в Россию контрабандой не увенчались большими успехами, но труды «Анархистской библиотеки» привели к тому, что ближе к концу 90-х годов появился еще один пропагандистский кружок, известный под простым названием Женевская группа анархистов.

Из-под пресса швейцарского печатника Эмиля Хелда, сочувствовавшего анархистам, вышла дополнительная партия брошюр Кропоткина и работ таких знаменитых западноевропейских анархистов, как Жан Граве, Элизе Реклю и Иоганн Мост. В 1902 году группа последователей Кропоткина в Лондоне издала русский перевод книги «Завоевание хлеба». Она получила звонкое название «Хлеб и воля», которое немедленно вошло в арсенал анархистских лозунгов.

Лишь в 1903 году, когда в России зрело предвестие полномасштабной революции, анархистское движение дало о себе знать одновременно и в царской России, и в колониях эмигрантов в Западной Европе. Весной того же года первые анархисты появились в Белостоке и организовали группу «Борьба», которая состояла примерно из двенадцати человек. В то же самое время небольшой кружок молодых кропоткинцев в Женеве основал ежемесячный анархистский журнал (печатал его Эмиль Хелд), который был окрещен «Хлеб и воля» – по знаменитой книге их ментора. Лидерами этой новой женевской группы были К. Оргеиани, грузин, чья настоящая фамилия была Г. Гогелия, его жена Лидия и бывшая студентка Мария Корн (урожденная Голдшмит), чья мать в свое время была последовательницей знаменитого народника Петра Лаврова и чей отец издавал в Санкт-Петербурге журнал позитивистской философии.

Кропоткин из своей лондонской резиденции с энтузиазмом поддержал журнал «Хлеб и воля», снабдив его большим количеством материалов и редакционных статей. Знаменитое изречение Бакунина «Страсть к разрушению – это и страсть к созиданию» было избрано девизом издания. Первый номер, появившийся в августе 1903 года, содержал ликующую прокламацию, что Россия «накануне» великой революции. Контрабандой переправленный через границы Польши и Украины, «Хлеб и воля» был восторженно встречен белостокскими анархистами, которые принялись распространять драгоценные экземпляры среди своих друзей – студентов и рабочих, – пока бумага не начала рассыпаться в руках.

Вскоре на группу «Хлеб и воля» обрушился поток просьб: дайте больше литературы. В ответ группа издала дополнительные брошюры Бакунина и Кропоткина и русские переводы работ Граве, Малатесты и среди прочих Элизе Реклю. Варлаам Николаевич Черкезов, грузин княжеского происхождения и самый известный соратник Кропоткина в Лондоне, передал критический анализ марксистской доктрины, а Оргеиани – отчет о трагическом бунте 1886 года на Хаймаркет-сквер, который кончился мученической смертью четырех чикагских анархистов. В добавление к этим трудам по-русски поступило несколько номеров периодических изданий на идиш *Der Arbayer Fraynd* и *Zsherminal*, которые издавали еврейские анархисты из Ист-Энда⁴; *предназначены они были для распространения в гетто в черте оседлости*⁵. В Белостоке, не теряя времени, размножили на гектографе рукописные тексты статей из западных анархистских журналов и стали выпускать свои собственные листовки, прокламации и манифесты, большие пачки которых стали рассылаться в соседние общины и даже в такие далекие точки, как Одесса и Нежин (в Черниговской губернии), где с конца 1903 года стали появляться анархистские организации.

Несколько экземпляров «Хлеба и воли» достигли промышленных центров на далеком Урале, а в 1904 году группа анархистских пропагандистов стала распространять на старых запущенных заводах Екатеринбургa.

В 1905 году в России наконец грянула долгожданная буря. Народное недовольство резко усилилось из-за войны с Японией, которая разразилась в феврале 1904 года. Совершенно не готовый к конфликту, российский колосс потерпел несколько унижительных поражений, ответственность за которые народ возложил на провальную политику царского правительства.

К началу 1905 года ситуация в Санкт-Петербурге достигла предельного напряжения. Увольнение нескольких рабочих на огромном Путиловском военном заводе вызвало цепную реакцию забастовок в столице, которая увенчалась печальными событиями 9 января. Они получили название Кровавого воскресенья. (Все даты даются по юлианскому календарю – на тринадцать дней меньше, чем по западному календарю XX столетия, – которым Россия пользовалась до февраля 1918 года.)

В этот день рабочие фабричных предместий заполнили центр города, образовав огромную процессию. Под руководством Георгия Гапона, священника православной церкви, склонного к театральным поступкам, шествие, неся иконы и портреты царя, распевая псалмы и патриотические гимны, двинулось к Зимнему дворцу. Невооруженные рабочие и члены их семей несли драматическую петицию с просьбой к своему государю положить конец этой войне, созвать конституционное собрание,

---

⁴ Федерация еврейских анархистов, которые в Лондоне жили, главным образом, в Уайтчепеле и Майл-Энде, состояла преимущественно из ремесленников, которые эмигрировали из России в 1880 – 1890 годах. К концу века их лидером и издателем публикаций был Рудольф Рокер, интересная личность, немец христианского происхождения, который, присоединившись к лондонской группе, изучил идиш. Кропоткин и Черкезов часто посещали клуб Федерации на Джубили-стрит.

⁵ *В черте оседлости с самого начала циркулировали ранние издания анархистской литературы, которую Der Arbayer Fraynd с 1886 года публиковал в Лондоне, но в выходных данных, чтобы обмануть царскую полицию, ставилось «Вильно». В форме пасхальной «Хагады» или молитвенника памфлет ставил традиционные Четыре вопроса. Начинались они так: «Чем ночь Пасхи отличается от всех прочих ночей года?» Но тут вопрос радикально менялся: «Чем мы отличаемся от Шмуэля-фабриканта, Мейера-банкира, Зореха-ростовщика и Тодре-раввина?»*

даровать труженикам восьмичасовой рабочий день и право организации профсоюзов, отменить выплаты за освобождение из крестьянства и наделить всех граждан личной неприкосновенностью и равенством перед законом. Правительственные войска встретили демонстрантов огнем в упор, оставив на улицах сотни убитых и раненых.

В одно мгновение установившиеся издревле связи между царем и народом рухнули; впредь с этого дня, по словам отца Гапона, монарх и его подданные были разделены «реками крови». По всей стране тут же вспыхнул пожар революции. Забастовки, особенно жестокие и непримиримые в нерусских городах, разразились в каждом крупном промышленном центре; около полумиллиона рабочих оставили свои рабочие места и вышли на улицы. Вскоре в балтийских провинциях и в черноземных регионах Центральной России вспыхнули мятежи, крестьяне занимались поджогами и грабежами, как во времена Пугачева. К середине октября волна забастовок, хлынувшая из Москвы и Санкт-Петербурга, парализовала всю сеть железных дорог и привела едва ли не к полной остановке промышленного производства. Растущее число крестьянских волнений в сельской местности, октябрьская всеобщая стачка в городах и внезапное появление Совета рабочих депутатов, руководящего стачечным движением в Петербурге, настолько напугали Николая, что он подписал Манифест 17 октября, которым даровал народу неотъемлемые гражданские права, и заверил, что ни один из законов не будет принят без одобрения Государственной думы. Но поскольку их экономические требования не получили удовлетворения и инерция революции была сильна, рабочие и крестьяне продолжали бунтовать.

В декабре революция достигла своего апогея. В Москве забастовки и уличные демонстрации переросли в вооруженное восстание, которое было главным образом делом рук большевиков, но и анархисты и другие группы левого крыла принимали в нем активное участие. В рабочем квартале на Пресне появились баррикады. Бои шли более недели, и восстание было подавлено правительственными войсками, большинство из которых доказали свою верность царю. Короткое время яростные бои кипели в Одессе, Харькове, Екатеринославе, но армии и полиции удалось рассеять мятежников.

Эти вспышки народного недовольства, начатые Кровавым воскресеньем, дали мощный толчок радикальному движению, которое только начало развиваться в России. В течение революции 1905 года, как вспоминал Иуда Роцин, один из ведущих участников событий в Белостоке, анархистские группы «росли как грибы после дождя». До 1905 года в Белостоке было не больше двенадцати или пятнадцати анархистов, но к весне того же года существовало уже пять кружков, состоящих главным образом из бывших бундовцев и социалистов-революционеров. Они включали в себя не менее шестидесяти членов.

По сообщению надежного источника, в мае весь «отдел агитации» белостокской организации социалистов-революционеров перешел к анархистам. Когда в следующем году движение достигло пика, в него входила, скорее всего, дюжина кружков, объединенных в свободную федерацию. По подсчетам Роцина, когда анархисты Белостока обладали максимальной силой, их было около 300 человек, но это число кажется преувеличенным. Всего активных анархистов, скорее всего, было не больше

200 человек (фабричные рабочие, ремесленники, интеллигенты), хотя сотни людей достаточно регулярно читали их литературу и сочувствовали взглядам.

В западных губерниях организация анархистских групп тянулась от Белостока до Варшавы, Вильно, Минска, Риги и даже до таких небольших городов, как Гродно, Ковно и Гомель.

И наконец, даже в маленьких «штетл» (местечках), рассыпанных в пределах черты оседлости, существовали крохотные анархистские группы, в которые входили от двух до двенадцати членов, – из больших городов они получали литературу и оружие, которое предполагалось пускать в ход против владельцев государственной и частной собственности. На юге анархистские группы появились сначала в Одессе и Екатеринославе, а их отделения – в Киеве и Харькове на Украине, а также в крупных городах Кавказа и Крымского полуострова.

Все строилось по одному и тому же образцу: горсточка разочарованных социал-демократов или социалистов-революционеров образовывала небольшой кружок анархистов. Литература либо тайно доставлялась с Запада, либо с оказией – из Риги, Белостока, Екатеринослава, Одессы или из каких-то других центров, после чего распространялась среди рабочих и студентов этого района; появлялись другие кружки, и вскоре возникшие федерации приступали к самой разнообразной деятельности радикального толка: агитация, демонстрации, забастовки, грабежи и покушения. По мере того как революция набирала силу, анархистская волна начинала распространяться центростремительно, захватывая Москву и Санкт-Петербург, политические центры Российской империи, хотя это движение в столицах-близнецах носило более мягкие формы по сравнению с насилием на периферии.

Общим для всех новых анархистских организаций было полное разрушение капитализма и государства, ставящее целью расчистить путь для либертарианского общества будущего. Правда, практически не удавалось договориться, каким образом этого достичь. Самые горячие дебаты разгорались по вопросу о месте террора в революции. На одной стороне стояли две схожие группы «Черное знамя» и «Безначалие», которые защищали кампанию неограниченного террора против мира буржуазии. «Черное знамя» (это эмблема анархистов), вероятно самое крупное в империи сообщество анархистов-террористов, считало себя организацией анархистов-коммунистов, то есть тех, кто поддерживал цель Кропоткина – создание свободного сообщества, каждый член которого будет получать по потребностям. Тем не менее их конкретная тактика заговоров и насилия черпала вдохновение у Бакунина. «Черное знамя» привлекало больше всего сторонников в пограничных губерниях запада и юга. В их среде господствовали студенты, ремесленники и фабричные рабочие, но было также и несколько крестьян из деревень, расположенных рядом с крупными городами, и безработные, бродяги, профессиональные воры и самозваные супермены-нищанцы. Хотя многие из анархистов были поляками, украинцами и великороссами, большинство участников составляли евреи. Бросалось в глаза, что в экстремистской организации «Черное знамя» большей частью состояла молодежь девятнадцати – двадцати лет. А кое-кому из самых активных чернознаменцев вообще было всего пятнадцать или шестнадцать лет.

В Белостоке почти все анархисты были членами «Черного знамени». История этой молодежи отмечена отчаянным фанатизмом и непрерывными актами насилия.

Они были первой анархистской группой, которая сознательно взяла на вооружение политику террора против существующего порядка. В своих кружках из десяти или двенадцати человек они строили планы мести хозяевам и правителям.

Из-под печатного пресса «Анархия» выходил буквально поток зажигательных прокламаций и манифестов, полных горячей ненависти к существующему обществу и призывов к его немедленному разрушению. Типичной была листовка, адресованная «Всем рабочим» Белостока, 2000 экземпляров которой летом 1905 года, незадолго до заключения мира с Японией, было распространено по заводам и фабрикам. Атмосфера была полна мук, боли и разочарования. Тысячи жизней, начиналась она, были впустую принесены в жертву на Дальнем Востоке, еще тысячи погибают дома, как жертвы капиталистической эксплуатации. Подлинные враги народа – не японцы, а государство и частная собственность, – пришло время разрушить их. Листовка предупреждала рабочих Белостока: не предавать свою революционную миссию ради лживых посулов парламентских реформ, к которым стремятся многие социал-демократы и эсеры. Парламентская демократия – это всего лишь бесстыдный обман, хитрый инструмент, при помощи которого средний класс хочет господствовать над рабочими массами. Не позволяйте себя обманывать, требовала листовка, этой «научной дымовой завесой» социалистов-интеллигентов. Пусть вашим учителем и вождем будет одна лишь жизнь. Единственный путь к свободе лежит через «отчаянную классовую борьбу за анархистские коммуны, в которых не будет ни хозяев, ни управляющих, а будет царить подлинное равенство». Рабочие, крестьяне и безработные должны высоко поднять черное знамя анархии и двинуться к подлинной социальной революции. «Долой частную собственность и государство! Долой демократию! Да здравствует социальная революция! Да здравствует анархия!»

Хотя их обычными местами встречи были мастерские или частные квартиры, чернознаменцы Белостока часто под предлогом участия в похоронах собирались на кладбищах или в лесах на окраинах города, выставя дозорных, которые предупреждали об опасности. В течение лета 1903 года рабочие, социалисты и анархисты, провели ряд таких лесных встреч, чтобы выработать стратегию противостояния многочисленным увольнениям на текстильных фабриках. Когда одна из таких встреч была с ненужной жестокостью разогнана жандармами, анархисты в ответ ранили выстрелом начальника полиции в Белостоке. Так началась вендетта, которая без перерывов продолжалась в течение следующих четырех лет.

Ситуация на фабриках продолжала ухудшаться. Наконец летом 1904 года ткачи забастовали. Владелец большой прядильной фабрики Авраам Коган решил пригласить штрейкбрехеров, в результате чего разразилась кровавая стычка. Она спровоцировала восемнадцатилетнего чернознаменца Нисана Фарбера отомстить за своих сотоварищей рабочих. В день еврейского Страшного суда (Иом-Кипур) он напал на Когана на ступенях синагоги, серьезно ранив его ножом.

Через несколько дней состоялась еще одна встреча, в лесу, на которой обсуждались дальнейшие действия против текстильных магнатов. На ней присутствовало несколько сотен рабочих – анархисты, бундовцы, эсеры и сионисты. Они произносили зажигательные речи и пели революционные песни. Под аккомпанемент криков «Да живет анархия!» и «Да здравствует социал-демократия!» полиция окружила это бурное собрание, ранила и арестовала десятки человек. Нисан Фарбер снова при-

звал к мести. После испытания в местном парке своей самодельной «македонской» бомбы, он швырнул одну из них в подъезд управления полиции, ранив несколько офицеров внутри. Сам Фарбер погиб при взрыве.

Вскоре имя Нисана Фарбера стало легендой для чернознаменцев пограничных губерний. После того как в январе 1905 года разразилась революция, они последовали его примеру неограниченного терроризма. Чтобы раздобыть оружие, группы анархистов совершали налеты на оружейные магазины, полицейские участки и арсеналы; маузеры и браунинги, которые таким образом попадали им в руки, становились их излюбленным оружием. Стоило им вооружиться пистолетами и примитивными бомбами, сделанными в кустарных лабораториях, банды анархистов совершали бездумные убийства и «экспроприации» денег и ценностей из банков, почтовых отделений, с заводов, из магазинов и частных жилищ дворян и представителей среднего класса.

В период революции налеты на работодателей и их предприятия – акты «экономического террора» – стали повседневным явлением. В Белостоке кидали динамитные шашки на фабрики и в квартиры наиболее ненавистных промышленников. На заводе кожанных изделий анархисты призывали рабочих к нападению на своего хозяина, которому, спасаясь, пришлось выпрыгнуть в окно. В Варшаве партизаны «Черного знамени» грабили и взрывали фабрики, мешали работе пекарен, взрывая печи и подливая керосин в тесто. Чернознаменцы в Вильно издали «открытое обращение» на идиш к фабричным рабочим, предупреждая их о существовании шпионов компаний, которых внедряли в их среду, чтобы выслеживать террористов. «Долой провокаторов и шпионов! Долой буржуев и тиранов! Да здравствует террор против буржуазного общества! Да здравствует коммуна анархистов!»

Чаще всего инциденты с применением насилия случались на юге. Чернознаменцы Екатеринослава, Одессы, Севастополя и Баку организовывали «боевые дружины» террористов, создавали лаборатории взрывчатки, совершали бесчисленные убийства и налеты, взрывали предприятия и вступали в кровопролитные стычки с сыщиками, которые выслеживали их убежища. Случалось, даже торговые суда, которые заходили в Одесскую гавань, становились объектами анархистских «эксов», так назывались «экспроприации», а деловые люди, врачи и юристы под страхом смертной казни были вынуждены передавать анархистам денежные взносы.

Типичной была история Павла Гольмана, молодого рабочего из Екатеринослава. Сын сельского полицейского, он нашел работу в Екатеринославских железнодорожных мастерских. В 1905 году, побывав в рядах эсеров и социал-демократов, он вступил в «Черное знамя». «К анархизму меня привлекли не ораторы, – объяснил он, – а сама жизнь». Гольман входил в состав забастовочного комитета своего предприятия и во время всеобщей стачки в октябре дрался на баррикадах. Вскоре он стал принимать участие в «эксах» и диверсиях на железной дороге в окрестностях Екатеринослава. Раненный при взрыве одной из своих самодельных бомб, он был схвачен и под охраной отправлен в больницу. Когда не удалась дерзкая попытка его соратников освободить Гольмана, он покончил с собой. Ему было всего двадцать лет.

В глазах чернознаменцев каждый насильственный акт, каким бы жестоким и бессмысленным он ни казался обществу, имел смысл, как средство мести и расплаты с мучителями. Анархистам не нужно было искать особого повода, чтобы бросить бом-

бу в театр или ресторан; достаточно было знать, что такие места посещают только преуспевающие граждане. Член «Черного знамени» на суде в Одессе так объяснил судьям концепцию «безмотивного» террора: «Мы признаем отдельные экспроприации только как способ получения денег для наших революционных действий. Если мы получаем деньги, мы не убиваем тех лиц, у которых экспроприуем. Но это не значит, что он, владелец денег, откупился от нас. Нет! Мы будем искать его в самых разных ресторанах, кафе, театрах, на балах, концертах и так далее. Смерть буржую! И кем бы он ни был, ему никогда не скрыться от бомб и пуль анархистов».

Небольшая группа, отколовшаяся от организации «Черное знамя», возглавляемая Владимиром Стригой (Лapidусом), была убеждена, что редкие отдельные налеты на буржуазию ничего не дают. Она призывала к массовому восстанию, чтобы превратить Белосток во «вторую Парижскую коммуну». Эти «коммунары», под таким именем они были известны своим соратникам-чернознаменцам, не отрицали насильственных действий, но просто хотели сделать еще один шаг на пути к массовому революционному восстанию, которое без промедления должно привести к бесклассовому обществу. Тем не менее эта стратегия не получила большой поддержки. На конференции, состоявшейся в январе 1906 года в Кишиневе, «безмотивники», доказавшие, что отдельные террористические акты представляют собой мощное и эффективное оружие против старого порядка, легко одержали верх над своими соратниками-«коммунарами», поскольку «безмотивники» только что одержали две драматические удачи: в ноябре и декабре 1905 года они взорвали бомбы в отеле «Бристоль» в Варшаве и в кафе Либмана в Одессе, добившись большой известности, которая повергала в дрожь уважаемых членов общества. Возбужденные этими успехами, «безмотивники» строили еще более величественные планы разрушений, не догадываясь, что момент их триумфа вскоре сменится куда более продолжительным периодом жестоких кар.

Столь же фанатичной, как и «Черное знамя», была небольшая группа вооруженных анархистов «Безначалие», действовавшая в Санкт-Петербурге. Работая в основном за пределами черты оседлости (хотя небольшие кружки существовали в Варшаве, Минске и Киеве), «Безначалие», не в пример «Черному знамени», имело в своих рядах лишь несколько евреев. Очень высока была пропорция студентов, даже выше, чем в «Черном знамени», а неквалифицированные рабочие и безработные бродяги составляли лишь малую часть. Как и чернознаменцы, члены «Безначалия» называли себя анархо-коммунистами, ибо конечной их целью была свободная федерация территориальных коммун. Тем не менее они имели много общего с анархистами-индивидуалистами, эпигонами Макса Штирнера, Бенджамена Такера и Фридриха Ницше, которые индивидуальное «эго» ставили выше потребностей общества. В своей страстной увлеченности революционной конспиративностью и крайней враждебности к интеллигенции – несмотря на то что почти все они сами были интеллигентами – «Безначалие» несло на себе отпечаток личности Сергея Нечаева и его предшественников из ультрарадикального кружка Ишутина, в 1860-х годах действовавшего в Санкт-Петербурге.

Как и их собратья из «Черного знамени», мятежники «Безначалия» были яркими сторонниками «безмотивного» террора. Каждый удар по правительственным чиновникам, полицейским или собственникам представлял собой прогрессивное действие,

потому что вызывал «классовый разлад» между униженным большинством и привилегиями их хозяев. Их боевым кличем был «Смерть буржуазии!», потому что «смерть буржуазии – это жизнь рабочих».

Группа «Безначалие» была основана в 1905 году молодым интеллигентом, который носил псевдоним Бидбей. По странному совпадению его подлинное имя и фамилия были Николай Романов, как у царя. Рожденный в семье обеспеченного землевладельца, Николай рос маленьким и хрупким, однако обладал бурным, импульсивным характером и острым умом. В начале столетия молодой человек числился студентом Санкт-Петербургского горного института, откуда был исключен за участие в студенческой демонстрации. Когда ректор института послал ему письмо с уведомлением об исключении, Романов вернул его с резолюцией «Прочел с удовольствием. Николай Романов», подобно тем, которые царь часто оставлял на представляемых ему документах. После исключения Романов отправился в Париж, но уже в новом облике – подпольщика, оснащенного новыми документами. В резком памфлете, появившемся в преддверии 1905 года, Бидбей рисовал страшные образы разгрома и разрухи, которые уже маячат за горизонтом: «Страшная ночь! Ужасные сцены... Это отнюдь не невинные проказы «революционеров». Это Вальпургиева ночь революции, когда Люцифер призывает Спартак, Разина – и герои кровавых пиршеств слетаются на землю. И Люцифер поднимает восстание!»

Через несколько недель после начала восстания Бидбей с помощью друзей в эмиграции приступил к изданию ультрарадикального журнала «Листок группы «Безначалие», который вышел в свет дважды: весной и летом 1905 года. В первом номере было представлено кредо «Безначалия»: любопытная смесь веры Бакунина в отщепенцев общества, требований Нечаева кровавой мести привилегированным классам, концепции Маркса о классовой борьбе и перманентной революции, а также кропоткинских представлений о свободной федерации коммун. Бидбей и его союзники объявили современному обществу «партизанскую войну», в которой будет разрешен террор любого вида – индивидуальный, массовый, экономический. Поскольку «буржуазный» мир прогнул до корней, в парламентских реформах нет никакого смысла. Необходимо вести широкую классовую борьбу, «вооруженное восстание народа: крестьян, рабочих и всех обездоленных, которые ходят в лохмотьях... уличные бои всех возможных видов и в самой яростной форме... революцию en permanence, которая будет представлять целый ряд народных восстаний – пока бедняки не одержат решительной победы». В нечаевском духе (Бидбей обожал цитировать или пересказывать слова Нечаева, перед которым он просто преклонялся) символ веры «Безначалия» отрицал религию, семью, всю буржуазную мораль и звал неимущих нападать и грабить дома и предприятия своих эксплуататоров. Революция должна делаться руками не только рабочих и крестьян, декларировал Бидбей, повторяя Бакунина, но и так называемыми «отбросами общества – безработными, бродягами, нищими, отщепенцами и отверженными, потому что все они наши братья и друзья». Бидбей всех их призывал к «могучей и безжалостной, всеобщей и кровавой народной мести» (любимое выражение Нечаева). «Да здравствует федерация свободных коммун и городов! Да здравствует анархия!»

Ужасающие представления Бидбея о революции делил с ним небольшой кружок анархистов-общинников, который во время революции 1905 года доставил в Санкт-

Петербург огромное количество подстрекательской литературы. Заметным членом этой группы был Толстой-Ростовцев (он же Н.В. Дивногорский), сын правительственного чиновника из Саратовской губернии. Примерно тридцати лет от роду (Бидбею было двадцать с небольшим), Ростовцев обладал простой, но симпатичной внешностью, а идеализм его натуры с готовностью преобразовался в революционный фанатизм. Посещая Харьковский университет, он стал вначале страстным последователем толстовского непротивления злу насилием, но вскоре оказался на противоположном полюсе – проповедником неограниченного террора. В 1905 году он писал инструкции (вместе с чертежами) по изготовлению самодельных «македонских» бомб и давал советы крестьянам, «как ловчее поджигать скирды сена своего помещика». На обложке одной из брошюр изображены бородатые крестьяне с косами и вилами в руках, поджигающие церковь и усадьбу в своем селе. На их знамени был девиз: «За землю, за волю, за анархистскую долю». Ростовцев призывал русский народ «взять топор и обречь на смерть царскую семью, помещиков и попов!».

Другие брошюры Ростовцев и его соратники по кружку анархистов-общинников адресовали фабричным рабочим Петербурга, побуждая их ломать станки, подкладывать заряды динамита под городские электростанции, бросать бомбы в «палачей» из среднего класса, грабить банки и магазины, взрывать полицейские участки и сносить тюрьмы с лица земли. Кровавое воскресенье научило рабочих, чего ждать от царя и робких адвокатов постепенных реформ. «Пусть могучая волна массового и индивидуального террора захлестнет всю Россию! Да восторжествует бесклассовое общество, где каждый будет иметь свободный доступ к общественным хранилищам и работать всего четыре часа в день, чтобы иметь время для отдыха и образования – время, чтобы жить, «как подобает человеку», неся лозунги социальной революции и «Да здравствует анархистская коммуна!».

Петербургские анархисты-общинники и парижская группа Бидбея «Безначалие» вне всяких сомнений имели много общего. Не раз листовки петербургской группы перепечатывались в «Листке» Бидбея. И соответственно не вызывало удивления, что, когда в декабре 1905 года Бидбей вернулся в российскую столицу, анархисты-общинники сразу же признали его своим лидером и сменили имя организации на «Безначалие».

В рядах «Безначалия» была женщина-доктор, три или четыре гимназиста, жена Ростовцева Маруся и несколько бывших студентов университета (кроме Бидбея и Ростовцева), весьма выдающийся молодой человек из провинции девятнадцати лет от роду Борис Сперанский и Александр Колосов (Соколов), примерно двадцати шести лет, сын священника из Тамбовской губернии. Как и многие другие участники революционного движения, Колосов получил образование в православной семинарии, где преуспел в математике и в иностранных языках. Он был принят в Духовную академию, но резко прервал многообещающую церковную карьеру, вступив в эсеровский кружок и занявшись революционной пропагандой. Затем он провел какое-то время в ряде российских университетов, но лишь для того, чтобы вернуться в отцовскую деревню, где стал вести пропаганду среди крестьян. В 1905 году Колосов прибыл в Санкт-Петербург и вступил в анархистский кружок Ростовцева.

Кроме Бидбея (и возможно, Ростовцева), по крайней мере еще один член «Безначалия» имел дворянское происхождение. Владимир Константинович Ушаков, чей

отец был земским начальником в Санкт-Петербургской губернии, вырос в семейном имении под Псковом. После окончания гимназии в Царском Селе, где была летняя резиденция царя, Ушаков поступил в Санкт-Петербургский университет и уже в 1901 году включился в студенческое движение. Как и Бидбей, он уехал за границу, но вернулся в Санкт-Петербург как раз, чтобы стать свидетелем массовой бойни Кровавого воскресенья. Скоро он вступил в ряды анархистов-общинников и стал действовать как агитатор среди фабричных рабочих, которым был известен под кличкой Адмирал.

И наконец, надо упомянуть еще одного члена кружка Бидбея, некоего Дмитриева, или Дмитрия Боголюбова, который, как выяснилось, был полицейским шпином и способствовал провалу группы в январе 1906 года. В то время, когда «Безначалие» планировало крупную «экспроприацию» (пока им удалось провести лишь два террористических акта: взрыв бомбы и стрельба по сыщикам), полиция ворвалась в их штаб-квартиру, арестовала заговорщиков и захватила их печатный пресс. Ускользнуть из рук властей повезло только Ушакову, который скрылся во Львове в Австрийской Галиции.

«Черное знамя» и «Безначалие» при всей их известности были единственными организациями анархо-коммунистов, которые возникли в революционной России. Что же до остальных, то некоторые предпочли придерживаться относительно умеренного курса кропоткинской организации «Хлеб и воля», в основном довольствуясь распространением пропаганды среди рабочих и крестьян. Тем не менее большинство приняло кровавое кредо Бакунина и Нечаева и ступило на путь терроризма. Одно такое ультрарадикальное общество, Интернациональная группа в балтийском городе Риге, организовало серию «эксков» и выпустило на гектографе поток листовок, понося сдержанность и умеренность любого вида. Рижская группа презрительно отбросила мнение социалистов, что волнения 1905 года были «демократической революцией», и осудила их за защиту «мирного сотрудничества в парламенте со всеми капиталистическими партиями». Лозунг «свободы, равенства и братства», под которым неизменно выступали все европейские революции XVIII и XIX веков, был пустым обещанием со стороны среднего класса. «Научный» социализм окрещен пустым обманом. Марксисты с их централизованным партийным аппаратом и многословными разговорами об исторических этапах, по их мнению, были «друзьями народа» не больше, чем Николай II. Они скорее были якобинцами наших дней, которые ставили себе целью с помощью рабочих захватить для себя власть. Подлинного освобождения человечества можно добиться только с помощью социальной революции широких масс. Нетерпеливые ответвления анархизма прибегали к насильственным формам, в основном на юге, где «боевые порядки» больших городов в старании координировать свою террористическую деятельность объединялись в свободных рамках Южно-русской боевой организации.

Анархисты Киева и Москвы как бы по контрасту прилагали максимальные усилия к распространению пропаганды. Киевская группа анархо-коммунистов нашла убе-

---

⁶ В 1907 году Дмитрий Богров, который четыре года спустя совершил в Киеве покушение на премьер-министра Столыпина, был членом киевской группы анархо-коммунистов и в то же время состоял агентом секретной полиции. Тем не менее убийство Столыпина было его личным актом, не имевшим прямой связи с его революционной или полицейской деятельностью.

дительного защитника умеренного курса действий в лице молодого кропоткинца Германа Борисовича Сандомирского^{6*}. Тем не менее самым важным пропагандистским центром была Москва. Первый анархистский кружок появился здесь в 1905 году, но почти сразу же распался, едва полиция арестовала его лидера, еще одного молодого ученика Кропоткина Владимира Ивановича Забрежнева (Федорова). Группа «Свобода», которая смогла заявить о себе в декабре 1905 года, действовала как склад, перевалочный пункт пропагандистских материалов, получая литературу из Западной Европы и из пограничных губерний, откуда она распространялась среди новых ячеек в Москве, Нижнем Новгороде, Туле и других промышленных центрах Центральной России. В 1906 году в Москве появились еще четыре группы: «Свободная коммуна», «Солидарность» и «Безвластие», искавшие себе сторонников в рабочих районах, а также студенческий кружок, использовавший аудитории Московского университета как революционный форум.

Совместные митинги с эсерами и социал-демократами, на которых шли горячие дебаты о достоинствах парламентского правительства, порой проходили на Воробьевых горах и в Сокольниках на окраине города. «Долой Думу! – случалось, кричали анархисты. – Долой парламентаризм! Мы хотим свободы и хлеба! Да здравствует народная революция!» Некоторые из московских групп к пропагандистской деятельности примешивали и терроризм, делая «японские» бомбы и собирая тайные конклавы в Донском монастыре, чтобы планировать «экспроприации». Одна молодая женщина двадцати шести лет рассталась с жизнью, когда бомба, которую она проверяла, взорвалась у нее в руках.

Кроме многочисленных групп анархо-коммунистов, которые во время революции 1905 года появились по всей России, в Одессе возникла еще одна, совсем небольшая группа анархистов, анархо-синдикалистского толка (о них пойдет речь ниже), а в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве появилась еще одна разновидность – анархо-индивидуалисты. Оба ведущих представителя индивидуалистского анархизма обитали в Москве – Алексей Алексеевич Боровой и Лев Черный (Павел Дмитриевич Турчанинов). От Ницше они унаследовали желание полного отказа от всех ценностей буржуазного общества – политических, моральных и культурных. Более того – находясь под сильным влиянием Макса Штирнера и Бенджамена Такера, немецкого и американского теоретиков индивидуалистского анархизма, они потребовали полного освобождения человеческой личности от пут организованного общества. С их точки зрения, даже добровольческие коммуны Петра Кропоткина ограничивают свободу личности. Часть анархо-индивидуалистов нашла конечное выражение своей социальной отчужденности в насилии и преступлениях, другие обрели себя в авангардистских литературных и художественных кружках, но большинство осталось философскими анархистами, которые вели оживленные дискуссии и разрабатывали свои теории индивидуализма в толстых журналах и книгах.

Хотя все эти три категории русского анархизма – анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и анархо-индивидуалисты – вербовали своих сторонников почти исключительно из рядов интеллигенции и рабочего класса, группы анархо-коммунистов предприняли определенные усилия для распространения своих идей среди солдат, а также крестьян. В начале 1903 года «Группа русских анархистов» опубликовала небольшую брошюру, в которой призывала к «дезорганизации,

разложению и уничтожению русской армии и замене ее вооруженными массами народа». После поражения в Русско-японской войне листовки анархистов настойчиво убеждали солдат, что подлинную войну они должны вести дома – против правительства и любой формы частной собственности. Тем не менее антимилитаристская литература такого рода не пользовалась большим спросом, и очень сомнительно, что она оказывала какое-либо заметное влияние на войска.

Пропаганда в деревнях велась с большим размахом, но результаты ее, похоже, оказались лишь немногим лучше. В сентябре 1903 года во втором номере издания «Хлеб и воля» был объявлен «аграрный террор» как «решительная форма партизанской войны против помещиков и центрального правительства». Нелегальная брошюра, в том же году изданная в Санкт-Петербурге, заверяла крестьян, что им не нужен «ни царь, ни правительство», а только «земля и свобода». Автор ссылался на мифы об идиллическом веке свободы, который якобы существовал в средневековой России, когда власть в городах принадлежала общему собранию (вече), а в деревнях – общине. Чтобы восстановить такое либертарианское общество, народ должен был вести «неустанную борьбу за освобождение». «Рабочие и крестьяне! Не признавайте никакой власти, никаких мундиров, никаких ряс. Любите только свободу и стойте за нее!»

Революция 1905 года стала мощным стимулом для пропаганды такого рода. «Долой помещиков, долой богатых! – заявлял Ростовцев из группы «Безначалие», подстрекая крестьян жечь сеновалы своих хозяев. – Вся земля принадлежит нам, крестьянскому народу!» Анархисты-коммунисты из Одессы, Екатеринослава, Киева и Чернигова распространяли в деревнях «маленькие книжки», содержащие призывы к восстанию, – точно как тридцать лет назад их предшественники – народники. В Рязанской губернии листовки с такими заголовками, как «Вынь плуг из борозды» и «Как крестьянам обойтись без властей», переходили из рук в руки; в последней описывалась сельская коммуна, которая, избавившись от правительства, жила свободно и счастливо. «Хлеб, одежду и другие товары каждый будет брать из общественных хранилищ в соответствии со своими потребностями».

В Тамбовской губернии безначалец Колосов в 1905 году сеял семена анархизма и три года спустя они дали плоды в форме группы крестьян-анархистов «Пробуждение». Другие анархистские группы появились в сельскохозяйственных районах между 1905 и 1908 годами, но они часто походили на социалистов-революционеров, которым в революционный период едва ли не принадлежала монополия на крестьянский радикализм.

Во время восстания 1905 года, когда чернознаменцы и «Безначалие» вели борьбу не на жизнь, а на смерть против правительства и обеспеченных классов России, Кропоткин и его приверженцы оставались на Западе, занятые не столь пламенными задачами, а вопросами пропаганды и организации. Обе экстремистские группы сочли относительную респектабельность кропоткинское издания «Хлеб и воля» просто отвратительной. Террористы, ежедневно рискуя жизнью в актах насилия, отвергали то, что считали пассивным отношением кропоткинцев к героическому эпосу, который творился в России. Еще в 1903 году у них сложилось двойственное отношение к описанию Кропоткиным грядущей революции в России просто как к «прологу или пусть даже к первому акту общинной революции на местах». И в 1905

году крайние элементы тем более преисполнились подозрительности, когда Кропоткин сравнил бурю в России с английской и французской революциями, которые, с их точки зрения, просто привели к власти новых хозяев. Для «Безначалия» и «Черного знамени» 1905 год был не робким шагом к компромиссной системе «либерального федерализма», а последним и решительным боем, подлинным Армагеддоном.

Может быть, эти яростные сторонники анархистского движения в какой-то мере неправильно истолковывали те наблюдения, которые Кропоткин сделал в 1905 году. Проводя свою аналогию между революцией в России, с одной стороны, и английской и французской, с другой, Кропоткин специально подчеркивал, что Россия совершила куда больше, чем «просто переход от автократии к конституционализму», это больше, чем простой политический переход, при котором аристократия или средний класс становятся новыми правителями на месте короля». Когда Кропоткин изучал ранние мятежи и революции в Западной Европе, больше всего его поразила их многосторонность и разительные перемены, которые они вызвали в человеческих отношениях. Он был убежден, что события 1905 года были для России «великой революцией», по глубине и размаху сравнимой с великими революциями во Франции и Англии, а не мимолетным мятежом, организованным небольшой группой повстанцев. Русские люди были свидетелями не «простой смены администрации», а социальной революции, которая могла бы «радикально изменить условия экономической жизни» и положить конец существованию этого правительства насилия. Действительно, русская революция доказала, что она куда более бурная, чем предыдущие восстания на Западе, потому что она была направлена на «освобождение народа, основанное на подлинном равенстве, подлинной свободе и искреннем братстве».

Тем не менее постоянные ссылки Кропоткина на революции в Англии и Франции, похоже, как-то сдерживали реализацию идеи бесклассового коммунизма, к которому так отчаянно стремились чернознаменцы и «Безначалие». Более того, учитывая резкую антипатию Кропоткина к мятежам и бунтам, которые организовывали небольшие группы мятежников, неудивительно, что в кругах террористов к его анализу революции 1905 года относились неодобрительно.

Снова и снова Кропоткин выражал свое неодобрение и переворотам бланкистов и кампаниям террора и насилия, которые проводили небольшие тесно сплоченные группы заговорщиков, изолированные от народной массы. Редкие и случайные убийства и грабежи, настаивал он, произведут куда меньшее воздействие на существующий порядок вещей по сравнению с захватом политической власти; индивидуальным «эксам» не должно быть места в широкой революции масс, цель которой не алчное перераспределение богатств от одной группы к другой, а полное уничтожение частной собственности как таковой.

Владимир Забрежнев, один из учеников Кропоткина, сравнивал эскапады русских террористов с «эрой динамита» во Франции, когда в начале 1890-х годов отчаянные налеты Равашоля, Августа Вэлланта и Эмиля Генри заставляли чиновников и бизнесменов трястись от страха за свою жизнь. Разгул насилия тех лет, хотя и объяснялся общественной несправедливостью, все-таки мало чем отличался от вспышек личного «гнева и возмущения», говорит Забрежнев. «Есть основания утверждать, – делает он вывод, – что такие действия, как нападение на первого же буржуа или государственного чиновника, которого вам доводится встретить, использование яда или

взрывчатки в кафе, театрах и т. д., ни в коем случае не представляют логического вывода из анархистского Weltanschauung; объяснение этих действий в психологии тех, кто их совершает». Сходным образом хлебовольцы Кропоткина осуждали банды грабителей, такие как «Черный ворон» и «Ястреб» из Одессы, за то, что они используют идеологический плащ анархизма, дабы скрыть хищническую натуру своих действий. Эти «бомбометатели-экспроприаторы», заявляли кропоткинцы, ничем не лучше, чем бандиты из Южной Италии, и их программа всеобщего террора представляет собой гротескную карикатуру на доктрины анархизма, она деморализует подлинных сторонников движения и дискредитирует анархизм в глазах общества.

Тем не менее при всех этих суровых словах Кропоткин и его хлебовольцы продолжали санкционировать акты насилия, источником которых была уязвленная совесть или сочувствие к угнетенным, а также «пропаганда действием», специально созданная для пробуждения революционной сознательности масс. Группа «Хлеб и воля» тоже оправдывала «оборонительный террор» для отпора разгону полицейских сил или черносотенцев, отрядов громил, устраивавших еврейские погромы и нападения на интеллигенцию в 1905 – 1906 годах. И поэтому сообщение из Одессы, бурным летом 1905 года опубликованное в издании «Хлеб и воля», провозглашало: «Только враги народа могут быть врагами террора!»

Из нескольких анархистских школ, появившихся в этот период в России, самыми суровыми критиками тактики терроризма были анархо-синдикалисты. Даже сравнительно сдержанные хлебовольцы не избежали их цензуры. Самый известный лидер анархо-синдикалистов в России, выступавший под псевдонимом Даниил Новомирский (его настоящее имя Яков Кириловский), упрекал Кропоткина и его последователей за то, что они поощряли пропаганду действием и другие отдельные формы терроризма, которые, как он говорил, лишь поощряли совершенно ненужный «дух мятежа» среди отсталых и не готовых к действиям масс. Что же до откровенных террористов «Безначалия» и «Черного знамени», Новомирский сравнивал их с организацией «Народная воля» предыдущего поколения, потому что все эти группы ошибочно полагались на небольшие «отряды мятежников», действия которых якобы повлекут за собой фундаментальные изменения старого порядка – а эта задача под силу только широким массам самого русского народа.

Новомирскому довелось быть в той толпе, которая собралась у кафе Либмана после того, как в декабре 1905 года оно пережило взрыв бомбы. Он обратил внимание, что в этом кафе собирались отнюдь не самые богатые люди. Это был «второклассный» ресторан, обслуживавший мелкую буржуазию и интеллигенцию. Бомба, взорвавшаяся на улице, не произвела «ничего, кроме шума». Новомирский отметил реакцию рабочих, стоявших на улице в толпе: «Что, революционеры не могут придумать ничего лучшего, чем бросать бомбы в рестораны? Можно подумать, что царская власть уже свергнута и буржуазия уничтожена! Бомбу, без сомнения, бросили черносотенцы, чтобы дискредитировать революционеров».

Новомирский предупреждал, что, если анархисты продолжат следовать своей бесплодной тактике и будут бросать в бой свои неподготовленные батальоны, судьба их будет столь же трагичной, сколь и у «Народной воли», руководители которой закончили свой путь на виселице. Первостепенная задача анархизма, утверждал он, – это распространение пропаганды на заводах и организация революционных

профессиональных союзов, которые станут средством классовой борьбы против буржуазии. В наше время, добавлял он, единственным эффективным террором может быть «экономический террор» – забастовки, бойкоты, саботаж, нападения на директоров предприятий и экспроприация правительственных фондов. «Неразборчивые налеты банд мародеров, вместо того чтобы поднимать революционную сознательность пролетариата, могут только «зlobить рабочих, вызывать к жизни кровожадные инстинкты».

Как ни смешно, но и собственная группа анархо-синдикалистов Новомирского в Одессе создала боевой отряд и провела ряд дерзких «экспроприаций». Для пополнения казны группы боевой отряд ограбил поезд под Одессой, а в другом случае вместе с эсерами участвовал в ограблении банка, которое принесло анархистам чистые 25 000 рублей. (Деньги они потратили на приобретение дополнительной партии оружия и установку печатного пресса, на котором были напечатаны написанная Новомирским программа анархо-синдикалистов и один номер их журнала «Вольный рабочий».) Группа Новомирского имела лабораторию по изготовлению бомб. Руководил ею польский мятежник, псевдоним Кэк, потому что он любил танцевать с женой в лаборатории кэк-уок, держа бомбы в руках. Второй лидер анархистов Одессы, Лазарь Гершкович, хотя и считал себя учеником Кропоткина, лелеял такую же смесь анархизма и терроризма. Как инженер-механик, Гершкович создал свою лабораторию для производства бомб и в одесском движении был известен под именем Кибальчич – в честь молодого инженера из «Народной воли», который изготовил бомбы, убившие Александра II.

Новомирский попытался оправдать лицемерные уловки своих коллег по террору, утверждавших, что они действуют ради всего движения «в целом» – а это совсем другое дело по сравнению с пустым бомбометанием или «чисто уголовной концепцией экспроприаций». Аргументы Новомирского против «безмотивного террора» эхом откликнулись в Западной Европе стараниями другого известного русского синдикалиста Максима Раевского (Л. Фишелев), который осудил «нечаевскую тактику» таких обществ заговорщиков, как «Черное знамя» и «Безначалие», и осмеял их веру в революционность воров, бродяг, люмпен-пролетариев и других представителей низов российского общества. Было самое время, как считал Раевский, признать, что успешную социальную революцию может совершить организованная армия бойцов, которую способно создать только рабочее движение^{7*}.

В «максималистской» атмосфере 1905 года, наверное, было неизбежно, что главную роль стало играть террористическое крыло анархистского движения. Терпеливые усилия анархо-синдикалистов и хлебовольцев по распространению пропаганды на заводах и в деревнях были перекрыты лихими подвигами их экстремистских соратников. Не проходило и дня без газетного сообщения о сенсационных грабежах, убийствах и диверсиях, которые были делом рук отчаянных налетчиков. Они

---

⁷ Такая же критика бандитизма анархистов доносилась и из лагеря социалистов. По рассказу одного социал-демократа, боевым кличем анархистов был примитивный возглас: «Кошелек или жизнь!» В то же самое время анархисты старались завоевать авторитет среди рабочих, «навевая им золотые мечты о будущем рае анархистской системы». Тридцать лет спустя большевистский историк Емельян Ярославский осудил террористические акты анархистов, как «чистый бандитизм», но предпочел полностью игнорировать «экссы», которые проводили члены партии большевиков до и после 1905 года.

грабили банки и магазины, захватывали печатные прессы, чтобы издавать свою литературу, убивали сторожей, офицеров полиции и правительственных чиновников. Отчаянная и раздраженная молодежь удовлетворяла свою тягу к острым чувствам и самоутверждению, бросая бомбы в общественные помещения, заводские конторы, в театры и рестораны.

Беззаконие достигло предела ближе к концу 1905 года, когда «безмотивники» взорвали свои бомбы в варшавском отеле «Бристоль» и в кафе Либмана в Одессе, а отряды «лесных братьев» превратили лесистые пространства от Вятки до балтийских губерний в некое подобие Шервудского леса. После подавления Московского восстания тут сразу же наступило успокоение, в ходе которого многие революционеры нашли себе убежища.

Но терроризм возобновился довольно быстро. В 1906 – 1907 годах анархисты записали на свой счет более 4000 жизней, хотя и они потеряли почти такое же количество своих членов (большей частью эсеров). Тем не менее начался отлив, обращенный против них. П.А. Столыпин, новый царский премьер-министр, предпринял строгие меры для «умиротворения» нации. В августе 1906 года летний дом Столыпина был взорван эсерами-максималистами (ультрарадикальное отделение партии социалистов-революционеров, которое требовало немедленной социализации сельского хозяйства и промышленности). Были ранены его сын и дочь и погибли 32 человека. К концу года премьер-министр ввел почти по всей империи чрезвычайное положение. Жандармы выслеживали членов «Черного знамени» и «Безначалия» в их убежищах, захватывали тайники с оружием и боеприпасами, находили украденные типографские прессы и уничтожали лаборатории со взрывчаткой. Наказания были быстрыми и безжалостными. Были учреждены военно-полевые суды, которые не утруждались предварительным следствием, вердикт выносился в течение двух дней, приговор приводился в исполнение немедленно.

Если юным мятежникам и предстояло умереть, они хотели идти своим путем, а не становиться жертвами «столыпинских галстуков» – так называлась петля, с помощью которой сотни революционеров, настоящих и мнимых, отправились в могилу. После жизни, прожитой в отчаянии и упадке, смерть не казалась такой уж страшной. Как после ареста заметил Колосов из «Безначалия», смерть – «это сестра свободы». Было привычным делом, когда террористы, загнанные полицией в угол, направляли ствол своего пистолета на себя или же, захваченные в плен, прибегали к мрачному обычаю русских фанатиков и, как старообрядцы XVII века, приносили себя в жертву. «Будь прокляты хозяева, будь прокляты рабы и будь проклят я!» – так Виктор Серж перед началом Первой мировой войны охарактеризовал анархистов-террористов Парижа, и эти же слова можно было сказать о русской молодежи. «Это было словно коллективное самоубийство».

Ряды «Черного знамени» быстро редели, молодые люди один за другим гибли насильственной смертью. Борис Энгельсон, основатель издательства «Анархия» в Белостоке, в 1905 году был арестован в Вильно, но сумел сбежать из тюрьмы и скрылся в Париже. Когда два года спустя он вернулся в Россию, то был тут же схвачен и отправлен на виселицу. В 1906 году два самых известных белостокских террориста, следовавшие по стопам Нисана Фарбера, погибли при встрече с властями. Первый, Антон Нижборский, который до присоединения к анархистам, был членом Польской

социалистической партии, покончил с собой, чтобы не попасть в плен после неудачного «экса» в Екатеринославе. Его товарищ по оружию Арон Елин (он же Гелинкер), бывший эсер, завоевавший репутацию террориста покушением на казачьего офицера и тем, что бросил бомбу в группу полицейских, был расстрелян солдатами во время встречи с рабочими на кладбище Белостока. Владимир Стрига, третий чернознаменец из Белостока, отпрыск благополучных еврейских родителей, способный студент и социал-демократ, в том же году погиб в изгнании в Париже. «Имеет ли значение, в какого буржуа кидать бомбы? – незадолго до смерти спрашивал Стрига в письме к своим друзьям. – Всюду то же самое: держатели акций и в Париже будут вести свою несправедливую жизнь... Я провозглашаю «Смерть буржуазии!» и заплачу за это своей жизнью». Стрига встретил свой конец во время прогулки в Венсенском предместье на окраине французской столицы. В кармане у него была бомба, и, когда он споткнулся, она разорвала его в клочья^{8*}.

Революция 1905 года и ее последствия привели к увеличению «огромного мартиролога» анархистов, как на Международном конгрессе анархистов в 1907 году заметил Николай Игнатъевич Рогдаев (Музиль), один из последователей Кропоткина. Тех террористов, которым удавалось спастись и от полицейских пуль, и от своих же некачественных бомб, ждали военно-полевые суды Столыпина. Сотни молодых мужчин и женщин, многие из которых были подростками, все вкуче представляли перед трибуналом. Часто их приговаривали к смерти, или они гибли от рук тюремщиков^{9*}.

На процессах защитники анархистов, исполняя свои обязанности, произносили, как было принято, бесстрастные речи. Один чернознаменец из Вильно, арестованный за хранение взрывчатки, попытался убедить аудиторию в суде, что анархия не имеет ничего общего со всеобщим хаосом, как утверждают клеветники: «Наши враги сравнивают анархию с беспорядком. Нет! Анархия – это высочайший порядок, высочайшая гармония. Это жизнь, в которой нет властей. Когда мы разберемся с врагами, с которыми нам приходится бороться, мы организуем коммуну – установим братскую и простую общественную жизнь». Еще один типичный случай был в Киеве, где украинскую девушку-крестьянку Матрену Присяжнюк, анархистку-индивидуалистку, осудили за то, что она принимала участие в налете на сахарную фабрику, за убийство священника и за покушение на офицера полиции. После того как военный суд вынес смертный приговор, девушке разрешили произнести последнее слово. «Я принадлежу к анархистам-индивидуалистам, – начала она. – Мой идеал – свободное развитие каждой отдельной личности в самом широком смысле слова и уничтожение рабства во всех его формах». Она рассказала о голоде и нищете, царящих в ее родной деревне, о том, что вокруг «стоны, страдания и кровь». Дело в буржуазной морали, «официальной, холодной и чисто коммерческой». В кратком заключении выступления девушка приветствовала свою грядущую смерть и смерть двух соратников-анархистов, приговоренных вместе с ней. «Гордо и смело мы поднимемся на эшафот... Наша смерть, подобно жаркому пламени, заставит загореться многие сердца. Мы умираем как

---

⁸ Самоубийство или гибель от случайного взрыва были совершенно обычным делом. Инцидент в лондонском Гринвич-парке, весьма схожий со смертью Стриги, послужил известному английскому писателю Джозефу Конраду материалом для его романа «Тайный агент».

⁹ Например, в 1906 году в Риге перед судом предстали и были приговорены к смертной казни шестеро членов «Международной группы». Все они были подростками.

победители. Вперед! Наша смерть – это наше торжество!» Тем не менее Присяжнюк не удалось воплотить свои слова в жизнь. Она избежала гибели от рук своих палачей, потому что приняла капсулу цианистого калия, тайно доставленную в ее камеру после процесса.

Порой подсудимые выражали свое презрение к суду насмешливым молчанием или громкими яростными выкриками. Когда Игнатий Музиль (брат Николая Рогдаева) предстал перед судом – его задержали в лесу под Нижним Новгородом, при нем была анархистская литература, – он отказался признавать суд и вставать перед ним. Точно так же осужденный террорист из Одессы Лев Алешкер назвал свой процесс «фарсом» и с суровой критикой обрушился на судей, которые приговорили его. «Это вы должны были сидеть на скамье подсудимых! – воскликнул он. – Долой всех вас! Гнусные висельники! Да здравствует анархия!» В ожидании казни Алешкер написал выразительное завещание, в котором предсказывал приход анархистского золотого века: «Рабство, бедность, слабости и невежество – все эти вечные узы человечества – будут сломаны и отброшены. Центром природы станет человек. Земля и ее плоды будут послушно служить всем. Оружие перестанет быть мерилем силы, а золото – мерилем богатства; сильными будут считаться те, у кого хватит смелости одержать верх над природой, а богатством – обладание вещами, которые считаются полезными. Такой мир и будет назван «Анархия». В нем не будет ни замков, ни хозяев и рабов. Жизнь будет открыта для всех. Каждый будет брать то, что ему необходимо, – это и есть идеал анархистов. И когда он придет, люди будут жить мудро и счастливо. Массы примут участие в создании этого рая на земле».

Самыми известными из процессов анархистов были те, на которых судили одесских «безмотивников», в декабре 1905 года бросивших бомбу в кафе Либмана, и группу «Безначалие» из Санкт-Петербурга, которую в 1906 году захватила полиция. По делу в кафе Либмана перед судом предстали пятеро молодых мужчин и женщин. (Шестой участник Н.М. Эрделевский был схвачен после того, как ранил четырех полицейских, но ему удалось сбежать и скрыться в Швейцарии, где он помог организовать отделение «Черного знамени», получившее название «Бунтарь».) Все пятеро были быстро приговорены, троим из них вынесли смертный приговор. Моисей Мете, столяр по профессии, которому исполнился двадцать один год, отказался признавать за собой уголовную вину, хотя с готовностью согласился, что именно он бросал бомбу в кафе «с целью убить в нем эксплуататоров». Мете рассказал суду, что его группа хотела, ни меньше ни больше, как полной переделки существующей социальной

---

¹⁰ В соответствии со списком, составленным заключенными анархистами в Одесской тюрьме, в 1906–1907 годах перед судом в Одессе предстали 167 анархистов и их сторонников. Это число включает в себя 12 анархо-синдикалистов, 94 чернознаменца, 51 сочувствующий анархистам, 5 членов боевой организации эсеровской партии и 5 членов анархистского Красного Креста, организации, которая помогала политическим заключенным и эмигрантам. Список содержит примерно равное количество русских, украинских и еврейских имен. Возраст преимущественно от девятнадцати до двадцати двух лет. Из тех, кто предстал перед судом, 28 были приговорены к смертной казни, пятерым же удалось сбежать из тюрьмы (среди них была Ольга Таратута). Из этих отрывочных данных – анархисты, конечно, не выдавали партийных билетов и в общем опасливо относились к механизмам формальной организованности – становится ясно, что на пике движения (1905–1907) в Российской империи существовало примерно 5000 активных анархистов, а также тысячи тех, кто им сочувствовал, то есть тех, кто читал анархистскую литературу и поддерживал деятельность движения, хотя прямого участия в нем не принимал.

системы. Не какие-то частичные реформы, а «полное уничтожение вечного рабства и эксплуатации». Буржуазия, без сомнения, будет танцевать на его могиле, продолжил Мете, но «безмотивники» были только первым глотком весеннего воздуха. Будут и другие, заявил он, которые отбросят «ваши привилегии и вашу ленивую праздность, вашу роскошь и вашу власть. Смерть и разрушение всему буржуазному порядку! Да здравствует революционная классовая борьба угнетенных! Да здравствуют анархизм и коммунизм!» Через две недели после процесса Мете пошел на виселицу вместе с двумя своими товарищами – юношей восемнадцати лет и двадцатидвухлетней девушкой^{10*}.

Двое других осужденных получили длинные тюремные сроки. Самая старшая из этой группы Ольга Таратута, которой было около тридцати пяти лет, вступила в социал-демократическую партию в Екатеринославе в 1898 году, когда она только создавалась, а затем перешла в лагерь анархистов. Приговоренная к семнадцати годам заключения, Таратута вырвалась из Одесской тюрьмы и добралась до Женевы, где вступила в ассоциацию Эрделевского «Бунтарь». Но умиротворенная жизнь в эмиграции не соответствовала бурному темпераменту Таратуты, скоро она вернулась к активным формам борьбы внутри России. Таратута стала членом боевого отряда анархистов-коммунистов в ее родном Екатеринославе, но в 1908 году была арестована и приговорена к долгому сроку тюремного заключения. На этот раз сбежать ей не удалось.

13 ноября 1906 года, в тот самый день, когда были повешены трое одесских «безмотивников», в столице перед судом предстала группа «Безначалие». Подсудимые, обвиненные в хранении взрывчатки и в «принадлежности к криминальному сообществу», отказались отвечать на любые вопросы суда. Александр Колосов заявил, что, поскольку суд уже вынес решение до начала слушания, он должен просто объявить приговор, после чего им останется лишь поблагодарить судей и спокойно удалиться.

Бидбей, саркастический глава группы, не встал, когда суд назвал его имя, объяснив, что никогда не разговаривает с теми, «с кем он лично не знаком». Поэтому обвиняемые были удалены из зала суда. Бидбея приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. Колосов, которому было назначено такое же наказание, три года спустя покончил с собой, бросившись в шахту одной из сибирских каторжных тюрем. Борис Сперанский получил всего десять лет из-за своей молодости (к моменту суда ему было двадцать лет). Он сделал неудачную попытку побега из Шлиссельбургской крепости, из-за чего добавил к своему сроку еще десять дополнительных лет. Закрытые сообщения из Шлиссельбурга в 1908 году сообщали, что Сперанский был избит за оскорбление тюремщика, а в другом случае тюремная охрана ранила его в обе ноги. Его конечная судьба оказалась неизвестной.

Осталось лишь рассказать о Толстом-Ростовцеве и Владимире Ушакове. Во время заключения в Петропавловской крепости, притворившись психически больным, Ростовцев был переведен в тюремную больницу, откуда благополучно сбежал на Запад – как тридцать лет до него Кропоткин. К сожалению, Ростовцев не оставил в России свою склонность к терроризму. Он попытался ограбить банк в Монтрё, но убил всего лишь нескольких случайных прохожих, и швейцарской полиции пришлось спасать его от толпы, готовой линчевать преступника. В тюрьме Лозанны он облил себя керосином из лампы и сгорел заживо. Ушакову же удалось выскользнуть из

полицейских сетей в Санкт-Петербурге, и он нашел временное убежище во Львове. Прошло не так много времени, он вернулся в Россию, сначала присоединившись к боевому отряду в Екатеринославе, а потом перебравшись в Крым. Схваченный во время «экспроприации» банка в Ялте, Ушаков был доставлен в тюрьму в Севастополе, откуда попытался бежать, но, застигнутый полицией, приставил револьвер к голове и вышиб себе мозги. Во время периода «умиротворения», который последовал за революцией 1905 года, много других известных анархистов было приговорено к длительным срокам заключения в тюрьме или пребывания на каторге. Среди них были Лазарь Гершкович и Даниил Новомирский, лидеры анархистского движения в Одессе^{11*}, и Герман Сандомирский из киевской организации анархистов-коммунистов. Владимир Забрежнев и Владимир Бармаш, ключевые в московском движении фигуры, были арестованы и заключены в тюрьму, но обоим удалось бежать. Забрежневу наконец удалось добраться до кружка Кропоткина, где его ждала совершенно иная жизнь – свободная от опасностей и отчаянных, безрассудных подвигов московского подполья, – но тем не менее и она требовала постоянных усилий и большой силы духа. Ясно, что 1905 год был всего лишь прелюдией, необходимой для закладки фундамента настоящей социальной революции, которая должна была последовать.

Глава 3. СИНДИКАЛИСТЫ

Пусть каждый честный человек задаст себе этот вопрос: готов ли он? Ясно ли он представляет себе ту новую организацию, к которой мы приближаемся сквозь сумятицу этих неопределенных идей о коллективной собственности и социальной солидарности? Знаком ли он с процессом – кроме полного разрушения, – который будет сопутствовать трансформации старых форм в новые?

Александр Герцен

Второй раз знакомый вопрос о терроризме всплыл в 1905 году, отчетливо подчеркивая уже заметный раскол в анархистском движении. Едва только в России началось освобождение от крепостной зависимости, как в городской России появился класс промышленных рабочих. В течение одного лишь последнего десятилетия века число заводских рабочих едва ли не удвоилось и в канун революции превышало уже три миллиона человек. Как относились анархисты к рабочему движению, находившемуся в младенческом возрасте?

Со своей стороны, группы «Безначалие» и «Черное знамя» испытывали инстинктивную враждебность к большим организациям любого сорта и с нескрываемым нетерпением относились к утомительной работе по распространению на заводах и фабриках манифестов и листовок, если только в них не шла речь о насилии рабочих по отношению к своим эксплуататорам или не содержались призывы к немедленно вооруженному восстанию. Отказываясь от сотрудничества с зарождающимися профсоюзами, как с организациями реформистскими, которые «только продлевают агонию умирающего врага» с помощью «ряда частичных побед», они предпочитали полагаться на собственные вооруженные отряды, как на инструмент для уничто-

---

¹¹ Восемь полицейских убиты или серьезно ранены, когда один из них зажег спичку по время обыска в лаборатории Гершковича по производству бомб.

жения царского режима. Хлебовольцы и анархо-синдикалисты, с другой стороны, осуждали террористов за то, что они распыляют свои силы в ходе налетов «бей-беги» на привилегированные классы. Они считали организованный труд мощной машиной революции – и они же положили начало синдикалистскому движению.

Доктрина революционного синдикализма возникла во Франции в 1890-х годах и представляла собой любопытный сплав анархизма, марксизма и тред-юнионизма. От Прудона и Бакунина, создателей анархистских традиций, французские синдикалисты унаследовали всепоглощающую ненависть к централизованному государству, острое недоверие к политикам и зачаточное представление о рабочем контроле на производстве. Еще в 60–70-х годах XIX века последователи Бакунина и Прудона в I Интернационале предложили форму рабочих советов, которые должны были стать как оружием классовой борьбы против капиталистов, так и структурной основой будущего либертарианского общества.

Эта идея была подхвачена и развита Фернаном Пелетье, высокообразованным юным интеллектуалом, испытывавшим большие симпатии к анархистам, который стал выдающейся личностью в синдикалистском движении Франции в годы его создания. В начале 90-х волна «бомбометания» в Париже вызвала глубокое разочарование в тактике терроризма, вынудив значительную часть французских анархистов войти в рабочие союзы. Многим профсоюзам это придало сильный привкус анархизма. К концу столетия они стали чувствовать себя врагами государства и отказываться от завоевания политической власти – и революционными, и парламентскими методами, – поскольку она враждебна их подлинным интересам. Вместо этого они предвидели социальную революцию, которая разрушит капиталистическую систему и создаст бесклассовое общество, где экономикой будет руководить всеобщая конфедерация профессиональных союзов.

Вторым источником синдикалистских идей, сравнимым по важности с традицией анархизма, было наследство Карла Маркса, особенно его доктрина о классовой борьбе. Как и Маркс, сторонники синдикализма возлагали надежды на уничтожение капитализма силами рабочего класса, и в центре общественных отношений, с их точки зрения, был классовый конфликт. Они видели его развитие в том, что паразиты будут уничтожены в ходе неослабной битвы, которая завершится уничтожением буржуазного мира. Классовая борьба имела истоком убогую жизнь фабричных рабочих; она обостряла их настороженность к попыткам эксплуатации и укрепляла революционную солидарность. Считая доктрину классовой борьбы основной сутью марксизма, синдикалисты осуждали манеру, с которой революционное учение Маркса было выхолощено и скомпрометировано реформистами и ревизионистами европейского социализма – те пытались смягчить социальный антагонизм с помощью процедур парламентской демократии.

Тред-юнионизм, третий источник концепций и техники синдикализма, напоминал марксизм в том плане, что относился к отдельному рабочему как к члену класса производителей, рассматривая его как скорее экономическое, а не политическое существо. Соответственно принципиальный источник силы рабочего человека крылся в организованной солидарности класса. Но там, где Маркс побуждал рабочий класс объединяться ради политических целей и захватывать государственный аппарат, «чистые» тред-юнионисты предпочитали концентрироваться на насущных

экономических целях и задачах. Рабочие могли рассчитывать на свои силы как производители материальных ценностей и предпринимали прямые экономические действия для приобретения материальных благ. Прямые действия обычно принимали форму забастовок, демонстраций, бойкотов и саботажа. Последний включал в себя «плохую работу за плохую зарплату», безделье на рабочем месте, уничтожение машин и оборудования и буквальное соблюдение самых мелких правил и незначительных требований; тем не менее насильственные действия против бригадиров, инженеров и директоров, как правило, не одобрялись.

Синдикализм – это французское обозначение для тред-юнионизма – отводил рабочим союзам (синдикатам) господствующую роль в жизни рабочего человека. Через прямые действия против эксплуататоров союзы могли добиться повышения заработной платы, уменьшения длительности рабочего дня и лучших условий работы. Легализованные во Франции в 1880-х годах, синдикаты собирали вместе всех рабочих определенной профессии в данном городе или районе. Синдикаты на местах, в свою очередь, поддерживали связь в национальных федерациях и, наконец, в Генеральной конфедерации труда (ГКТ), основанной в 1895 году, – она и объединяла все синдикаты и их федерации.

После 1902 года ГКТ включила в себя также и *bourses du travail*. Организованные скорее по географическому принципу, а не по промышленному, *bourses* были местными рабочими советами, имевшими отношение ко всем тред-юнионам данного района. Они действовали и как бюро по трудоустройству, и как общественные клубы, статистические (собирали информацию о жалованье и занятости) и культурные центры; в них были библиотеки с вечерними курсами для подготовки рабочих к будущим обязанностям в роли управляющих и техников.

Тем не менее улучшение материального положения вряд ли можно было считать конечной целью революционного синдикалистского движения во Франции. Рабочие союзы во Франции создавались не для проведения частичных реформ, не с целью социального умиротворения, а для борьбы с классовым врагом. Убежденные, что капиталистическую систему ждет неминуемый крах, рабочие лидеры отвергали такую эволюционную тактику, как, например, заключение коллективного договора или агитация за трудовое законодательство на основе того, каким образом они признают существующий порядок вещей. Чистый «экономизм» реформистских союзов, которые прилагали усилия для извлечения все большего и большего количества материальных благ у хозяев, не мог преуспеть в том, чтобы положить конец укрепившейся системе эксплуатации. Такие методы только притупляли остроту классовой борьбы.

Партизаны революционного синдикализма были убеждены, что подлинная ценность требований хлеба с маслом лежит в усилении позиций рабочего класса за счет их хозяев. Каждодневная экономическая борьба укрепляет боевой дух рабочих и готовит их к финальной схватке с капитализмом и государством. Каждая отдельная стачка на местах, каждый бойкот, каждый акт саботажа помогают рабочему классу готовиться к апогею прямых действий – всеобщей забастовке.

Генеральная стачка – это наивысший пик классовой борьбы, драматический инструмент, предназначенный для слома капиталистической системы. Кроме простого подъема жизненного уровня, миссия тред-юнионов заключалась в том, чтобы быть

движущей силой социальной революции, а также основными ячейками грядущего бесклассового общества. Отпадает необходимость в вооруженном восстании или политическом перевороте. Весь пролетариат просто откладывает свои инструменты и покидает предприятия, таким образом заставляя экономику замереть, а буржуазию капитулировать. Зрелище миллионов рабочих, объединенных в общем стремлении бросить работу, парализует волю промышленников к сопротивлению. Тред-юнионы при этом могут взять на себя выпуск продукции и руководство экономикой.

В новом обществе рабочие союзы займут господствующее положение, они будут отвечать и за рыночную экономику и за механизм государства. Средства производства станут общей собственностью, если вообще сохранится понятие собственности. На практике различные отрасли производства подпадут под прямой контроль соответствующих рабочих союзов. ГКТ возьмет на себя ответственность за координацию экономических проблем в национальном масштабе, а также руководство общественными делами и налаживание бесперебойного функционирования всей федеральной системы.

Двое из членов кропоткинской группы «Хлеб и воля», Мария Корн и Гогелия-Оргеиани, были среди первых в России сторонников синдикалистского символа веры. Находясь в эмиграции в Париже, они в значительной мере сформировали свои идеи из наблюдений за французской моделью общества. В 1903 году первый номер издания «Хлеб и воля» объявил всеобщую забастовку «могучим оружием» в руках рабочего класса; следующий номер приветствовал июльские беспорядки в Баку как первую стадию всеобщей забастовки в истории России. На пике революции 1905 года журнал открыто провозгласил «революционный синдикализм». Мария Корн заметила, что еще в начале столетия не существовало русского слова для обозначения понятия «саботаж» и что русские, которые используют выражение «всеобщая забастовка», похоже, говорят «на каком-то странном, непонятном языке».

Но большая волна забастовок на юге в 1903 году и всеобщая забастовка в октябре 1905 года радикально изменили ситуацию. По мнению Корн, Россия начала учиться у революционных синдикатов Франции, которые привлекали к себе самые лучшие, самые энергичные молодые и свежие силы из лагеря анархистов. Оргеиани также ссылался на французский пример, когда шла речь о создании в России рабочих союзов, *bourses du travail* (скорее всего, *bourses* было для него чем-то вроде «союза местных союзов»), а потом в конечном итоге – генеральной конфедерации рабочих организаций, следующей линии ГКТ. Такие рамки российского рынка труда, считал он, не только заменят капиталистическую экономику и авторитарное государство, но и революционизируют мир психологических и моральных понятий рабочих. Тред-юнионы, говорил он, обеспечат «*milieu libre*», в котором психологически рождается новый мир и который обеспечит психологические условия для новой жизни.

Д.И. Новомирский, который до ареста был ведущим синдикалистом в России, точно так же ставил рабочее движение в центр всех стараний анархистов. Тем не менее, используя преимущества пребывания в Одессе, он признавал, что французская модель должна быть приспособлена к российским условиям: «Что необходимо сделать (этот вопрос он задавал в 1907 году), чтобы раз и навсегда разрушить капитализм и государство? Когда и как произойдет переход к будущему? Что надо делать именно сейчас? Нельзя сказать ничего конкретного, пусть даже мы попробуем использовать

в этой связи идею всеобщей забастовки. Наша литература не приспособлена к специфической российской пропаганде и к российским условиям – ив силу этих причин она слишком абстрактна для рабочих»^{12*}.

Тем не менее собственные синдикалистские теории Новомирского были очень близки к французскому прототипу: тред-юнионы должны вести ежедневную экономическую борьбу, в то же время готовя рабочий класс к социальной революции, после которой тред-юнионы станут «ячейками будущего общества рабочих». Кроме того, Новомирский воспринял от французских синдикалистов идею, что понадобится сознательное меньшинство дальневидных рабочих, которые станут побуждать к действиям инертные массы.

Исполняя роль этого «революционного меньшинства», анархо-синдикалисты Новомирского не станут брать на себя обязанности командиров своих братьев по классу, а лишь будут прокладывать пути в революционной борьбе. Их нынешняя задача заключалась в том, чтобы уберечь тред-юнионы от судьбы второстепенных органов политических партий. Для рабочих-анархистов было очень существенно организовывать тайные ячейки, чтобы бороться с социалистическим «оппортунизмом» в существующих союзах. В то же самое время, чтобы привлечь неорганизованные и несознательные элементы рабочего класса, анархисты создавали свои собственные союзы и объединяли их в Всероссийском революционном союзе труда, который представлял собой версию ГКТ Новомирского.

Между 1905 и 1907 годами Южно-российская группа анархо-синдикалистов Новомирского привлекла к себе немалое количество рабочих в больших городах Украины и Новороссии, а также интеллектуалов из среды социал-демократов, эсэров и анархо-коммунистов. Пусть даже утверждение, что они имеют 5000 сторонников, – явное преувеличение, последователи Новомирского включали в свои ряды кроме фабричных рабочих немало моряков и докеров припортовых районов Одессы, пекарей и портных из Екатеринослава. Его группа поддерживала тесные связи с анархистскими кругами в Москве и в других местах, создавала «организационные комиссии» для координации деятельности союзов на местах и набирала боевые отряды, чтобы иметь средства на развитие движения. «Я убежден, – заметил как-то Иуда Рошин, – что Бог, если бы существовал, обязательно был бы синдикалистом – в противном случае Новомирского не ждал бы такой большой успех».

Кроме анархо-синдикалистов, которые действовали главным образом на юге, анархо-коммунисты из школы «Хлеба и воли» добивались немалых успехов в расцветавшем в России рабочем движении. В Москве анархистские агитаторы доставляли листовки на заводы Замоскворечья и Пресни и на ткацкие фабрики соседних текстильных городов; анархистские ячейки на таких крупных предприятиях, как ткацкая фабрика Цинделя или электростанция, организовывали забастовки и демонстрации, а группа «Свободная коммуна», связанная с движением Новомирского, несмотря на то что она принадлежала к анархо-коммунистам, имела определенное

---

¹² Группа Новомирского в Одессе решила назвать себя «анархо-синдикалистами», а не французским термином «революционные синдикалисты», частично, чтобы подчеркнуть свой отчетливо русский характер, а частично, чтобы дать понять: все их члены – анархисты (многие из революционных синдикалистов во Франции имели марксистские, бланкистские и другие радикальные взгляды). Кроме того, они хотели отделить себя от анархо-коммунистов, которые не были всецело преданы рабочему движению.

количество сторонников в союзе металлистов и несколько меньшее число среди типографских рабочих. В апреле 1907 года конференция анархо-коммунистических групп Урала, которые большей частью придерживались позиции «Хлеба и воли», призвала к созданию «нелегальных межпартийных союзов» и одновременно – к участию анархистов в существующих профсоюзах, дабы противостоять разлагающему влиянию социалистов-«оппортунистов». А тем временем в Северной Америке тысячи эмигрантов вступали в анархо-синдикалистский Союз русских рабочих Соединенных Штатов и Канады.

На русских синдикалистов, и на родине, и в изгнании, большое впечатление произвела тенденция промышленных рабочих к самоорганизации, несмотря на неуклонное противостояние правительства. Тайные союзы вот уже тридцать лет вели нелегкое существование в России, стремясь одолеть препоны, которые ставил перед ними закон, а стачечные комитеты появились во время великих петербургских стачек текстильщиков в 1896 и 1897 годах. В 1903 году правительство позволило создание советов старейшин на промышленных предприятиях. И пусть даже избранные старейшины подлежали утверждению работодателей, само их существование говорило о важном этапе в эволюции рабочих организаций в России. Многие из таких советов на деле стали подлинными представителями рабочих в горячие дни 1905 года.

Революция также принесла свидетельства спонтанной организации рабочих комитетов на заводах и фабриках. Они играли жизненно важную в создании советов рабочих депутатов роль, сначала в таком текстильном центре, как Иваново-Вознесенск, а потом в Санкт-Петербурге и других городах. Тред-юнионы также достигли заметного прогресса в 1905 году, а в марте следующего года были наконец легализованы.

Революционная атмосфера России подпитывала дух радикализма в тех рабочих организациях, которые по своему настрою были ближе к революционному синдикализму Франции или Италии, чем к эволюционному тред-юнионизму Англии или Германии. В 1905 году рабочее движение в России было слабым и неорганизованным, его раздирали фракционность и взаимное недоверие между рабочими и интеллигентами. Не имея традиций парламентской демократии или легального профсоюзного движения, российские рабочие практически ничего не ждали ни от государства, ни от промышленников и обратились к идее «прямого действия», которую практиковали вооруженные комитеты на местах.

Концентрация рабочей силы на больших предприятиях скорее способствовала, чем мешала росту небольших рабочих комитетов, потому что большие производственные комплексы обычно делились на несколько предприятий, что обеспечивало плодородную почву для появления групп, склонных к радикальным действиям.

События 1905 года укрепили убеждения многих синдикалистских групп в спонтанном возникновении во времена острых кризисов кооперативных организаций на местах. Без сомнения, в них входили те, кто видел советы, профсоюзы и фабричные комитеты в свете кропоткинских воззрений, считая, что они являются современным выражением естественной склонности человека ко взаимной помощи и берут начало еще от племенных советов, деревенских собраний или в зачатках организованности еще более первобытных времен.

Но сторонники синдикализма, пришедшие после Кропоткина, смешивали принцип взаимной помощи с марксистской доктриной классовой борьбы. Потому что в

понимании синдикалистов понятие взаимной помощи не включало в себя человечество в целом, а существовало только для представителей единственного класса, пролетариата, чья солидарность закалилась в борьбе против капиталистов. Различные рабочие организации, настаивали они, представляют собой боевые отряды, а не арбитражные суды для смягчения классовых конфликтов, как считали либералы и реформисты. Синдикалисты, например, считали, что советы должны обладать и революционными функциями, отвечающими российским условиям. Открытые для всех левых рабочих, каких бы оттенков политических воззрений они ни придерживались, советы должны были действовать как беспартийные рабочие организации, созданные «снизу» на уровне города или района с целью свержения старого режима.

Русские социал-демократы предавали анафеме синдикалистскую концепцию советов как неполитической и неидеологической боевой организации рабочего класса. Социалисты, противостоя и ультраэкстремизму антисиндикалистов в лагере анархистов и опасаясь опасной конкуренции просиндикалистов, стремились исключить представителей обеих групп из советов, профсоюзов и рабочих комитетов. В ноябре 1905 года, когда всеобщая забастовка уже начала сходить на нет, Исполнительный комитет Петербургского Совета проголосовал за запрет всем анархистам на участие в их организации. Это решение укрепило решимость русских синдикалистов создавать свои собственные анархистские союзы, отделенные от существующих рабочих организаций и противостоящие непартийным и неидеологическим убеждениям французских синдикалистов.

В сравнении с горячим энтузиазмом Корн и Оргеиани отношение Кропоткина к синдикализму было в лучшем случае осторожным. Он сдержанно относился к советам, в которых господствовали социалисты, и рекомендовал анархистам участвовать в рабочих организациях, пока есть возможность оставаться двигателями народного восстания, не имеющими отношения к какой-либо партии. Группа харьковских анархо-коммунистов, сочувствующих взглядам Кропоткина, объявила, что, если советы подпадут под политический контроль социалистов, они никогда не смогут выполнить свою основную задачу как «боевая организация», ведущая тружеников «ко всеобщей забастовке и восстанию». Революционные советы, в которых доминирующее положение занимали интеллигенты – любители трескучих фраз, неминуемо превращались в кружки для парламентских дебатов. Что же до рабочих советов, то Кропоткин не разделял восторгов своих молодых сторонников и предлагал лишь оказывать им квалифицированную поддержку. Он признавал, что профсоюзы являются «естественным органом непосредственной борьбы с капитализмом и организации будущего порядка вещей», а также что всеобщая забастовка – «мощное оружие борьбы». Тем не менее в то же время он критиковал синдикалистов, как и марксистов, за то, что они мыслили лишь в понятиях промышленного пролетариата, оставляя в стороне крестьянство и его нужды. Представляя собою скромное меньшинство в преимущественно сельской России, рабочий класс не мог только своими силами совершить социальную революцию, так же как профсоюзы не способны стать зародышами анархистского содружества. По оценке Кропоткина, видение будущего у анархо-коммунистов куда шире, чем у анархо-синдикалистов, потому что они стремились к созданию цельного общества, в котором должны получить развитие все здоровые аспекты человеческого бытия.

В определенной степени Кропоткина также могла беспокоить синдикалистская вера в «сознательное меньшинство», в задачу которого входило разжигать энтузиазм вялого большинства. Идея революционного авангарда – пусть даже он состоял исключительно из работников физического труда – отдавала якобинством, которое было предметом ненависти для Кропоткина и слишком напоминала элитарную теорию большевизма, которую в то время разрабатывал Ленин.

Было опасно слишком полагаться на рабочие союзы и в силу другой причины: они могли найти общий язык с буржуазным миром или, что еще хуже, пасть жертвой амбициозных социалистов-интеллектуалов. Следовательно, самой умной политикой было бы создать чисто анархистские союзы или присоединиться к непартийным союзам – с намерением привлечь их к анархизму. В любом случае анархисты должны держаться в стороне от всех объединений, которые уже приняли социалистическую платформу.

Язывительный спор об отношениях между анархизмом и синдикализмом, конечно, затронул и Россию. Мало того – он вообще угрожал расколоть анархистское движение во всей Европе на два враждебных лагеря. Этот вопрос рассматривался руководством Международного конгресса анархистов, который состоялся летом 1907 года в Амстердаме^{13*}. Собравшиеся услышали оживленные дебаты между Пьером Монатте, молодым французским приверженцем революционного синдикализма, и убежденным итальянским анархо-коммунистом Эррико Малатестой. Монатте выражал экстремистскую интерпретацию места рабочего класса в мире. Ссылаясь на Амьенскую хартию, краткое изложение позиции синдикалистов, принятую ГКТ в предыдущем году, он возлагал на профсоюзы задачу преобразования буржуазного мира в рай для рабочих. Рабочие союзы, завершив борьбу по свержению капитализма и государства, возьмут на себя роль фаланг, передовых отрядов социального переустройства мира, унаследованного промышленными рабочими.

В своем красноречивом возражении Малатеста недвусмысленно намекнул, что синдикалистское внимание к пролетариату сильно отдает узколобым марксизмом. «Фундаментальная ошибка Монатте и всех революционных синдикалистов, – заявил он, – по моему мнению, заключается в чрезмерном упрощении концепции классовой борьбы». Малатеста напомнил своей аудитории, что они первым делом и прежде всего являются анархистами. И в таком качестве их целью является эмансипация всего человечества, а не какого-то одного класса. Борьба за его освобождение – это дело миллионов «униженных и оскорбленных» из всех областей жизни.

Глупо считать всеобщую забастовку какой-то панацеей, продолжил Малатеста, устраняющей необходимость в вооруженном восстании всех угнетенных и подавленных. Буржуазия накопила большие запасы продовольствия и всего необходимого, а пролетариат, чтобы выжить, вынужден рассчитывать лишь на свой труд. Так каким образом пролетарии, сложившие оружие, могут надеяться поставить буржуазию на колени? Малатеста предостерег делегатов – им необходимо отказаться от наивного представления, будто рабочее движение само по себе наделит рабочий класс необык-

---

¹³ Среди пяти русских делегатов на Амстердамском конгрессе были Николай Рогдаев и Владимир Забрежнев. Федерацию еврейских анархистов Лондона представлял Александр Шапиро, который позднее играл важную роль в российском анархистском движении.

новенной силой. Он предостерег их против участия в союзах, зараженных влиянием социалистов-политиканов, а также посоветовал не терять представления о конечной цели – создании бесклассового общества.

Опасаясь, что синдикализм может утонуть в болоте реформизма тред-юнионистов и бюрократизма, Малатеста предупредил своих товарищей-анархистов, что они не должны становиться чиновниками в союзах. Если же они пропустят этот совет мимо ушей, значит, преследуют собственные корыстные интересы, а дальше – «Прощай, анархизм!». Полтора года спустя сторонники Малатесты полностью отбросили убеждение, что тред-юнионы могут стать базовыми ячейками нового общества; как «отростки капиталистической системы», они обречены на уничтожение социальной революцией.

Среди многих выходцев из России, разделявших антисиндикалистские взгляды Малатесты, были и критики, и самым язвительным из них был Абрам Соломонович Гроссман, чернознаменец, известный в анархистском движении как Александр. Бывший эсер, Гроссман перед революцией 1905 года провел в тюрьме два года. После освобождения он уехал в Париж, где стал постоянным автором анархистского журнала «Буревестник». Под своими работами он ставил подпись «А» (скорее всего, от Александр).

В 1907 году Гроссман вернулся в Россию и стал руководителем боевой организации анархо-коммунистов в Екатеринославе. В феврале следующего года он был застигнут жандармами на Киевском вокзале и застрелен, оказав сопротивление аресту.

В серии статей, опубликованных в «Буревестнике» в 1906–1907 годах, Гроссман беспощадно нападал на позиции синдикалистов. Он утверждал, что хлебовольцы находятся под влиянием французского рабочего движения и ложно сравнивают синдикализм с анархизмом. Французский синдикализм, настаивал он, был «специфическим продуктом специфических французских условий» и часто не мог быть применим к революционной ситуации в России. Вместо того чтобы готовиться к социальной революции, писал Гроссман, лидеры профсоюзов, похоже, гораздо более заинтересованы в частичных реформах; рабочие союзы отбросили свои революционные обязанности и стали такими консервативными инструментами «для взаимного приспособления друг к другу миров пролетариата и буржуазии». «Все реформы, – заявил Гроссман, – все частичные улучшения несут в себе угрозу революционному духу трудящихся масс, содержат микробы политического соблазна».

России нужен не солидный и законопослушный тип рабочего движения, характерный для западных стран, заявил он, а «прямые революционные действия». Французские синдикалисты ведут бесконечные разговоры о всеобщей забастовке, но «суть революции – не забастовка, а массовая экспроприация». Доктрина синдикализма, продолжал Гроссман, полна «поэзии» и «легенд», самая яркая из которых описывает «сияющие перспективы» рабочих союзов в будущем мире, свободном от рабства. По всей видимости, синдикалисты забыли, что холокост анархистов уничтожит существующую социальную структуру со всеми ее организациями – и тред-юнионы не составят исключения. «Сила анархизма, – подвел итог Гроссман, – кроется в его тотальном и радикальном отрицании всех основ существующей системы».

После безвременной смерти брата Иуда Соломонович Гроссман (он же Рошин) подхватил знамя антисиндикализма. Публикуясь в женевском журнале «Бунтарь»

– он же был и его редактором, – Рошин обвинял русских синдикалистов, находящихся в эмиграции в Западной Европе в том, что они утратили представление о насущных нуждах русского рабочего движения. Их требования более высокой заработной платы и более короткого рабочего дня, говорил он, отвечали нуждам только организованной части квалифицированных рабочих, полностью отбрасывая обязательства перед люмпен-пролетариатом, бродягами, неквалифицированными и безработными. Игнорировать отщепенцев общества было, с точки зрения Рошина, уничтожением солидарности угнетенного большинства.

Антисиндикалисты в критике своих противников не заходили так далеко, как братья Гроссман. Более сдержанный подход был свойствен молодому анархо-коммунисту Герману Карловичу Аскарону (Якобсону) в серии статей, появившихся в 1907–1909 годах в «Анархисте», журнале, который издавался сначала в Женеве, а затем в Париже. Выступая под псевдонимом Оскар Буррит, Аскарон проводил резкое различие между реформистскими тред-юнионами (профсоюзы) Англии и Германии и революционными синдикатами во Франции. Если первые были нацелены на «слияние труда и капитала», говорил он, то последние поддерживали радикальные традиции I Интернационала.

Синдикатам было чуждо эгоистическое стремление заниматься улучшением судьбы только своих членов, их конечной целью было полное разрушение государства и частной собственности, для чего они готовы были пустить в ход свое главное оружие – всеобщую забастовку. Тем не менее, как говорит Аскарон, синдикаты повторяют ту же ошибку, которая раньше решила судьбу I Интернационала. Открыв свои ряды перед рабочим людом всех цветов политического спектра, вместо того чтобы беречь цельность и однородность анархизма, они были вынуждены заниматься политиканствующими махинациями и словоблудием профсоюзных чиновников. По мнению Аскарона, тред-юнионизм в любой форме таит в себе зародыши авторитарного централизма. Поэтому он побуждал своих коллег-анархистов остерегаться «красноречивых ораторов» из марксистских партий и полагаться только на «силу и мощь, проистекающие из жизни рабочего класса». Организуйте подпольные анархистские союзы, говорил он им, и «объявляйте безжалостную войну против властей, которую будете вести всегда и всюду».

Хотя споры между синдикалистами и антисиндикалистами продолжались более десятилетия, было ясно, что расцвет терроризма прошел. По мере того как репрессии правительства против террористов набирали силу, необходимость в организации и дисциплине становилась до боли отчетливой. Последствия революции быстро дали понять, что пора переходить от романтизма террористических действий к прагматической стратегии массовых акций.

Все больше и больше анархистов обращалось к спокойной пропагандистской работе в попытке утвердиться на той опоре, которую они обрели в рабочем движении в 1905 году. В годы между подавлением революции и началом Первой мировой войны большинство анархистов, оказавшихся на Западе, направили свою энергию на решение практических дел организации. Самые фанатичные члены «Черного знамени» и «Безначалия», которым удалось пережить контрреволюцию, продолжали быть в оппозиции к тред-юнионизму, веря лишь в люмпен-пролетариев и безработных, хотя кое-кто, особенно уважаемый Гроссман-Рошин, смягчил свою платформу. Заняв

новую позицию, которую он назвал «критическим синдикализмом», Рошин принял точку зрения «Хлеба и воли», что рабочие союзы, если они смогут освободиться от манипуляций социалистических политиканов, станут ценным оружием в революционной борьбе. Он даже согласился, что анархисты могут принять участие в деятельности союзов – пока будут агитировать других рабочих за анархизм.

Раскол в лагере анархистов, вызванный острыми разногласиями между терроризмом и анархизмом, продолжал давнюю тенденцию, после восстания декабристов в 1825 году свойственную каждому радикальному движению в России. И действительно, переход от анархо-коммунизма к анархо-синдикализму напоминал отступничество предыдущего поколения, когда Плеханов и его сторонники перешли от народничества к марксизму. Подобно первым русским марксистам, анархо-синдикалисты сочли растущий пролетариат революционной волной будущего. Для них тоже центром всего и вся стала классовая борьба, и тем не менее снова, как первые марксисты, они избегали терроризма, который только мешал готовить рабочих к грядущему конфликту с хозяевами и правительством.

В силу этих причин их антагонисты – террористы – назвали синдикалистов «легальными анархистами» по аналогии с «легальными марксистами» 1890-х годов. Этот ярлычок показывал уровень дозволенности: ведь царские цензоры теперь начали разрешать синдикалистам издавать в больших количествах книги и брошюры, которые широко распространялись среди рабочих и интеллигенции в России и за рубежом.

Антисиндикалисты осуждали эту легальную деятельность. По их мнению, синдикалисты стремительно погружались в болото экономических реформ, бюрократизма и псевдомарксистской идеологии. Чернознаменцы и члены «Безначалия» не сомневались, что видят в своих оппонентах то же пренебрежение простым крестьянством и неумытым люмпен-пролетариатом, которое Бакунин и народники видели в своих соперниках-марксистах. Они продолжали противостоять любой организации в сфере труда, даже свободной федерации тред-юнионов, опасаясь, что организованный коллектив квалифицированных рабочих вместе с «сознательным меньшинством» лидеров может стать новой правящей аристократией.

Как учил Бакунин, социальная революция должна стать подлинным народным восстанием, в которой примут участие все угнетенные элементы общества, а не только одни тред-юнионы; постоянное давление синдикалистов за улучшение условий труда сказывается на революционном горении обездоленных как ушат холодной воды.

По мнению этих фанатиков, следовало немедленно разрушить старый режим, пустив в ход террор и ярость всех сортов, – «пусть анархия правит миром». Они не считали, что конечным итогом должно стать общество, состоящее из обширных промышленных комплексов, которым управляют тред-юнионы.

Антисиндикалисты презирали их, считая органическими компонентами капиталистической системы, устаревшими организациями умирающей эпохи, – и вряд ли они могли лечь в основание анархистской утопии. Скорее, они предвидели свободную федерацию территориальных коммун, в которой найдется место всем обыкновенным людям и где производственные комплексы будут состоять из небольших мастерских. В свете этих воззрений можно понять, почему ремесленники и полуквалифицирован-

ные рабочие Белостока, которые в быстром росте современных предприятий видели угрозу своему существованию, склонялись скорее к группе анархо-коммунистов «Черное знамя», а не к анархо-синдикалистам, которые громче всего давали о себе знать в Одессе с ее большим портом и развитой промышленностью.

Анархо-коммунисты видели грядущее время в зеркале романтических представлений, в котором отражалась доиндустриальная Россия сельскохозяйственных коммун и кустарных мастерских. С другой стороны, анархо-синдикалисты (так же, как их двоюродные братья из кружка «Хлеб и воля»), похоже, смотрели одновременно и в прошлое и в будущее. Перспектива нового мира, занятого промышленным производством, по крайней мере, не вызвала у них отторжения; и действительно, со временем им стало свойственно чуть ли не преклонение перед футуристическим культом машин.

Им была свойственна вестернизация с ее восхищением перед технологическим прогрессом – по контрасту со славянофильскими мечтами анархо-коммунистов о том невозвратном времени, которого, вполне возможно, вообще никогда не существовало^{14*}. Тем не менее в то же время анархо-синдикалисты отнюдь не призывали к критическому преклонению перед массовым производством. Находясь под сильным влиянием Бакунина и Кропоткина, они предвидели опасность, которая может угрожать человеку, оказавшемуся в шестеренках централизованного промышленного механизма. В поисках путей выхода они тоже смотрели назад, в децентрализованное общество рабочих организаций, в котором труженики всего мира в самом деле могут быть хозяевами своей судьбы. Но золотой век, когда на местах можно было заниматься своими делами, реализовать было невозможно. В итоге централизованное государство и централизованная промышленность, две самые мощные силы современности, сметут с пути анархистских раскольников.

Глава 4. АНАРХИЗМ И АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ

Рабы, рабы! Иль вами позабыт
Закон, известный каждому народу?
Раб должен сам добыть себе свободу!
Лорд Байрон^{15*}

Большинство русских анархистов испытывало глубоко укоренившееся недоверие к системам, построенным на рационализме, и к интеллектуалам, которые создавали их. Разделяя веру времен Просвещения во врожденное благородство человека, они ни в коем случае не соглашались с философами, верившими в силу абстрактных причин^{16*}. Все движение было пронизано антиинтеллектуализмом различных степеней убедительности. Если в кропоткинском кружке «Хлеб и воля» он носил мягкий и оторванный от жизни характер, то был резок и неумолим среди террористов «Безна-

---

¹⁴ Стоит отметить, что те синдикалисты, которые оставались в России (например, Новомирский), были куда более склонны преуменьшать значение слепого подражания западным моделям, чем их товарищи, проводившие долгие годы за границей.

¹⁵ Перевод В. Левика

¹⁶ Анархизм был выражением «прагматичной революции», противостоявшим политическим и социальным теориям, о которых говорила Европа на переломе столетий.

чалия» и «Черного знамени», решительно умалявших книжную ученость, превознося инстинкты, волю и действие, как высочайшие качества человека. «Im Anfang war die Tat» – этот афоризм Гёте в 1905 году украшал эпиграфом журнал «Черное знамя» – «Вначале было деяние».

Анархисты решительно отвергали точку зрения, что законы, которые управляют обществом, носят рациональный характер. Они утверждали, что так называемые научные теории истории и социологии – всего лишь искусственные изобретения человеческого ума, мешающие проявлению в человеке естественных и спонтанных импульсов. Главный удар их критицизма был обрушен на доктрины Карла Маркса. Бидбей, лидер группы «Безначалие», напал на «все эти «научные» социологические системы, состряпанные на социалистической или псевдоанархистской кухне, у которых ничего общего нет с подлинно научными творениями Дарвина, Ньютона и Галилея». Абрам Гроссман из группы «Черное знамя» в том же духе обрушился на безличный рационализм Гегеля и его учеников-марксистов: «Идея ничего общего не имеет с бесстрастным пониманием, ее нельзя оценивать с точки зрения причин и следствий – она должна быть преобразована в чувства, омыта «соками нервов» и кровью сердца. К актам героизма и самопожертвования людей подвигали и будут подвигать только чувства, страсти и желания; только в жизни, полной страстей, герои и мученики обретают силы... Мы не принадлежим к почитателям убеждения, что «все реальное рационально»; мы не признаем неизбежности социальных феноменов; мы скептически оцениваем научное значение многих так называемых законов социологии».

Гроссман советовал: чтобы обрести понимание человека и общества, надо а priori игнорировать «законы» социологии, а вместо них уделять внимание эмпирическим данным психологии.

Антиинтеллектуализм русских анархистов коренился в четырех радикальных традициях XIX века. Первой из них, конечно, был сам анархизм, доктрины Годвина, Штирнера и Прудона, но все же важнее всего для русского анархизма была доктрина Бакунина. Второй (парадоксально, так как марксизм был основным предметом критики русских анархистов) была жесткая прямолинейность марксизма. Третьей было русское народничество 1870-х годов, а последней – синдикалистское движение, возникшее во Франции ближе к концу века.

Михаил Бакунин, как уже отмечалось, отрицал «а priori идеи predeterminedных и предвзятых законов», отдавая предпочтение своим собственным «чисто инстинктивным» доктринам. С его точки зрения, было чистым идиотизмом разрабатывать рациональные проекты будущего, поскольку, как он утверждал, «мы считаем чисто теоретические рассуждения бесплодными». Для обыкновенных мужчин и женщин важны не слова, а дела. «Учить народ? – однажды задался он вопросом. – Это глупо... Мы должны не учить народ, а побуждать его к восстанию».

Бакунин распространял свое недоверие к абстрактным теориям и на интеллектуалов, которые излагали их. Он резко осуждал создателей «научных» систем, особенно марксистов, живших в нереальном мире пыльных книг и толстых журналов и равно ничего не знавших о подлинных человеческих страданиях. Их так называемая наука об обществе принесла реальную жизнь в жертву на алтарь схоластических абстракций. Бакунин не хотел отбрасывать фикции религии и метафизики только

для того, чтобы заменять их новыми фикциями, как он воспринимал их, псевдонаучной социологии. Сам он в свою очередь провозглашал «революцию жизни против науки, или, точнее, против правил науки». Миссия науки заключалась не в том, чтобы править людьми, а спасти их от предрассудков, болезней и тяжелой нудной работы. «Одним словом, – заявлял Бакунин, – наука, как компас, ведет по жизни, но не заменяет собой жизнь».

Хотя Бакунин и сам считал, что интеллигенты играют важную роль в революционной борьбе, он предостерегал, что слишком многие из них, особенно среди его соперников-марксистов, питают ненасытную жажду власти. В 1872 году, за четыре года до смерти, Бакунин обсуждал, чем может стать марксистская идея «диктатуры пролетариата», если она когда-либо одержит верх: «Это будет правление научно-интеллекта, самое авторитарное, самое деспотичное, самое надменное и самое презрительное из всех режимов. Будет новый класс, новая иерархия настоящих или ложных ученых, а мир во имя науки будет поделен на господствующее меньшинство и необозримое необразованное большинство». В одной из своих основных работ «Государственность и анархия», опубликованной в следующем году, Бакунин расширил свое пугающее пророчество в весьма грозном абзаце: «По теории господина Маркса, люди не только не должны уничтожить [государство], а обязаны, усилив его, передать в полное распоряжение своим благодетелям, охранникам и учителям – лидерам коммунистической партии, точнее, господину Марксу и его друзьям, которые продолжат освобождение [человечества] так, как они это понимают. Все рычаги управления правительством окажутся в их сильных руках, потому что невежественному народу требуется исключительно жесткое руководство. Они создадут единый государственный банк, сосредоточив в своих руках всю коммерческую, промышленную, сельскохозяйственную и даже научную продукцию, а затем разделят массы на две армии, -- промышленную и сельскую – под прямой командой государственных инженеров, которые и создадут новое привилегированное научно-политическое сословие».

По мнению Бакунина, последователей Маркса можно было смело считать «жрецами науки», служившими в новом «привилегированном храме ума и высшего образования». С нескрываемой брезгливостью они общались с обыкновенными людьми: «Вы ничего не знаете, вы ничего не понимаете, вы тупоголовы, и человек с интеллектом должен, взнудать вас и руководить вами».

Бакунин считал образование столь же важным инструментом господства, как и частная собственность. Пока учение будет доступно лишь меньшинству населения, писал он в 1869 году в своем эссе «Всеобъемлющая инструкция», оно будет эффективно использоваться для эксплуатации большинства. «Тот, кто знает больше, – писал он, – естественно, будет господствовать над тем, кто знает меньше». Если даже помещики и капиталисты будут уничтожены, то всегда существует опасность, что «мир снова может быть разделен на массу рабов и небольшую горстку правителей, и первые будут работать на последних, как они это делают и сегодня». Бакунин совето-

---

¹⁷ В этом плане Бакунин мог находиться под влиянием Гракха Бабефа, с работами которого он был знаком. В своем журнале *Le Tribun du Peuple* Бабеф 30 ноября 1795 года писал, что «образование имеет чудовищный характер, когда оно отмечено неравенством, когда оно унаследовано только одной группой общества... оно быстро становится удушающим, обманным и ведущим к порабощению».

вал вырвать дело образования из монополистической хватки привилегированных классов и сделать его доступным в равной степени для всех. Как и капитал, образование должно перестать быть «наследственным имуществом одного из нескольких классов» и стать «общей собственностью»^{17*}. Цельное образование в области науки и ремесел (но не изучение пустых абстракций религии, метафизики и социологии) обеспечит всех граждан умением и знаниями, устранив тем самым едва ли не главный источник неравенства. «Каждый должен трудиться и каждый должен иметь образование», – утверждал Бакунин, так что в прекрасном обществе будущего не будет «ни рабочих, ни ученых, а только люди».

Ближе к концу столетия Петр Кропоткин развил концепцию Бакунина о «цельном» человеке в своей книге «Поля, заводы и мастерские». На всем ее протяжении Кропоткин описывал «интегрированную» коммуну, в которой каждый может заниматься и ручным и умственным трудом и жить в блаженной гармонии. Как и Бакунин, он не доверял тем, кто утверждал, что владеет высшей мудростью, или провозглашал так называемые научные догмы. Настоящая задача интеллектуалов, считал он, не в том, чтобы приказывать окружающим, а в том, чтобы помогать им готовиться к великой задаче эмансипации; «и когда мышление людей будет готово и внешние обстоятельства станут благоприятны, – заявлял Кропоткин, – то настанет время финального рывка – и сделает его не только та группа, которая организовала его, а народная масса...».

Вторым источником антиинтеллектуализма среди самого младшего поколения русских анархистов была марксистская литература, которая по иронии судьбы вызывала у социал-демократов сильные подозрения к Бакунину и Кропоткину. Хотя марксисты до мозга костей были именно теми интеллектуалами, чьи политические амбиции и «научные» теории вызывали глубочайшую враждебность анархистов, последние тем не менее полностью соглашались с одной базовой идеей, которая часто встречалась в писаниях Маркса, – рабочий класс должен принести себе свободу своими собственными стараниями, а не полагаться на какого-то спасителя со стороны, который и сделает за него эту работу. В 1848 году в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс написали, что «все предыдущие движения были движениями меньшинства или в интересах меньшинства», в то время как «пролетарское движение – это независимое, самостоятельное движение огромного большинства». Два года спустя, в 1850 году, Маркс развил эту тему в обращении к Центральному комитету Лиги коммунистов, когда он призывал всех рабочих Европы к организации «перманентной революции», чтобы установить их собственное пролетарское правительство в форме муниципальных советов или рабочих комитетов. Полстолетия спустя довольно много русских анархистов, которые читали эти откровенные слова, похоже, пришли к выводу (хотя подтверждений этому немного), что Маркс отказался от своей жесткой схемы исторических стадий в пользу радикального плана революции, очень напоминавшего их собственный – план, который ставил целью одним махом и усилиями лишь обездоленных масс достичь бесклассового общества. Что касается Бидбея, то и он был согласен включить в 1905 году призыв к «перманентной революции» в символы веры группы «Безначалие».

Марксистским лозунгом, который оказал еще более сильное воздействие на русское анархистское движение, стало знаменитое предложение Маркса в преамбуле

к уставу только что, в 1864 году, организованного I Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть проведено самим рабочим классом». Анархисты истолковали это заявление как призыв к социальной революции масс с целью не столько просто захватить, сколько уничтожить государство. Звонкие слова Маркса, сказанные в условиях 1864 года, снова и снова появлялись в русской анархистской литературе. Временами они сопровождались строчками «Интернационала», в которых была та же мысль:

Никто не даст нам искупленья, Ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобождения Своею собственной рукой!

То есть марксисты и анархисты, провозглашая этот лозунг, отражали общую веру в восстание масс, выступая и против бланкистского *coup d'etat*, – в чем Маркс был согласен с Бакуниным, несмотря на их острое противостояние в I Интернационале. Позднее призыв этот служил точкой соприкосновения между анархистами и социалистами, которые противостояли авторитаризму и тоже придавали очень большое значение спонтанности и инициативе масс.

На антиинтеллектуализм русских анархистов влиял также сильный антагонизм между политиками и интеллектуалами, который во второй половине XIX века развился в рядах европейского рабочего движения. Эта враждебность, проистекавшая из убеждения, что интеллигенты – эта особая мягкотелая разновидность, чьи интересы не имеют почти ничего общего с интересами рабочих от станка, – была особенно сильна среди прудонистов, выступавших против того, чтобы нерабочие входили в Генеральный совет I Интернационала, и решительно возражавших против присутствия образованных буржуа в рабочем движении.

Во Франции решимость фабричных рабочих полагаться только на свои силы – она называлась *ourvierisme* – провозглашалась повсюду, перекрывая все политические разногласия. Например, ультрарадикальные «аллеманисты» безоговорочно исключали из своих рядов «белоручек», а реформистские профсоюзы, хотя и не испытывали враждебности к интеллигентам как таковым, тем не менее настороженно относились к радикальной идеологии, которая могла подвергнуть опасности конкретные достижения нескольких десятилетий. Революционные синдикалисты тоже не видели никакого толку в своекорыстных политиканах. Они настаивали, что политическая агитация ни к чему не приведет; парламент – средоточие жульничества и соглашательства, все эти частичные реформы – чистая иллюзия, главный их эффект состоит в том, что из рабочего движения устраняется его революционная острота. Капитализм будет уничтожен – а пролетариат соответственно освобожден – только с помощью прямых действий пролетарских союзов.

Недоверие углублялось еще и тем, что все большее количество знаменитых социалистов стало входить в парламенты и правительства. В 1893 году, когда во французскую палату депутатов были избраны марксистские вожди Жюль Гед и Эдуард Валлиант, хорошо известный бланкист, многие рабочие пришли к убеждению, что их политические лидеры перекуплены врагом. Еще более сильное потрясение принес 1899 год, когда Александр Милльран принял пост министра торговли в правительстве Рене Вальдек-Руссо, став первым социалистом в «буржуазном» кабинете министров. Заводские рабочие, полные воинственности, выразили свою горечь в следующем году на конгрессе Федерации труда в Париже. «Все политики – предатели», – сообщил

один оратор, а другой предупредил своих товарищей, чтобы они не поддавались на показное обаяние интеллектуалов из среднего класса, а «полагались бы исключительно на энтузиазм рабочих».

Фернан Пелетье, выдающийся лидер синдикалистов, провел резкое различие между «милльранизмом» политически ориентированных социалистов и неподдельной революционностью сторонников синдикалистов, которые были «мятежниками во все времена, людьми в полном смысле слова без бога, без хозяев и без страны, неколебимыми врагами любого деспотизма, морального или коллективного, – то есть врагами законов и диктатуры, включая диктатуру пролетариата». Такая антиполитическая тенденциозность стала официальной политикой Конфедерации труда в 1906 году, когда Амьенская хартия подтвердила полную независимость французского профсоюзного движения от всех политических хитросплетений.

В облике Пелетье не было ничего от мрачного замащенного пролетария. Он был неизменно чисто выбритым журналистом, выходцем из среднего класса, получившим хорошее образование. Восприняв проблемы рабочего класса как свои собственные, стал исключительно действенным и эффективным профсоюзным лидером, которому доверяли и которым восхищались все члены Конфедерации труда, от мала до велика. Всю свою энергию Пелетье посвящал практическим делам по организации рабочего движения и прямым действиям, отдавая идеологические задачи на откуп тем интеллигентам, которые, по его мнению, не были искренне увлечены ежедневной борьбой рабочих за право на лучшую жизнь. Рабочим союзам, заявлял он, «наплевать на теорию... а их эмпиризм стоит всех систем в мире и в своих предвидениях он точен, как календарь».

Идеологии и утопии, утверждал он, никогда не рождаются в среде тех, кто работает руками. Их сочиняют интеллигентные выходцы из среднего класса, которые «ищут лекарства от наших болезней в своих собственных идеях; они сочиняют их по ночам при свете масляных светильников, вместо того чтобы увидеть и наши заботы, и реальность».

Такие теоретики синдикализма, как Жорж Сорель, Хуберт Аагардель и Эдуард Берт, признавали, что с практической точки зрения синдикалистское движение мало чем им обязано. Более того, Сорель и Лагардель охотно признавали, что они больше узнали от активных профсоюзников, чем научили их. «В мерцании полуночных светильников» они разрабатывали философию, которая ставила моральную ценность прямых действий гораздо выше их экономических результатов. Ни одно крупное движение, утверждал Сорель, не достигало успехов без «социальных мифов». На настоящем этапе всеобщая забастовка и была тем «мифом», который мог вдохновить рабочий класс на героические деяния и оказать поддержку в ежедневных стычках с буржуазией. Всеобщая забастовка была призывом к действию, поэтическим видением, образом битвы, которая: поднимает массы на совместные действия и вселяет в них мощное чувство морального превосходства.

Высокопарные тирады Сореля большей частью отвергались воинственными членами профсоюзного движения – Эмилем Поже, Жоржем Ивето, Виктором Грюфелле и Полем Делессалем. Когда парламентская комиссия спросила Грюфелле, который после преждевременной смерти Пелетье в 1901 году стал генеральным секретарем Конфедерации труда, изучал ли он Сореля, тот сухо ответил: «Я читал Александра

Дюма». Сапожник по профессии и закаленный профсоюзный активист, Грюфелле обвинял буржуазных интеллектуалов, которые, как он считал, ничего не зная о трудностях и бедах заводской жизни, пытались увлечь рабочих абстрактными формулами, чтобы самим занять места, где будут пользоваться властью и привилегиями. «Если кто-то слишком много размышляет, – как-то заметил он, – у него ничего не получится». Несмотря на свое происхождение от бланкистских предшественников, которое заставляло его подчеркивать роль «сознательного меньшинства» в рабочем движении, Грюфелле презирал образованных людей, которые претендовали на лидерство в профсоюзном движении или в общественной жизни. «Среди профсоюзных активистов, – писал он в 1908 году, – существует сильная оппозиция к буржуазии... Они страстно хотят, чтобы их возглавляли рабочие».

Нигде в Европе не было более сильной враждебности к образованным классам, чем в деревнях матушки-России. Студенты-народники, которые в 1870-х годах пошли по селам, наткнулись на невидимый барьер, отделявший их от невежественного народа. Бакунин считал тщетными любые попытки чему-то учить темный народ, а его молодой ученик Нечаев высмеивал «непрощенных учителей» крестьянства, поскольку их поучения только отвлекали от животворных «народных источников». После фиаско 1870-х годов, жалкого краха попыток студентов приобщиться к сельскому народу, кое-кто из разочарованных народников вообще отверг образование, которое, как они считали, только отделяет их от масс. Другие задумались, может ли образование перебросить мост через этот проем и был ли прав философ-народник Николай Михайловский, когда он заметил, что несколько грамотных должны «неизбежно подчинить себе» трудящееся большинство.

Нельзя считать, что ситуация заметно улучшилась, когда крестьяне стали прибывать в города для работы на фабриках, ибо они брали с собой и все свои подозрения в адрес интеллигенции. Один чернорабочий в Санкт-Петербурге горько посетовал, что «интеллигенция захватила позицию рабочего». Хорошо получать книги от студентов, сказал он, но когда они начинают учить разным глупостям, ты должен их выставить. «Они должны понять, что рабочее дело должно полностью находиться в руках самих рабочих». Хотя это замечание относилось к кружку народника Чайковского 1870-х годов, то же самое отношение существовало и несколько десятилетий спустя к народникам и марксистам, которые соревновались в преданности нарождающемуся классу промышленных рабочих. В 1883 году Георгий Плеханов, «отец русской социал-демократии» был вынужден заявить, что марксистская диктатура пролетариата «столь же далека от диктатуры группки революционных разночинцев, как небо от земли»¹⁸. *Он заверил рабочих, что ученики Маркса полны самоотверженности и их задача – поднять классовую сознательность пролетариата, чтобы он стал «самостоятельной фигурой на арене исторической жизни, а не вечно переходил от одного опекуна к другому»*¹⁹.

Несмотря на неоднократные заверения такого рода, многие заводские рабочие отвергали доктринерскую революционность Плеханова и его сподвижников, направляя

¹⁸ Термином «разночинцы» определялись «люди разных классов», разных чинов (кроме дворянства), которые в конце XIX века в основном и составляли русскую интеллигенцию

¹⁹ Плеханов в обращении ко II Интернационалу в Париже в июле 1889 года: «Силы и мужества наших революционных идеологов может хватить в борьбе против царя, как против личности, но их может

усилия на улучшение своего экономического положения и получение образования. Они начали формулировать систему взглядов (к ней впоследствии присоединились и сочувствующие интеллектуалы), которая впоследствии получила название «экономизм». Средний рабочий в России больше интересовался повышением своего жизненного уровня, чем политической агитацией; он настороженно относился к политическим лозунгам, которые выстреливали лидеры партий. Казалось, они были склонны втягивать его в политические авантюры, которые могли удовлетворять их собственные амбиции, а положение рабочих оставалось совершенно неизменным. Политические программы, которые, с точки зрения «экономистов», писали основные ораторы, «годились для хождения интеллектуалов «в народ», но не для самих рабочих... Что же до защиты интересов рабочих... то им занималось рабочее движение». Интеллигенция же, добавлял он, цитировала знаменитое вступление Маркса к уставу I Интернационала и старалась забыть, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса».

Под неприязненным отношением «экономистов» к интеллектуалам лежало убеждение, что интеллигенция смотрит на рабочий класс просто как на средство достижения более высокой цели, как на абстрактную массу, которой предназначено подчиняться непреложной воле истории. «Экономисты» считали, что интеллектуалы, вместо того чтобы помогать своими знаниями решать конкретные проблемы заводской жизни, с головой уходили в идеологию, которая не имела никакого отношения к подлинным нуждам рабочих. Ободренные размахом стачек текстильщиков, которые в 1896–1897 годах организовывали и проводили местные рабочие, «экономисты» побуждали русский рабочий класс хранить свою самостоятельность и отвергать потуги на лидерство самоуверенных профессиональных агитаторов. Как писал в 1897 году в журнале «экономистов» один столичный рабочий от станка: «Улучшение наших условий работы зависит только от нас самих».

Антиполитические и антиинтеллектуальные аргументы Бакунина и «экономистов» оказали глубокое воздействие на польского марксиста Яна Вацлава Мачайского. Он родился в 1866 году в Баске, небольшом местечке рядом с городом Кельце в той части Польши, что принадлежала России. Отцом его был мелкий чиновник, который умер, когда Мачайский был еще ребенком, оставив большую семью в бедственном положении. Мачайский посещал гимназию в Кельце и помогал братьям и сестрам, давая уроки своим школьным друзьям, которые снимали жилье у его матери. Свою революционную карьеру он начал в 1888 году в студенческих кружках Варшавского университета, где изучал естественные науки и медицину. Два или три года спустя, уже учась в Цюрихском университете, он отказался от своей первоначальной политической философии (смесь социализма и польского национализма) ради революционного интернационализма Маркса и Энгельса. Мачайский был арестован в мае 1892 года за то, что контрабандой доставил из Швейцарии революционные прокламации в промышленный город Лодзь, который тогда сотрясала всеобщая

оказаться недостаточно для борьбы против царизма, как политической системы. Таким образом, по мнению российских социал-демократов, цель нашей революционной интеллигенции сводится к следующему: она должна сформулировать взгляды современного научного социализма, распространять их среди рабочих и по призыву рабочего класса взять штурмом крепость авторитаризма. Революционное движение в России может одержать верх только как революционное движение рабочих. Другого пути нет и не может быть!»

стачка. В 1903 году, проведя едва ли не дюжину лет в тюрьме и сибирской ссылке, он бежал в Западную Европу, где и оставался до начала революции 1905 года.

Во время своего долгого пребывания на поселении в Вилуйске (Иркутская губерния) Мачайский старательно изучал социалистическую литературу и пришел к выводу, что руководить рабочими должны не социал-демократы, а новый класс «умственных рабочих», рожденных ростом индустриализации. Марксизм, как утверждал он в своем основном труде «Умственный рабочий», отражал интересы этого нового класса, который надеялся прийти к власти на плечах рабочих. В так называемом социалистическом обществе, заявлял он, частные капиталисты будут просто заменены новой аристократией из администраторов, технических экспертов и политиканов; работники, занятые физическим трудом, снова попадут в рабство правящего меньшинства, чьим «капиталом», образно говоря, было образование.

Мачайский считал, что радикальная интеллигенция не ставит целью создание бесклассового общества, а просто стремится обеспечить себе статус привилегированного слоя. И не стоит удивляться, что марксизм, вместо того чтобы призывать к немедленной революции против капиталистической системы, откладывал этот «крах» до будущих времен, когда экономические условия окончательно «созреют». По мере дальнейшего развития капитализма и усложнения технологии «умственные рабочие» станут достаточно сильны, чтобы устанавливать собственные правила. Если даже к тому времени профессиональная технократия отменит частную собственность на средства производства, по мнению Мачайского, «профессиональная интеллигенция» в силу своих специальных знаний завоюет монопольное положение, позволяющее управлять выпуском продукции и руководить сложной индустриальной экономикой. Управляющие, инженеры и политические функционеры будут пользоваться их марксистской идеологией как новой религией, опиум которой будет затуманивать мозги рабочих масс, держа их в постоянном невежестве и рабстве.

Мачайский подозревал каждого сторонника левых взглядов в стремлении к созданию такой социальной системы, в которой интеллектуалы будут правящим классом. Он обвинял даже анархистов из группы Кропоткина «Хлеб и воля» в том, что те предпочитают «градуалистский», постепенный подход к революции, ничем в этом смысле не отличаясь от социал-демократов, которые предполагали, что грядущая революция не пойдет дальше, чем французская революция в 1789 и 1848 годах. Что касается проекта анархистской коммуны Кропоткина, то Мачайский утверждал, что «только обладатели цивилизации и знаний» могут обрести радость подлинной свободы. «Социальная революция» анархистов, настаивал он, на самом деле означает не «чисто рабочее восстание», а фактически «революцию в интересах интеллектуалов». Анархисты были «теми же самыми социалистами, только более страстными».

Так что же надо было сделать, чтобы избежать этой новой формы порабощения? По мнению Мачайского, пока существует неравенство в доходах, а средства производства остаются в частной собственности капиталистического меньшинства и пока научные и технические знания остаются «собственностью» интеллектуального меньшинства, большинство будет продолжать трудиться ради привилегированного меньшинства. В соответствии с замыслом Мачайского ключевая роль отводилась тайной организации революционеров, названной «Рабочим заговором», весьма схожей с бакунинским «секретным обществом» революционных заговорщиков. Предполага-

лось, что возглавит его сам Мачайский. Задача «Рабочего заговора» заключалась в побуждении рабочих к «прямым действиям» – забастовки, демонстрации и тому подобное – против капиталистов, имея в виду немедленное улучшение экономических условий и рабочие места для безработных. «Прямые действия» рабочих должны были увенчаться всеобщей забастовкой, которая, в свою очередь, послужит запалом для всемирного восстания, а оно возвестит эру равных доходов и возможности получить образование. В завершение порочная разница между физическим и умственным трудом сойдет на нет – вместе с классовыми различиями.

Теории Мачайского вызвали страстные дискуссии между различными группами российских радикалов. В Сибири, где Мачайский в 1898 году размножил на гектографе первую часть «Умственного рабочего», его критика социал-демократии «вызвала большой эффект среди ссыльных», как вспоминал в своей «Автобиографии» Троцкий, который оказался среди них. В 1901 году копии «Умственного рабочего» уже ходили по Одессе, где мачаевизм начал привлекать сторонников. В 1905 году в Петербурге образовалась небольшая группа мачаевцев, которая назвала себя «Рабочим заговором». Несмотря на критическое отношение Мачайского к анархистам, часть из них привлек его символ веры. Со временем Ольга Таратута и Владимир Стрига из «Черного знамени» примкнули в обществу, которое в Одессе знали как «Непримиримые» – оно включало в себя и анархистов и мачаевцев; а в петербургском «Безначалии» было несколько последователей Мачайского.

Если некоторые анархистские литераторы считали, что Мачайский всюду и везде видит только продуманный заговор интеллигенции, то многие анархисты, как признавал Николай Рогдаев, находили в его доктринах «свежий и живой дух», противостоящий «удушливой атмосфере социалистических партий, насыщенной политическим крючкотворством».

Бакуниство, народничество, синдикализм, мачаевизм – и, как ни смешно, даже марксизм – способствовали развитию антиинтеллектуализма в среде русских анархистов и снабжали их лозунгами, которые те пускали в ход в борьбе против их социалистических соперников. Скорее всего, самым сильным было влияние Бакунина. Его дух чувствовался в оскорбительных нападках на социал-демократов, которыми Бидбей открывал один из своих памфлетов. Лидер «Безначалия» обвинял «ненасытное стремление к грабежам мелких и амбициозных людей, гениев и пигмеев цезаризма, жалких хамов и лакеев, вампиров и кровососов всех сортов, стадо которых присоединилось к социал-демократической партии». Русские марксисты, продолжал он, «почитатели культа раболепия», чья неутолимая жажда дисциплины и вынудила их к созданию «общероссийской централизованной власти... к автократии Плеханова и К°».

Бидбей осуждал тот факт, что последователи Маркса, как и их учитель, считали крестьян и бездомных бродяг неопределенными, никчемными элементами общества, которые не могут быть действенной революционной силой, потому что у них отсутствует необходимое классовое сознание. Разве недавние крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губерниях не стали убедительным доказательством боевого духа сельского населения? – спрашивал он. «И кто, если не бродяги, могут стать дьявольскими повивальными бабками истории? Откуда, если не из заброшенных трущоб, может просочиться пагубный яд насмешки над грубым и холодным

кодексом буржуазной морали?» Если социалисты откажутся от своих длинных и медлительных фаз революционной борьбы и признают огромную мощь темных масс, они увидят, что приближается «великий день воздаяния» (Бидбей писал это в 1904 году), что в сердцах угнетенных зарождается дух всеобщего разрушения, что Россия стоит «на пороге великой социальной бури».

В непрестанных атаках хлебовольцев на понятие «пролетарской диктатуры» тоже слышался отзвук слов Бакунина. Кропоткин заявлял, что единственная диктатура, которую допускают социал-демократы, – это диктатура их собственной партии. Молодой сторонник Кропоткина, в котором сильно чувствовалось влияние толстовства, Иван Сергеевич Ветров (Книжник) развил этот пункт, дав определение политической партии как «государство в миниатюре» со своей собственной бюрократической иерархией, со своими собственными циркулярами и декретами. Марксисты, говорит Ветров, используют этого осьминога власти, чтобы удовлетворить свой аппетит к «абсолютному политическому владычеству». По мнению журнала группы «Хлеб и воля», Плеханов, Мартов и Ленин были «жрецами, магами и шаманами» современности. Их концепция «диктатуры пролетариата» была воплощением зла, потому что, как однажды заметил Оргеиани, «революционное правительство всегда играет антинародную роль».

Оргеиани, чье осуждение социал-демократов отражало влияние французских синдикалистов, а также Бакунина и Мачайского, опасался, что лидеры социалистов используют рабочее движение, только набирающее силы, в своих собственных целях. Рабочее движение, сказал он, разделено на два лагеря: трудящиеся, которые производят материальные ценности, и интеллектуалы, которые стремятся господствовать над рабочими, «используя привилегию знаний». Если интеллигенты от социалистов соберутся предоставить свои знания в распоряжение простых рабочих, тем самым они окажут неоценимую услугу революционному движению. Но социалисты, придерживаясь «якобинской традиции» руководить всеми и вся, предпочитают настаивать на своем стремлении к власти, вынуждая рабочих освобождаться собственными усилиями «от Бога, от государства и от юристов – особенно от юристов». Оргеиани и его друзья таких же просиндикалистских взглядов, должно быть, были особенно рады сообщению 1904 года, в котором говорилось, что заводские рабочие Черниговской губернии начали рассматривать анархистское движение как организацию «рабочих», свободную от опеки интеллигенции, в которой пролетариат может совершенно свободно выражать свою революционную инициативу.

Именно такое отношение Оргеиани, Корн и Раевский надеялись увидеть в среде растущего российского рабочего класса. Они хотели, чтобы промышленный пролетариат убедился – «с точки зрения социал-демократов, рабочие союзы – всего лишь вспомогательное средство для политической борьбы, в то время как анархисты считают их естественными органами прямой борьбы с капитализмом и составными частями будущего порядка».

Просиндикалисты из группы «Хлеб и воля» с определенной долей презрения относились к группе российских интеллектуалов, которые тоже называли себя синдикалистами, но от ярлыка анархистов отказывались. По данным Максима Раевского, эти люди – самыми главными среди них были Л.С. Козловский, В.А. Поссе и А.С. Недров (Токарев) – по сути были псевдомарксистами, которые в полной изоляции

от практики рабочего движения были увлечены сухими теориями «Сорель и К°». Бывшие социал-демократы, добавляет Раевский, эти самозванные синдикалистские мыслители, были заняты созданием «новой школы социализма», пытаясь объединить «революционные формы рабочего движения со старыми теориями Маркса». Мария Корн присоединилась к этим нападкам, доказывая, что революционный синдикализм имеет глубокие корни в анархистской традиции и вряд ли его можно считать ответвлением марксистского социализма, как считают Козловский и другие. Эти «неомарксистские» теоретики, говорила она, находясь в плену умирающей теории, отошли от «практического рабочего движения... глубоко укорененного в настоящих революционных инстинктах» рабочего класса.

Изучение писаний «неомарксистских» синдикалистов выявляет забавное сходство между взглядами их и их же анархистских критиков. Например, Козловский, которому пришлось принять на себя удар анархистов, полностью согласился, что синдикализм был движением заводских рабочих, а не интеллектуалов. Он резко раскритиковал ленинскую работу «Что делать?» за ее план назначения «надзирателей» из интеллигенции для руководства рабочим классом в революционной борьбе. Синдикализм требует «большой самоотверженности» от интеллектуалов, предполагает Козловский. Они должны действовать как «помощники, а не как лидеры» промышленных рабочих. Более того, диктатура пролетариата – это опасная концепция, которая может означать «лишь диктатуру вождей пролетариата, диктатуру временного революционного правительства, которое ассоциируется с буржуазными революциями». Козловский сравнивал социал-демократическую партию с религиозной сектой с ее евангелиями, катехизисом и кафедральными соборами – обскурантистская, мракобесная церковь, которая владеет абсолютной истиной и преследует ереси. Социалистические лидеры «были пронизаны духом авторитарности» и намеревались «обучать массы культу учителей – апостолов социализма». В грядущей революции, заявил Козловский, массы не повторят прошлых ошибок, следуя за политическими лидерами. На этот раз рабочие по своей инициативе захватят средства производства и провозгласят либертарианское общество ассоциаций независимых производителей.

Учитывая, что между идеями Козловского и их собственными лежало большое пространство для соглашений, можно лишь удивляться, что Раевский и Корн подвергли его такому безжалостному бичеванию. Разве они сами не были интеллектуалами, в той же мере как Козловский, виновными в сидении у «ночных светильников» за письменными столами, заваленными бумагами? Часть этой враждебности берет начало в том, что Козловский восхвалял синдикалистские теории Жоржа Сореля, которого они считали амбициозным недоучкой. Козловский как-то заметил, что труды Сореля, хотя и грешат плохой, несистемной организацией, тем не менее являются работами «выдающегося оригинального мыслителя, писателя колоссальной эрудиции». Если этот панегирик показался синдикалистам «Хлеба и воли» лишь несколько занудным, то у них имелись более веские причины для того ледяного приёма, который они оказали Козловскому. Его отказ присоединиться к анархистскому движению или хотя бы признать, что революционный синдикализм происходит от анархизма, стал для них нестерпимым оскорблением. Хуже того, его претензии на

роль пророка новой доктрины сделали его новым соперником в деле преданности рабочему классу.

Как и изгнанники из круга Кропоткина, Даниил Новомирский, анархо-синдикалист из Одессы, осудил сторонников синдикализма, не имеющих отношения к анархизму, как интеллектуалов, никогда не державших в руках ни серпа, ни молота, для которых абстрактные идеи выше живых людей. Козловский и его сторонники, заявил Новомирский, хотят придать активному рабочему движению какую-то русскую форму «лагарделлизма» – типа синдикализма, корни которого лежат в марксистской теории и который все еще сохраняет дружеские отношения с социал-демократией. В собственных работах Новомирского сочетались все элементы антиинтеллектуализма, которые так отчетливо чувствовались в русском анархистском движении, – Бакунин ненавидел правительство и политиков, Маркс превозносил пролетариат, синдикалисты призывали рабочих к прямым действиям, а Мачайский с подозрением относился к «умственным рабочим». (Сам Новомирский был перебежчиком из лагеря социал-демократии, анархистом и синдикалистом и обитал в Одессе, где возник самый первый центр мачаевщины.) То, что он находился под сильным влиянием Бакунина и Мачайского, подтверждает следующая цитата из его журнала «Новый мир»: «Какой класс служит современному социализму на деле, а не на словах? Мы отвечаем сразу и недвусмысленно: «Социализм выражает интересы не рабочего класса, а так называемых разночинцев или деклассированной интеллигенции». Социал-демократическая партия, утверждает Новомирский, заражена «политическими жуликами... новыми эксплуататорами, новыми обманщиками народа». Долгожданная социальная революция может оказаться фарсом, предупреждал он, и вместе с государством и частной собственностью может уничтожить и третьего врага – свободу человека: «Наш новый заклятый враг – это монополия на знание, и носителем ее является интеллигенция». Хотя Новомирский вместе с французскими синдикалистами считал, что «сознательное меньшинство» из дальновидных «следопытов» необходимо, чтобы побуждать рабочие массы к действию. Он предупреждал рабочих, что не стоит искать спасителей за пределами собственного класса. «Бескорыстных и самоотверженных людей просто не существует – ни в темных облаках бескрайнего неба, ни в роскошных царских дворцах, ни в особняках богачей, ни в парламентах». Пролетариат должен сам руководить собой, говорит он. «Освобождение рабочих должно быть целью самого рабочего класса».

Общей враждебности к интеллигенции было недостаточно, чтобы в то десятилетие, что последовало за первой русской революцией, сохранить единство анархистов. Раздираемое фракционными разногласиями, страдающая от жестоких репрессий Столыпина, анархистское движение в царской империи быстро сошло на нет. Относительное процветание, пришедшее после мятежа 1905 года, совершенно не устраивало ультрарадикальных философов, которым нужны были времена голода и отчаяния. В 1906 году российская промышленность стала оправляться от разрушительного воздействия революции. Хотя зарплата оставалась низкой и правительство решительно сдерживало активность только что появившихся рабочих союзов, общая ситуация с рабочим классом постепенно улучшалась и заметно сократилось количество забастовок. В сельской местности, когда бурно росло число крестьянских кооперативов и стала внедряться крестьянская реформа Столыпина, прозвучала нотка надежды.

Столыпинская реформа должна была положить конец устаревшей сельской общине и создать на ее месте класс крепких фермеров, верных царю. Правда, основная масса населения – и сельского, и городскую – оставалась бедной, и было всеобщее недовольство царем из-за его отказа создать настоящее конституционное правительство, но тем не менее мятежные настроения постепенно сходили на нет.

Через несколько лет после революции 1905 года анархисты стали объектом неустанной охоты царской полиции. Кое-кому повезло скрыться в Западной Европе и в Америке. Но сотни других были либо казнены после массовых процессов, либо обречены отбывать долгие сроки в тюрьме или в ссылке, где становились жертвами цинги или чахотки. Они проводили время за чтением или письмом, размышляя и надеясь, что следующей революции придется ждать не так уж долго. Один заключенный в Петропавловской крепости изучал эсперанто, которое многие анархисты считали универсальным языком будущего. Наконец он стал бегло говорить на этом языке, но жаловался, что из-за сырого воздуха камеры его легкие так поражены, что ему вообще трудно говорить. Другие, как Герман Сандомирский, анархо-коммунист из Киева, заполняли долгие дни заключения, записывая свои впечатления от жизни в тюрьме и ссылке, в то время как остальные думали только о побеге. Одному чернознаменцу, который делил тюремную камеру в Сибири с Егором Сазоновым, молодым эсером, который в 1904 году убил Вячеслава Плева, повезло добраться до Соединенных Штатов – по тому же пути, которым пятьдесят лет назад воспользовался Бакунин,

Анархисты, кому удалось эмигрировать на Запад, скорбели о судьбе своих товарищей, томящихся в российских тюрьмах, принявших мученическую смерть на эшафоте или перед расстрельным взводом. Братство вольных общинников, группа парижских изгнанников, возглавляемая Аполлоном Карелиным, поносило царский режим, как «очередную средневековую инквизицию», и сравнивало охранку (политическую полицию) с опричниками, которые, не тратя времени, казнили действительных и мнимых врагов Ивана Грозного. Сам царь Николай был «коронованным вешателем», несущим ответственность за убийства тысяч благородных юношей и девушек. «Вечная слава казненным! Вечный позор палачам!»

В 1907 году эмигранты организовали анархистский Красный Крест в помощь своим заключенным соратникам. Штаб-квартиры его располагались в Нью-Йорке и Лондоне (в столице Великобритании под руководством Кропоткина, Черкезова, Рудольфа Рокера и Александра Шапиро), а отделения – в крупных городах Западной Европы и Северной Америки. Организуя лекции и банкеты, анархистский Красный Крест собирал деньги и одежду для пересылки заключенным в Россию, а также распространял петиции с протестами против полицейских репрессий царского правительства.

В то же время анархисты-эмигранты в Женеве, Париже, Лондоне и Нью-Йорке занимались подготовкой к очередной революции. Небольшая группа выживших чернознаменцев в Женеве вернула к жизни их журнал «Бунтарь», а последователи Кропоткина в Женеве стали выпускать журнал – наследник «Хлеба и воли», получивший название «Листки «Хлеба и воли». В Париже сформировалась группа анархо-коммунистов, в которую входило около 50 активных членов. Время от времени Кропоткин пересекал Ла-Манш, чтобы присутствовать на их собраниях в квартире Марии Корн.

Парижская группа, объединившись с небольшим кружком польских анархистов, участвовала в демонстрациях в память Парижской коммуны и трагедии на Хаймаркет-сквер, а в 1914 году отметила столетие со дня рождения Бакунина. Ораторами на этом митинге были Корн, Оргеиани, Рогдаев, Забрежнев и Карелин, а также такие известные французские анархисты и синдикалисты, как Себастьян Фор и Жорж Ивето. В течение этих лет Мария Корн нашла время изучать биологию и психологию в Сорбонне; в 1915 году она прошла докторантуру в области естественных наук, написав работу «Психологические и физические реакции рыб».

Самый главный анархистский журнал постреволюционного периода, «Буревестник», был основан в Париже в 1906 году. «Буревестник» – так называлась знаменитая поэма Максима Горького, последние строчки которой призывали: «Пусть сильнее грянет буря!» Они и стали эпиграфом к журналу. Под общей редактурой Николая Рогдаева, кропоткинца с 1900 года и одного из российских делегатов на Амстердамском конгрессе 1907 года^{20*}, и Максима Раевского, признанного лидера синдикализма, «Буревестник» в общем и целом следовал генеральной линии «Хлеба и воли», хотя и Абраму Гроссману позволялось выражать на его страницах свои антисиндикалистские взгляды. В Нью-Йорке у «Буревестника» был его кропоткинский, просиндикалистский двойник «Голос труда», основанный в 1911 году как орган Союза русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. «Голос труда» часто публиковал статьи парижских анархистов, особенно Рогдаева, Корн, Оргеиани и Забрежнева. Когда Раевский во время Первой мировой войны прибыл в Америку, он был назначен редактором, и под его руководством «Голос труда» стал открыто анархо-синдикалистским изданием.

Несмотря на всю свою бурную деятельность, эмигрантская жизнь раздражала и деморализовывала анархистов. Все их старания найти общий язык сводились на нет отравой постоянных ссор и интриг. Через год после войны карелинское Братство вольных общинников раскололось из-за каких-то невнятных обвинений в «диктаторском» поведении его лидера. Другие кружки и объединения тоже были полны свар и взаимных обвинений. Тем не менее в декабре 1913 года возникли надежды на всеобщее примирение, когда в Париже состоялась конференция русских анархистов, которая должна была помочь организации нового интернационального конгресса, первого после Амстердамского 1907 года.

Разработав повестку дня, включавшую такие важные темы, как терроризм, синдикализм, национализм и антимилитаризм, участники объявили, что конгресс соберется в Лондоне в августе следующего года. В лондонской штаб-квартире Федерации анархистов Александр Шапиро, назначенный секретарем будущей встречи, занялся ее подготовкой. «Предполагается, что конгресс пройдет с большим успехом, – не скрывая восторгов, писал он коллеге в Австрии, – делегаты придут даже из Бразилии и Аргентины». Петр Кропоткин согласился выступить с приветствием перед анархистами, представляющими 17 стран. Но 1 августа разразилась война, и конгресс был отменен.

---

²⁰ Рогдаев был пропагандистом в Брянске, Нежине и Екатеринославе в 1903 году, когда в России зародилось анархистское движение, и дрался на баррикадах Московского восстания в декабре 1905 года.

И словно старых противоречий из-за террора и синдикализма было мало, Первая мировая война вызвала новую полемику, которая едва не привела к краху все европейское анархистское движение. Очередной диспут начался, когда Кропоткин обвинил Германию в развязывании войны и высказался в поддержку Антанты. Действия Кропоткина объяснялись опасениями, что триумф германского милитаризма и авторитарности может оказаться губительным для социального прогресса во Франции, благословенной земли великой революции и Парижской коммуны. Он убеждал каждого, кому «дороги идеалы прогресса человечества», помочь сокрушить германское «вторжение» в Западную Европу. Германская империя преградила Европе путь к децентрализованному обществу кропоткинской мечты.

Поддержка Кропоткиным Антанты заслужила одобрение некоторых самых известных анархистов Европы; в 1916 году Варлаам Черкезов, Жан Граве, Шарль Малато, Кристиан Корнелиссен, Джеймс Жильом и десять других вместе с ними подписали Манифест Шестнадцати, в котором изложили свою «оборонческую» позицию. Тем не менее, несмотря на огромный престиж этих имен, большинство анархистов во всем мире остались верны своим антимилитаристским и антипатриотическим взглядам, поддержав таких «интернационалистов», как Эррико Малатеста, Эмма Goldman, Александр Беркман, Фердинанд Домела, Рудольф Рокер и Себастиан Фор. С их точки зрения, эта война была борьбой капиталистов за власть и доходы, а людские массы служили пушечным мясом. Посему желать победы какой-либо из сторон было абсурдным. В Женеве группа разгневанных «интернационалистов», включая Гроссмана-Рошина, Александра Ге и Оргеиани, ученика Кропоткина с начала движения^{21*}, окрестила сторонников военных усилий Антанты «анархо-патриотами».

Если желание Германии полакомиться территорией Бельгии было причиной войны, спрашивали они, почему бы Англии не настоять на том, что она имеет право наращивать свое морское превосходство? Не стала ли Франция безвинной жертвой этой ненасытной империи? А что делать с постоянной тягой России к захвату Проливов? Для подлинных анархистов приемлем только один тип военных действий, утверждало интернационалистское крыло, – социальная революция, которая уничтожит алчную буржуазию и все ее органы подавления. «Долой войну! Долой царизм и капитализм! Да здравствует братство свободных людей! Мы приветствуем всемирную социальную революцию!»

Тема войны едва ли не самым фатальным образом сказала на лагере анархистов. Тем не менее, как ни парадоксально, сама война, разрушительным образом подействовавшая на правительство и экономику России, подхлестнула возрождение движения, которое стало подавать новые признаки жизни только с 1911 года. Рассказ о пробуждении анархистов в Москве и ее окрестностях оставил молодой участник движения В. Худoley, которому доведется играть важную роль в событиях последующих лет. В 1911 году дюжина студентов Московского коммерческого института организовали анархистский кружок. Они стали сравнивать различные формы анархизма, используя тексты их листовок и манифестов, которые так и оставались нетронутыми со времени революции, а также работы Кропоткина «Завоевание хлеба», «Взаимопомощь» и «Мемуары революционера» и труды Бакунина, Штирнера,

---

²¹ Необходимо отметить, что по вопросу войны Мария Корн сохраняла верность Кропоткину

Такера и других. В конечном итоге молодежь отбросила анархистский индивидуализм ради общественного и просиндикалистского лозунга Кропоткина и в 1913 году окрестила себя Московской группой анархо-синдикалистов.

Новая группа начала переписку с «Голосом труда» в Нью-Йорке и с ведущими анархистами и синдикалистами в Западной Европе. Не прошло много времени, и студенты начали распространять прокламации на фабриках под Тулой и Брянском, где они смогли создать небольшие ячейки по два-три человека в каждой. Так же они доставляли литературу в текстильные центры к северо-востоку от Москвы и установили связь как минимум с одной новой группой в Кинешме, что рядом с Иваново-Вознесенском, считавшимся русским Манчестером. Клубом в Кинешме руководил не кто иной, как Николай Романов (Бидбей, который до ареста был лидером петербургского «Безначалия»). Он совершил побег из Сибири и сейчас проповедовал свой воинственный символ веры под псевдонимом Стенька Разин. Бидбей распространял анархистскую литературу на текстильных фабриках и организовал несколько стачек, но вскоре его группа была накрыта полицией. Больше о Бидбее никто ничего не слышал^{22*}.

Тема войны расколола московских анархистов на две враждебные группы. Тем не менее, не в пример своим заграничным коллегам, большинство осталось верно Кропоткину и его единомышленникам-«оборонцам». Антимилитаристское меньшинство последовало примеру других разочарованных кропоткинцев и оставило школу «Хлеба и воли» ради анархо-синдикализма. Когда анархистские ячейки стали появляться на крупных предприятиях Замоскворечья и в трех больших московских профсоюзах (печатников, кожевников и железнодорожников), синдикалисты снабжали их листовками, призывавшими к превращению империалистической войны в социальную революцию. Осенью 1916 года антимилитаристы планировали провести уличные демонстрации под черными знаменами, но полиция положила конец их замыслам.

Несмотря на неудачу, анархистское движение продолжало шириться. Разболтанная военная машина России потерпела ряд катастроф, которые подорвали моральный дух войск – многие части были посланы на фронт даже без оружия – и вызвали разочарование в тылу. Чиновничество, этот стеновой хребет империи, не могло вынести некомпетентного руководства ставленников Распутина. Перегруженная транспортная система то и дело выходила из строя. Запасы продуктов и горючего в городах опустились до опасного минимального уровня, а в деревнях начали волноваться крестьяне, переживая из-за бессмысленной гибели своих сыновей в солдатской форме. Снова появились и стали повсюду слышны громкие радикальные лозунги. К концу 1916 года стал надвигаться новый шторм.

---

²² Вполне возможно (хотя и сомнительно), что этот Николай Романов на самом деле не был Бидбеем. По данным Марии Корн, Бидбей и после 1906 года оставался в тюрьме, откуда его освободила Февральская революция 1917 года

Часть вторая. 1917 год

Глава 5. ВТОРОЙ ШТОРМ

Круши, круши всех монахов и священников, уничтожай все правительства мира, особенно наше!

Голландский анабаптист, 1535 г.

В последнюю неделю февраля 1917 года в Петрограде начались стачки и голодные бунты. улицы столицы были запружены толпами гневных демонстрантов, выступавших против правительства. Для восстановления порядка в столицу были вызваны войска, но они отказались подчиняться приказам своих офицеров стрелять в толпу и вместо этого стали брататься с ней. Силы законности и порядка быстро испарились. В средоточии этого хаоса по всему городу возникли советы рабочих депутатов, создаваемые по образцу 1905 года. 2 марта комитет IV Думы, недавно сделавшей перерыв в работе, организовал преимущественно либеральное Временное правительство. В тот же самый день Николая II убедили отречься от престола, чем был положен конец более чем трехсотлетнему царствованию дома Романовых.

Самой поразительной чертой Февральской революции был ее стихийный характер. Как отмечал бывший директор царской полиции, «это был чисто спонтанный феномен, а не результат партийной агитации». Рабочих и домохозяек на улицы Петрограда выводил отнюдь не революционный авангард; политические идеологи и радикальные группировки моментально исчезли в этом хаосе и смятении голодных людей, протестующих против нехватки хлеба и непрекращающихся страданий войны.

Будущий премьер Временного правительства, несчастный Александр Керенский высказал убеждение, что весь народ был охвачен «чувством безграничной свободы, освобождения от элементарных запретов, что важно для любого человеческого общества».

Похоже, мечты русских анархистов наконец становились реальностью. Через дюжину лет после «пролога» 1905 года разразился второй шторм, который нес все черты долгожданной «социальной» революции. Быстро возрождался и русский радикализм, от которого после репрессий Столыпина почти ничего не осталось. Когда новости о революции дошли до анархистской эмиграции, их восторг не знал границ. «Встало солнце, – писал Иуда Рощин в Женеве, – и разогнало черные облака. Русский народ пробудился! Приветствуем революционную Россию! Приветствуем борцов за народное счастье!»

Временное правительство, решив взять бразды правления в свои руки, объявило всеобщую амнистию для всех политических заключенных. Рощин и его товарищи в эмиграции строили планы как можно скорее вернуться на родину. А тем временем в рассыпающейся империи Даниил Новомирский, Ольга Таратута и сотни других анархистов были освобождены из каторжных лагерей и тюрем, где провели по десятку или более лет.

Довольно быстро в городах России заново возродились анархистские группы, которые энергично принялись за дело. В Петрограде последние пять лет как-то существовало несколько анархо-коммунистических кружков, состоявших из рабочих

и интеллигентов, и в канун революции они с гордостью могли предъявить порядка сотни своих членов. Анархистские кружки на трех больших военных заводах – Металлический в Выборгском районе, Трубный на Васильевском острове и огромный Путиловский в юго-западной части города – участвовали в февральских демонстрациях, после которых от старого режима не осталось и пыли. Члены этих кружков несли черные знамена с лозунгами «Долой власть и капитализм!». Через несколько недель после краха царизма анархистские группировки появились в рабочей среде столицы и ее пригородов. Самая плотная их концентрация образовалась в Выборгском районе в северной части города, в порту и на военно-морской базе Кронштадт в Финском заливе, где немалое число рабочих-анархистов присоединилось к морякам Балтийского флота.

Как и в Петрограде, анархистские группы, стремительно возникшие и в других больших городах, набирали свой актив преимущественно из рабочего класса. Например, в Москве анархистские союзы формировались из пекарей и рабочих пищевой промышленности, сливаясь с группами, появившимися еще до революции среди кожевников, печатников и железнодорожников. В марте Московская федерация анархистских групп утверждала, что в нее входит примерно 70 членов. На юге анархистские кружки возникли на заводах Киева, Одессы и Екатеринослава, а в середине года шахтеры Донецкого бассейна включили в свою платформу вступление к уставу синдикалистского союза ИРМ – «Индустриальные рабочие мира»: «У рабочего класса и класса эксплуататоров нет ничего общего. Пока среди миллионов рабочего люда господствуют голод и лишения, а меньшинство класса эксплуататоров ведет обеспеченную жизнь, мира между ними быть не может. Борьба между этими классами должна продолжаться, пока организованные как класс рабочие всего мира завладеют землей, средствами производства и избавятся от системы наемного труда». Тем не менее по мере того, как шло время, состав движения менялся, потому что с каждым месяцем росло число интеллигентов, возвращавшихся из тюрем и ссылок.

Весь 1917 год – по контрасту с 1905 годом, когда мощнее всего движение развивалось в пограничных районах, – оно давало о себе знать главным образом в Петрограде, который был уже не штаб-квартирой деспотического правительства, а самым центром революционного шторма. Вплоть до летних месяцев, отмеченных мощным наплывом синдикалистов из своих американских и западноевропейских убежищ, большинство анархистских организаций города «Красного Петра», придерживались взглядов анархо-коммунистов. Местные группы анархо-коммунистов в столице и в ее окрестностях вскоре объединились в свободную Петроградскую федерацию анархистов. В мае федерация выпустила свою первую газету «Коммуна», за которой осенью последовали «Свободная коммуна» и «Буревестник». Цель Петроградской федерации, как она предпочитала именоваться в своих газетах, заключалась в превращении города в эгалитарную коммуну, построенную по идеализированному образу Парижской коммуны 1871 года. Вместо беспорядочных убийств и грабежей, которыми все предыдущее десятилетие занимались анархо-коммунисты, федерация призвала к систематическим и широким «экспроприациям», перечень которых включал в себя дома и продукты, заводы и усадьбы, шахты и железные дороги. «Через общественную революцию – к анархистской коммуне, – гласил их лозунг, – к революции, предназначенной к избавлению от правительства и собственности, тюрем и

казарм, денег и прибыли, которой предстоит возвестить о создании бесклассового общества с «естественной экономикой» .

Анархисты Кронштадта, выпускавшие несколько номеров своего журнала «Вольный Кронштадт», обратились ко всем угнетенным массам мира с драматическим призывом распространить социальную революцию, которая началась в России, на собственные страны и избавиться от своих угнетателей: «Просыпайтесь! Просыпайтесь, человечество! Рассей тот кошмар, что окружает тебя... Положи конец дурацкому поклонению земным и небесным богам! Скажи: «Хватит! Я встаю! И вы обретете свободу!» В этих словах слышался отзвук резких обличительных речей их предшественников, и кронштадтские анархо-коммунисты призывали угнетенные массы всего мира обрушить гнев своей мести на угнетателей. «Да здравствует анархия! Пусть трепещут паразиты, властители и попы – все сплошь обманщики!»

К большому разочарованию анархистов, Февральской революции не хватило решимости перерасти в революцию социальную, и хотя она свергла монархию, государство устранить не смогла. Некоторые упавшие духом анархисты сравнивали февральские события с игрой оркестра, в котором прежнего дирижера сменил другой. «Что произошло в феврале? – спрашивал журнал анархо-коммунистов Ростова-на-Дону. – Ничего особенного. Вместо Николая Кровавого на трон влез Керенский Кровавый».

Полные решимости избавиться от двойного ига – Временного правительства и частной собственности, анархисты нашли общий язык со своими идеологическими противниками большевиками – единственной из прочих радикальных групп в России, которая требовала немедленного уничтожения «буржуазного» государства. Неприкрытая враждебность, которую в течение многих лет испытывали анархисты к Ленину, стремительно испарилась в первые же месяцы 1917 года. Пораженные рядом ультрарадикальных заявлений, которые сделал Ленин по возвращении в Россию, многие (но ни в коем случае не все) из них пришли к убеждению, что лидер большевиков освободился от смиренной рубашки марксизма ради новой теории революции, полностью совпадающей с их собственной.

3 апреля, в день прибытия в Петроград, Ленин объявил своим сторонникам, что в России начинается новая эра и скоро страна станет свидетельницей того, как новое «буржуазное» правительство заменят советы рабочих и крестьян, а армию и полицию сменит народная милиция. Мало кто из анархистов мог не согласиться с этим рациональным зерном программы. Более того – анархисты с одобрением отметили, что Ленин не упомянул Учредительное собрание и не пытался подкреплять свои высказывания марксистскими доктринами.

«Апрельские тезисы», которые Ленин прочитал на следующий день на митинге социал-демократов в Таврическом дворце, следовали тому же неортодоксальному курсу: в истории России должна была исчезнуть целая фаза – продолжительный период «буржуазной демократии», который по Марксу обязательно предшествует пролетарской революции. «Странность настоящей ситуации в России, – говорил Ленин, – в том, что она представляет собой переход от первого этапа революции, когда в силу недостаточной организованности и сознательности пролетариата власть принадлежит буржуазии, ко второму этапу, когда власть переходит в руки пролетариата и беднейшего крестьянства».

В целом это утверждение не отличается от теории «перманентной революции» Льва Троцкого, которую Ленин отверг в 1905 году, ошелолив умеренных социал-демократов. Неужели, отрицая период капитализма, который по Марксу должен предшествовать социалистической революции, Ленин, изумлялись они, полностью отвергает законы истории, установленные его учителем? Неужели он издевается над марксистской философией, разом перепрыгивая целую эпоху социальных и экономических преобразований?

Для самых ортодоксальных социалистов слова Ленина означали еретический отход от устоявшихся доктрин; по всей видимости, он позволил себе усомниться в них за время долгого и нелегкого периода эмиграции или, что еще хуже, стал анархистом. И.П. Голденберг, ветеран российского марксизма, заявил: «Ленин сейчас сделал себя кандидатом на тот европейский трон, который пустовал вот уже тридцать лет, – трон Бакунина! Новые высказывания Ленина отражают нечто старое – вышедшую на пенсию истину о примитивном анархизме». Тем не менее заново найденный Лениным «анархизм» оказал гальванизирующее воздействие на ряды его большевистских сторонников, которые увеличились за неделю до возвращения Ленина. Как отмечал левый меньшевик Суханов, хроникер революции, Ленин «отряхнул прах марксизма со своих ног».

Если нетерпеливое отношение Ленина к жесткости исторических периодов, «максималистское» стремление подтолкнуть историю разочаровали многих его соратников-марксистов, то анархисты в массе одобрили его. «Апрельские тезисы» включали в себя много «иконоборческих» утверждений, которые давно уже высказывали анархистские мыслители. Ленин призывал к трансформации «хищнического империализма», к войне революционных сил против капиталистического порядка вещей. Он отрицал идею парламентаризма в России, отдавая предпочтение режиму советов, модель которого появилась во времена Парижской коммуны. Он требовал уничтожения армии, полиции и бюрократии и предлагал, чтобы жалованье чиновников (всех их надлежало выбирать, и они могли быть отозваны в любой момент) не превышало зарплаты квалифицированного рабочего. Хотя за то время, пока Ленин готовился к захвату политической власти, анархисты смогли оценить его. Довольно многие из них сочли, что его взгляды органично соответствуют их воззрениям и могут служить основой для сотрудничества. Если они и питали какие-то подозрения, в данный момент они были отброшены. Более того, некий лидер анархо-синдикалистов, летом 1917 года вернувшийся в Петроград, был убежден, что Ленин собирается прославить анархизм, «устранив государство» в тот же момент, когда доберется до него.

Ленин вновь подтвердил мнение анархистов об «Апрельских тезисах» в августе–сентябре 1917 года, когда написал свою знаменитую работу «Государство и революция». Он снова провел линию от советов обратно к Парижской коммуне, которая была для анархистов столь же священной легендой, как и для социалистов, и призвал рабочих и беднейшее крестьянство «свободно организовываться в коммуны», после чего стереть капитализм с лица земли и передать железные дороги, заводы и землю в собственность «всего общества». Хотя Ленин безжалостно уничтожил анархистскую мечту, как государство исчезнет «всего за сутки», он все же заявил, что в конечном итоге государство станет «совершенно ненужным», и одобри-

тельно процитировал хорошо известный абзац из «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса: «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, сможет отправить государственную машину туда, где ей и надлежит быть: в Музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором». Ленин заявил: «Пока есть государство, свободы быть не может; когда появляется свобода, государство исчезает». Он не отказывался признавать «сходство между марксизмом и анархизмом (и Прудона, и Бакунина)... в этом пункте».

Так и случилось, что в течение восьми месяцев, которые отделяли две революции 1917 года, и анархисты, и большевики прилагали усилия, стремясь к одной и той же цели – к свержению Временного правительства. Хотя и с той и с другой стороны присутствовала определенная настороженность, известные анархисты отмечали, что в самых жизненных вопросах между двумя группами существовала «безукоризненная общность». У них часто совпадали лозунги и нередко даже возникали между давними антагонистами определенные дружеские отношения, основанные на общей для них цели. В октябре они рука об руку старались поставить локомотив истории на новые рельсы. Когда лектор-марксист рассказал аудитории заводских рабочих в Петрограде, что анархисты вносят раскол в солидарность рабочих в России, возмущенные слушатели стали орать: «Хватит! Анархисты – наши друзья!» Тем не менее было слышно, как чей-то голос пробормотал: «Спаси нас Бог от таких друзей!»

В том хаосе и сумятице, которые последовали за Февральской революцией, группы вооруженных анархо-коммунистов захватили несколько частных домов в Петрограде, Москве и других городах. Среди самых известных случаев был захват виллы П.П. Дурново, которую анархисты сочли самой заманчивой целью, потому что во время революции 1905 года Дурново был генерал-губернатором Москвы. Дача Дурново была расположена в Выборгском районе, отличавшемся радикальными настроениями; он лежал на северном берегу Невы, как раз напротив Финляндского вокзала. Именно здесь анархисты и вербовали себе самых стойких среди столичных рабочих сторонников. Анархисты и другие левые из рабочих захватили виллу Дурново и превратили ее в «дом отдыха», где были комнаты для чтения, дискуссий и отдыха, а сад стал игровой площадкой для их детей. Новые обитатели состояли из членов профсоюза пекарей и отряда народной милиции.

Экспроприаторов никто не беспокоил до 5 июня, когда отряд анархистов, расквартированный на даче, предпринял попытку реквизиции типографии буржуазной газеты «Русская воля». Через несколько часов после захвата помещения захватчики были выставлены войсками, посланными Временным правительством. Проходивший в то время I съезд Советов осудил налетчиков как преступников, «которые называют себя анархистами». 7 июня министр юстиции П.Н. Переверзев дал анархистам двадцать четыре часа, чтобы освободить дом Дурново. На следующий день для защиты дачи из Кронштадта прибыло 50 моряков, а рабочие в Выборгском районе оставили свои заводы и вышли на демонстрации, протестуя против приказа о выселении. Съезд Советов ответил прокламацией, призывающей рабочих вернуться на свои рабочие места. Осуждая захват частных строений «без согласия их владельцев», прокламация требовала освободить дачу Дурново и вносила предложение, чтобы рабочие имели право пользоваться садом.

Во время этого кризиса дача была украшена черными и красными флагами; то и дело входили и выходили вооруженные рабочие. В саду все время проходили бесчисленные митинги. Анархистские ораторы настоятельно требовали не обращать внимания ни на какие приказы и декреты ни Временного правительства, ни Советов. Репортер из органа Советов, газеты «Известия», записал типичный уличный разговор недалеко от дачи:

«– Мы захватили этот дворец потому, что он принадлежал прислужнику царизма.

– А что насчет «Русской воли»?

– Это буржуйская организация. А мы против всех организаций.

– И рабочих тоже?

– В принципе да. Но вот именно сегодня...

– Товарищ, будешь ли ты по приказу социалистов воевать с рабочими организациями и прессой?

– Конечно.

– Даже с «Правдой»? Вы и ее захватите?

– Да... даже с «Правдой». Если сочтем необходимым, захватим и ее».

Анархисты окопались на даче, держа круговую оборону и против Временного правительства и против Петроградского Совета. Несколько дней продолжались стихийные митинги, слившиеся с многолюдной демонстрацией в поддержку большевиков, которая прошла в столице 18-го числа (Июньская демонстрация). В ходе ее анархисты вломились в тюрьму на Выборгской стороне и, освободив семерых узников (включая трех обыкновенных уголовников и немецкого шпиона по фамилии Мюллер), предоставили им убежище на дане. Министр юстиции Переверзев наконец понял, что необходимо действовать. Он приказал совершить налет на дачу. Когда двое из анархистов, рабочий Аснин и Анатолий Железняков, грубоватый кронштадтский матрос, оказали сопротивление, завязалась стычка, в ходе которой Аснин был смертельно ранен случайной пулей, а Железнякова взяли в плен, изъяв у него несколько бомб. Всего было арестовано и посажено в казармы Преображенского полка порядка 60 моряков и рабочих.

Временное правительство не обратило внимания на петицию балтийских моряков, требовавших освободить Железнякова, и приговорило его к четырнадцати годам каторжных работ. Хотя несколько недель спустя он совершил побег из своей «республиканской тюрьмы». В январе следующего года он уже обрел широкую известность как глава вооруженного отряда, посланного большевиками для разгона Учредительного собрания.

Демонстрации, вызванные историей с дачей Дурново, отражали растущее разочарование петроградского рабочего класса Временным правительством. За три месяца пребывания у власти новый режим по сравнению со своими предшественниками почти ничего не сделал для прекращения войны или для восполнения нехватки продовольствия и жилья. Настроения в рабочей среде становились все радикальнее. Троцкий отмечал, что реакция масс на анархистов и их лозунги служат для большевиков как бы «манометром для измерения давления пара революции».

К последней неделе июня рабочие, солдаты и моряки столицы и ее окрестностей были на грани перехода к открытому насилию. В рапорте министру юстиции отмечалось, что ораниенбаумский гарнизон, важнейшая воинская часть, расположенная на

материке прямо к югу от Кронштадта, «уже чистит пулеметы», готовясь выступить против правительства.

Во второй половине июня Керенский приказал начать наступление на фронте в Галиции – последнее усилие, которое должно было обернуть ход войны в пользу России и в то же время предотвратить народный мятеж. После первых успехов немцы подтянули подкрепление и, остановив наступление, обратили русские войска в беспорядочное бегство. Незадолго до того, как Юго-Западный фронт окончательно рухнул, уничтожив последние остатки российской морали, в Петрограде разразился неудавшийся мятеж, известный как июльские дни (3–5 июля).

3 июля на Якорной площади, которая стала форумом революционного Кронштадта, к толпе рабочих, моряков и солдат, собравшейся здесь в ожидании решительных действий против правительства, обратились двое известных анархистов. Первый оратор Х.З. Ярчук (Ефим) был ветераном движения, одним из основателей группы «Черное знамя» в Белостоке перед революцией 1905 года. В 1913 году, после пяти лет сибирской ссылки, он эмигрировал в Соединенные Штаты, где присоединился к Союзу русских рабочих и вошел в состав его печатного органа «Голос труда». Вернувшись в Россию весной 1917 года, Ярчук прибыл в Кронштадт и был избран в местный совет, став лидером влиятельной анархистской фракции. Самостоятельный Кронштадтский совет решительно стоял за немедленное выступление против Временного правительства, несмотря на противодействие Петроградского Совета. Петроградский комитет партии большевиков тоже считал, что любое восстание сейчас будет преждевременным. Большинство его членов опасались, что стихийный мятеж анархистов и рядовых большевиков будет легко подавлен силами из центра и справа, что нанесет серьезный урон их партии.

Товарищем Ярчука был достаточно заметный член Петроградской федерации анархистов И.С. Блейхман. Жестянщик по профессии, Блейхман провел много лет ЮХ политэмигрант за границей, а также в Сибири, Освободившись с каторги после Февральской революции, он прибыл в Петроград и сразу же стал ведущим членом Федерации анархо-коммунистов, выступая с речами перед заводскими рабочими и поставляя многочисленные статьи в «Коммуну» и «Буревестник», публикуя Их под псевдонимом Н. Солнцев. В июле его избирают делегатом Петроградского Совета. Ираклий Церетели, ведущий меньшевик в Совете, вспоминал Блейхмана как «комическую фигуру» – маленького роста, с худым, чисто выбритым лицом и сидящими волосами, Он на ломаном русском языке излагал поверхностные знания, почерпнутые им в анархистских брошюрах.

На Якорной площади Блейхман в распахнутой у горла рубашке и с растрепанными курчавыми волосами призывал делегацию 1-го пулеметного полка свергнуть прогнившее Временное правительство – так же, как в феврале свергли царский режим. Он уверял солдат, что им не нужна никакая помощь политических организаций, дабы исполнить свой революционный долг, потому что «Февральская революция тоже состоялась без руководства партии». Он убеждал слушателей не принимать во внимание директивы Петроградского Совета, большинство членов которого, по его словам, были на стороне «буржуазии», а также реквизировать все припасы, захватывать заводы и шахты, разрушать правительство и капиталистическую систему – немедленно. Блейхман осуждал Временное правительство за преследование анархистов,

обосновавшихся на даче Дурново. «Товарищи! – говорил он пулеметчикам. – Может, сейчас уже льется кровь ваших братьев! Неужели вы откажетесь поддержать ваших товарищей? Откажетесь выступить на защиту революции?»

Во второй половине того же дня 1-й пулеметный полк поднял в столице знамя восстания. Толпы солдат, кронштадтских моряков и рабочих с вооруженными демонстрантами высыпали на улицы, требуя, чтобы вся власть перешла к Петроградскому Совету, хотя анархистов в их рядах куда больше интересовало уничтожение правительства, а не чтобы бразды правления перешли в руки Советов. На следующий день, 4 июля, разгневанная толпа потребовала отомстить Переверзеву, отдавшему приказ о налете на дачу. Группа моряков из Кронштадта даже попыталась похитить Виктора Чернова, лидера эсеров и министра сельского хозяйства, но на помощь ему пришел Троцкий, которому и удалось освободить несчастного министра в целостности и сохранности.

Называть июльские дни «делом рук анархистов», как сказал один из ораторов на конференции Петроградской федерации анархистов в 1918 году, было бы большим преувеличением. Инцидент с дачей Дурново также был сочтен всего лишь звеном в цепи событий, приведших и к июньским демонстрациям в столице и к неудавшемуся июльскому мятежу.

Тем не менее не стоит преуменьшать роль анархистов. Вместе с рядовыми большевиками и радикалами анархисты действовали как оводы, жала солдат, моряков и рабочих и тем самым побуждая их к неорганизованному мятежу. Но Петроградский Совет отказался поднимать преждевременное восстание, и правительству без большого труда удалось подавить бунтовщиков. Лидеры большевистской партии оказались арестованными или были вынуждены скрываться. Оставшихся анархистов выставили из дома Дурново, а кое-кто из них даже оказался за решеткой. Подъем радикальных настроений моментально сошел на нет, предоставив Временному правительству очень краткую передышку.

Возвращение анархо-синдикалистов в Россию в течение лета 1917 года резко отрицательно сказалось на практике вооруженного захвата домов и типографий, чем занимались их анархо-коммунистические кузены. Анархо-синдикалисты осуждали атавистическое возрождение терроризма и «экссов» 1905 года. Хотя они подчеркнуто соглашались, что войну следует продолжать, а революция должна развиваться вплоть до полного исчезновения государства, синдикалисты осуждали беспорядочные экспроприации как шаг назад. Главной и немедленной целью, доказывали они, должна стать организация сил труда.

В 1917 году большая часть анархо-синдикалистов присоединилась к группе Кропоткина «Хлеб и воля», которая раскололась из-за «оборонческой» позиции лидеров по вопросу отношения к войне. Хотя Кропоткин отлично знал о крайней усталости русского народа из-за войны, он считал поражение германского милитаризма необходимым предварительным условием прогресса Европы. В преддверии убытия на родину он еще раз выразил свою поддержку Антанте. Несмотря на этот непопулярный жест, когда в июне 1917 года, после сорока лет эмиграции Кропоткин прибыл на Финляндский вокзал, его тепло встретила толпа в 60 000 человек, а военный оркестр играл «Марсельезу», гимн революционеров, где бы они ни находились, он

же – торжественный хорал Великой французской революции, столь близкой сердцу Кропоткина.

Керенский предложил почтенному либертарианцу пост министра образования в своем кабинете и государственную пенсию, но Кропоткин отказался и от того и от другого. Тем не менее в августе он принял приглашение Керенского выступить на Московской государственной конференции (другим оратором был Плеханов, оракул российской социал-демократии, который тоже поддерживал военные усилия), собрании бывших членов Думы и представителей земств, муниципальных органов управления, деловых ассоциаций, профсоюзов, советов и кооперативов. Всех их созвал новый премьер-министр в надежде, что они окажут поддержку его непрочному режиму. Участники конференции стоя приветствовали Кропоткина бурной овацией. В своем кратком обращении он призвал к новому военному наступлению, чтобы вся нация встала на защиту России.

«Патриотизм» Кропоткина продолжал отчуждать от него бывших сторонников; он видел, что изолирован от возрождающегося анархистского движения в России. Его преданная ученица Мария Корн, поддерживавшая его даже по вопросу войны, осталась на Западе рядом с больной матерью. Варлаам Черкезов, который также соглашался с «оборончеством» Кропоткина, вернулся в свою родную Грузию и почти не поддерживал контактов со своими бывшими лондонскими друзьями. Оргеиани, как и Черкезов, вернувшийся на кавказскую родину, поссорился со своим старым наставником и из-за того, что Кропоткин поддерживал Антанту, перешел в лагерь анархо-синдикалистов.

Первым из известных анархо-синдикалистов, вернувшихся из зарубежной эмиграции, был Максим Раевский. Он прибыл на том же судне, что и Лев Троцкий. Родом из обеспеченной еврейской семьи города Нежина, который считался одним из первых центров анархистского движения в Юго-Западной России, Раевский (настоящая фамилия Фишелев) посещал гимназию в своем родном городе, а затем отправился в Германию, чтобы получить университетский диплом. Перебравшись в Париж, он стал редактором влиятельного кропоткинского периодического издания «Буревестник», в котором вел горячую полемику с антисиндикалистами и «безмотивными» террористами из групп «Черное знамя» и «Безначалие». К началу Первой мировой войны Раевский в Нью-Йорке – редактор просиндикалистского журнала «Голос труда», еженедельного органа Союза русских рабочих в Соединенных Штатах и Канаде, в который входило примерно 10 000 членов.

Самыми способными сотрудниками Раевского в редакции «Голоса труда» были Владимир (Билл) Шатов и Всеволод Михайлович Эйхенбаум, которого в рядах движения знали как Волина. Шатов, полный и вежливый человек, работал в Америке на самых разных работах – машинист, докер, печатник; в дополнение к своим обязанностям в редакции «Голоса труда» он принимал активное участие в деятельности Союза русских рабочих и в организации ИРМ («Индустриальные рабочие мира»). Волин был родом из семьи врача в Воронеже, городе Черноземной полосы России. Его младший брат Борис Эйхенбаум стал одним из самых известных в России литературных критиков.

В 1905 году студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета Волин присоединился к партии социалистов-революционеров и за свою радикаль-

ную деятельность оказался в Сибири. Совершив побег, он добрался до Запада. В 1911 году его привлек анархизм. Волин стал членом парижского кружка анархо-коммунистов во главе с А.А. Карелиным. Когда в Европе начались военные действия, Волин вошел в Комитет международных действий против войны. Арестованный французской полицией, он снова смог совершить побег и в 1916 году оказался в Соединенных Штатах. Там он вступил в Союз русских рабочих и скоро обрел место в редакции «Голоса труда».

В 1917 году по призыву анархистского Красного Креста Шатов и Волин пересекли Тихий океан и в июле прибыли в Петроград. Объединившись с Раевским, они перевели «Голос труда» в российскую столицу. В состав редколлегии вошел и Александр (Саня) Шапиро, известный анархо-синдикалист, только недавно вернувшийся из Лондона в свою родную страну, где отсутствовал около двадцати пяти лет. Виктор Серж в своих знаменитых «Мемуарах революционера» описывает Шапиро как человека «умеренно-критического темперамента». Шапиро, родившийся в 1882 году в Ростове-на-Дону, был сыном революционера, который сам стал активным членом Лондонской федерации анархистов. Еще ребенком оказавшись в Турции, Саня посещал французскую школу в Константинополе. Он владел четырьмя языками (русский, идиш, французский и турецкий, а потом овладел еще английским и немецким) и в возрасте одиннадцати лет уже читал работы Кропоткина, Элизе Реклю и Жана Граве. В шестнадцать он поступил в Сорбонну, где изучал биологию для медицинской карьеры, но вскоре из-за недостатка средств был вынужден бросить учебу. В 1900 году Шапиро присоединился в Лондоне к своему отцу и много лет был близким сотрудником Кропоткина, Черкезова и Рокера в Федерации анархистов. На Амстердамском конгрессе в 1907 году был избран секретарем Международного бюро анархистов, а позже наследовал Рокеру в качестве секретаря Комитета помощи анархистского Красного Креста.

Личность самого младшего члена группы «Голос труда» Григория Петровича Максимова пользовалась всеобщим уважением в анархистском движении как в России, так и за границей. Родившийся в 1893 году в деревне под Смоленском, Максимов посещал православную семинарию во Владимире. Завершив учебу, передумал принимать сан и поступил в Санкт-Петербургскую сельскохозяйственную академию. Во время учебы в ней он читал работы Бакунина и Кропоткина, и вскоре его увлекли идеи анархизма. Окончив академию в 1915 году и став агрономом, Максимов был забрит в солдаты, чтобы участвовать в империалистической схватке, которую резко отвергал. Вернувшись в Петроград в начале 1917 года, принял участие в февральских забастовках, которые и Привели к падению царского правительства. В августе он вошел в штат редакции «Голоса труда», став самым плодовитым автором издания.

Первый номер «Голоса труда» вышел в августе 1917 года под эгидой Союза анархо-синдикалистской пропаганды. В течение лета и осени союз распространял среди рабочих столицы убеждения синдикализма. «Голос труда» публиковал многочисленные статьи о французских *syndi-egiz*, о *bourses dra travail* и всеобщих забастовках, а редакторы получали статьи от таких бывших хлебовольцев, как Оргеиани в Грузии и Владимир Забрежнев в Москве (оба они ранее связывались из Парижа с «Голосом труда» в Нью-Йорке), а также от бывшего «легального марксиста» Владимира Поссе, пропагандировавшего доктрины синдикализма (правда, без «анархистской» при-

ставки) вот уже более десяти лет. В русском издании «Голоса труда» высказывали свое мнение известные авторы из Западной Европы. Кроме того, Волин, Шатов и Максимов, несмотря на загруженность редакторскими обязанностями, находили время выступать с бесчисленными речами на заводах, в рабочих клубах и на митингах в цирке «Модерн».

Главной целью группы «Голос труда» была революция – «антистатичная по методам, синдикалистская по экономическому содержанию и федералистская по своим политическим задачам», революция, которая заменит централизованное государство свободной федерацией «крестьянских союзов, промышленных союзов, фабричных комитетов, контрольных комиссий и т. д. на местах по всей стране». Хотя анархо-синдикалисты поддерживали советы, считая их «единственной возможной формой непартийной организации «революционной демократии», единственным инструментом для достижения «децентрализации и распространения власти», свои самые большие надежды они возлагали на заводские комитеты на местах. Завкомы, заявляя «Голос труда», нанесут «решительный, смертельный удар капитализму»; они представляют собой «самую лучшую форму организации рабочих из всех, что были... ячейку будущего социалистического общества».

Фабричные комитеты появились в России как неожиданный продукт Февральской революции – они были ее «плотью и кровью», как весной 1917 года описал их один из организаторов рабочих. Когда Петроград кипел демонстрациями и стачками, рабочие собирались в столовых, мастерских, на биржах труда, где шли разговоры о необходимости создания организаций на местах для защиты их жизненных интересов. По всей столице под самыми разными названиями – фабричные комитеты, заводские, рабочие советы, советы старейшин – на самых разных уровнях, от заводов до мастерских, возникали рабочие комитеты. Вскоре они стали действовать в каждом промышленном центре Европейской России – сначала появлялись на крупных предприятиях, а затем, по прошествии нескольких месяцев, возникали повсюду, вплоть до самых мелких.

С самого начала рабочие комитеты не ограничивались требованиями повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, хотя эти условия открывали все списки, но кроме материальных благ они хотели иметь право голоса и в управлении производством. Например, 4 марта рабочие обувной фабрики «Скороход» в Петрограде обратились к владельцам с требованием не только восьмичасового рабочего дня и повышения жалованья (включая двойную оплату сверхурочных), но и официального признания заводского комитета и его права контролировать вопросы найма и увольнения. На Петроградской радиотелеграфной фабрике рабочий комитет недвусмысленно дал понять, что «собирается разработать нормы и правила внутренней жизни предприятия», а другие фабричные комитеты избирались главным образом для контроля за деятельностью директоров, инженеров и мастеров.

На крупных предприятиях Петрограда чуть ли не за сутки появились начальные формы «рабочего контроля» за выпуском и распределением продукции, особенно на государственных металлургических заводах, работавших почти исключительно на войну; на них трудилась почти четверть всех рабочих столицы. Лозунг «рабочего контроля» был тут же подхвачен и пошел распространяться от завода к заводу, вызывая неподдельный страх и у Временного правительства, – в данный момент оно

руководило крупными предприятиями, где фабкомы доставляли немалые неприятности, – и у частных предпринимателей, предвидевших наступление кошмарных времен.

Лозунг «рабочего контроля» не был изобретен ни анархо-синдикалистами, ни большевиками, ни вообще какой-либо радикальной группой. Точнее, как потом вспоминал свидетель из числа меньшевиков, «он был рожден бурями революции» и появился столь же стремительно и неожиданно, как и сами фабричные комитеты. (Тем не менее «рабочий контроль» считался лозунгом западноевропейских синдикалистов и Британской гильдии социалистов еще с конца прошлого века.)

Любые политические взгляды ничего не могли сделать с элементарным желанием рабочих организовывать местные комитеты или требовать признания своей роли в управлении заводами и мастерскими. Как и революционное синдикалистское движение во Франции, фабричные комитеты в России 1917 года были детищем рабочих, принадлежавших как к самым разным левым партиям, так и вообще ни к каким. Тем не менее прошло не так много времени и наиболее воинственные рабочие стали выражать нетерпение умеренностью социалистов, которые поддерживали Временное правительство, его политику продолжения войны и капиталистическую систему. В феврале крушение царского режима вызвало надежды на немедленное прекращение военных действий и перерождение общества, но в апреле или мае эти надежды обернулись горьким разочарованием. Если в 1905 году социал-демократы – меньшевики в той же мере, что и большевики, – были достаточно радикальны, чтобы удовлетворить почти всех представителей рабочего класса, то теперь только анархисты и большевики провозглашали то, что хотел услышать растущий сегмент рабочего класса: «Долой войну! Долой Временное правительство! Заводы и фабрики – под контроль рабочих!»

Если, как замечал Ленин, рядовые представители русского рабочего класса в тысячу раз ближе к левым, чем меньшевики и эсеры, и в сто раз ближе, чем даже большевики, то наиболее полно выражают их радикальный дух именно анархо-синдикалисты. Но они были не способны превратить в политический капитал темперамент своих близких родственников. Они оказывали влияние на фабричные комитеты, которое было непропорционально их малому количеству, но поскольку они отказались от централизованного партийного аппарата, им никогда не удавалось занять господствующее положение в комитетах или возглавить широкие массы рабочего класса. Это оставалось на долю большевиков, которые обладали не только самой эффективной партийной организацией, но и сознательной волей к власти, чего не хватало синдикалистам, чтобы обзавестись союзниками из числа рабочих, сначала в фабричных комитетах, а потом и в советах и профсоюзах.

Хотя Ленин был осведомлен о синдикалистской природе фабричных комитетов и их программы рабочего контроля, он все же признавал потенциальную роль комитетов в стремлении его партии к политической власти. Ленин предвидел «и крах, и революцию в тысячу раз мощнее, чем в феврале», ради чего ему и была нужна поддержка заводских рабочих. Если он питал инстинктивную подозрительность к тому, что Бакунин и Кропоткин называли «творческим духом масс», то потому, что с полным основанием считал его разрушительными способностями народа. Тем не менее в данный момент он был готов оседлать могучую волну революции, кото-

рая смысла Временное правительство, и дожидаться дня, когда большевики возьмут власть, расправятся с синдикалистами и начнут создавать новый социалистический порядок.

Поэтому Ленин и его партия оказывали решительную поддержку фабричным комитетам и их требованиям рабочего контроля на производстве. 17 мая, выступая в «Правде», Ленин недвусмысленно поддержал лозунг «контроля рабочих», заявив, что рабочие «должны требовать немедленного введения контроля, фактического и без отступлений, с участием самих рабочих».

Для анархо-синдикалистов это было еще одним доказательством отступления Ленина от марксистских догм. «Большевики все больше и больше отходят от своих первоначальных целей, – утверждал журнал анархо-синдикалистов в Харькове, – и с каждым разом становятся все ближе к пожеланиям народа. Со времени революции они решительно порвали с социал-демократией и дают понять, что готовы воспринять анархо-синдикалистские методы борьбы».

Поэтому на рабочих конференциях между маем и октябрём делегаты от большевиков и анархо-синдикалистов голосовали вместе в поддержку фабричных комитетов и рабочего контроля. Самыми грозными их противниками были меньшевики. Жестко придерживаясь исторических рамок, установленных Марксом, меньшевики настаивали, что за Февральской революцией должен наступить продолжительный период буржуазно-демократического правительства, при котором рабочему контролю нет места. «Мы находимся на буржуазном этапе революции, – в июне на I Петроградской конференции заводских комитетов заявил М.И. Скобелев, меньшевистский министр труда. – В настоящее время переход управления в руки народа не поможет революции».

Более того, любое регулирование производства, без сомнения, является функцией правительства, доказывал Скобелев, а не автономных фабричных комитетов. Эти комитеты, подчеркнул он, могут куда лучше послужить делу рабочего класса, если станут подчиненными частями в общенациональной сети профсоюзов; русскому рабочему классу вместо того, чтобы «искать путь к захвату заводов, куда лучше положиться на профсоюзы для улучшения своего экономического положения в рамках капитализма».

Тем не менее анархо-синдикалисты отнюдь не собирались покорно стоять в стороне, наблюдая, как профсоюзы поглощают рабочие комитеты. Разочарованные деятельностью профсоюзов, особенно тех, в которых тон задавали «постепеновцы» и «соглашатели», меньшевики, делегаты от синдикалистов начали проводить резкое различие между «чистыми» фабричными комитетами, наследниками революционного синдикализма и «реформистскими» союзами, которые, по словам Волина из группы «Голос труда», исполняли «роль посредников между трудом и капиталом».

Так в Харькове ведущий анархо-синдикалист (его фамилия Ротенберг) в конце мая сказал на собрании представителей фабричных комитетов: «Профсоюзы обанкротились по всему миру. И не стоит смеяться! Нужны совершенно другие методы. Когда профсоюзы захотели подчинить себе революционные комитеты, мы сказали им – руки прочь! Мы не пойдем по вашему пути. Мы должны закончить борьбу с капитализмом – вплоть до полного его исчезновения».

В том же ключе анархист из числа делегатов, представлявший Харьковское локомотивное депо, окрестил профсоюзы «отпрыском буржуазии», сказав, что им не место в новых временах, которые уже видит на горизонте простой человек: «Фактически в данный момент, если мы хотим выжить, то должны захватить заводы, а если хотим исчезнуть – пусть они достанутся профсоюзам. Но мы этого не позволим. Чтобы улучшить положение рабочих, мы должны взять предприятия в свои руки». Таковы были страстные слова человека, который, как и многие, был до глубины души предан своему фабричному комитету, человека, увлеченного зрелищем прекрасного нового мира, к которому они могут прийти лишь при помощи местных комитетов.

Они считали профсоюзы наследием умирающего капиталистического порядка; фабричные комитеты, «более живые», как они предпочитали представлять себя, олицетворяли волну будущего, которая сметет буржуазное Временное правительство и откроет блистательную новую эру для рабочего человека.

Фабричные комитеты были «сильны ценностями своей молодости – революционностью, активностью, силой», писал Григорий Максимов в «Голосе труда», для которого профсоюзы были «старыми и осторожными, склонными к компромиссам; сами они считали себя боевыми и активными, а на деле стремились к «классовой гармонии». И если централизованная бюрократия профсоюзов подавляла новые идеи, то фабричные комитеты были «шедеврами рабочего творчества».

Настойчивые старания меньшевиков подчинить/рабочие комитеты профсоюзам встречали успешное сопротивление со стороны анархистов и большевиков – и те и другие стремительно обретали почву в рабочем движении, особенно большевики с их эффективной организацией и стремлением к лидерству. Не обладая такой организационной дисциплиной, анархисты вряд ли могли надеяться сравниться с большевиками в кампании набора новобранцев; они могли лишь утешаться тем фактом, что «именно большевики, а не меньшевики повсюду на подъеме». Потому что, как они считали, большевики «отказались от схоластики своих апостолов и приняли революционную – то есть антимарксистскую – точку зрения».

Рост влияния синдикализма среди петроградских рабочих в 1917 году – это факт, признаваемый даже враждебно настроенными наблюдателями из числа меньшевиков. В результате новых выборов в фабричные комитеты, проходивших летом и осенью, среди их членов появилось много анархо-синдикалистов. Максимов и Шатов из «Голоса труда» были среди самых активных членов Центрального совета фабричных комитетов Петрограда (Максимов был избран в июне, а Шатов – в августе). Но оттого, что рабочее движение заметно сместилось влево, больше всех выиграли большевики, успешно присвоившие рабочую программу синдикалистов, точно так же, как в октябре – аграрную программу эсеров.

Удивительные успехи партии Ленина вызвали чувство растерянности в среде рядовых анархистов. Все большее и большее число приходило к убеждению, что их движению требуется более высокий уровень организации, пусть даже их временные союзники-большевики все заметнее теряли преданность со стороны рабочего класса. Одна за другой торопливо собирались местные и губернские конференции в надежде как-то излечить печальный разлад движения. В Петрограде анархистские ячейки на больших предприятиях повысили свою активность, а местное отделение Союза анархо-синдикалистской пропаганды в районе Выборга открыло рабочий клуб с

целью привлечь к себе новых членов. Анархо-синдикалисты Москвы, которые уже пользовались влиянием среди пекарей, печатников, железнодорожников и кожевников, распространили его также среди почтовиков и работников парфюмерной промышленности. На юге синдикализм пустил корни среди шахтеров Донецкого бассейна, рабочих-цементников и докеров Екатеринодара и Новороссийска на Черном море.

Тем не менее, когда организационные усилия достигли апогея, лагерь анархистов раскололся по вопросу о рабочем контроле. В Англии слово «контроль» означало подлинное руководство данной процедурой, но российское значение термина было более сдержанным, оно предполагало наблюдение или инспекцию. Выражение «рабочий контроль» означало что-то близкое к надзору, к наблюдению над поведением хозяина, чем захват рабочими предприятия или управление им. Тем не менее, как заметил глава одного фабричного комитета, среди радикально настроенных рабочих всегда имеются несколько человек, которые путают «контроль» с «захватом предприятия».

Большинство сторонников полной конфискации были анархо-коммунистами, считавшими рабочий контроль половинчатой мерой, компромиссом с существующим порядком. На столичной конференции фабричных комитетов один делегат из их числа потребовал не меньше чем «захвата заводов и устранения буржуазии». «Контроль нас не устраивает, – пожаловался другой. – Продукция должна находиться в наших руках и необходимо конфисковать все заводы». На съезде портовых рабочих Петрограда (среди которых влияние анархистов было особенно сильным) самый нетерпеливый делегат призывал к «переходу управления заводами и портами в руки (рабочих) комитетов». «Комитеты, – заявил он, – должны быть активными, а не пассивными, то есть руководить заводами, а не просто контролировать их деятельность».

Споря с этой точкой зрения, второй оратор считал, что «рабочие, которые стремятся управлять предприятиями, серьезно переоценивают свои силы». Но выяснилось, что он оказался в меньшинстве, потому что специальная комиссия съезда одобрила призыв к экспроприации. На другой конференции рабочих ярый защитник экспроприации требовал «дел, а не слов», а затем поделился личным опытом захвата предприятия, в котором он принимал участие, – Шлиссельбургского порохового завода. Стоит отметить, что этот рабочий, Иустин Жук, в 1909 году был приговорен к бессрочной каторге за ограбление сахарного завода под Киевом и убийство сторожа.

Для анархо-синдикалистов эти речи отражали ту стремительность и пылкость, которые определяли сотрудничество с анархо-коммунистами в прошлом. По мнению Максимова, адвокаты «захвата ради самого захвата» принадлежали к вышедшей из моды и дискредитированной школе бандитизма и терроризма. Хотя в принципе синдикалисты соглашались, что в конечном итоге предприятия должны будут перейти в собственность рабочих, они были против немедленной конфискации – до того, как рабочие будут готовы к управлению производством. Максимов и его коллеги в редакции «Голоса труда» настаивали на «тотальном» рабочем контроле, включающем все производственные операции, – «настоящем, а не фиктивном» контроле над условиями работы, приемом на работу и увольнением, длительностью рабочего дня, заработной платой и производственными процессами. Только такой

рабочий контроль мог служить настоящей переходной фазой, в ходе которой работники физического труда могли бы научиться управлять сами собой. «Контрольные комиссии не должны заниматься просто проверками, – заявил анархо-синдикалист из Одессы на Всероссийской конференции заводских комитетов, которая состоялась в Петрограде как раз в канун восстания большевиков. – Они должны быть ячейками будущего, которые уже сегодня готовят переход производства в руки рабочих».

А тем временем владельцы заводов в России обратились к Временному правительству с предупреждением, что расширение рабочего контроля ставит национальную экономику под удар. Производители жаловались, что ситуация на заводах и фабриках «уже очень близка к точке, за которой начинается промышленная анархия». Они возлагали ответственность за растущий экономический хаос на наивную убежденность рабочих в том, что Россия стоит на пороге сияющего нового века. «Рабочий класс, – говорилось на конференции производителей Южной России, – увлечен заманчивыми перспективами, которые обрисовали его лидеры, он ждет прихода золотого века – но тем горше будет разочарование, которого невозможно избежать». Рабочие действительно проявляли нетерпение в ожидании прихода золотого века. Чем больше силы на заводах и шахтах набирали рабочие комитеты, тем отчетливее становилось их видение пролетарского рая. Россия чувствовала приближение «сна наяву», как описал его один председатель заводского комитета в Петрограде, когда рабочий человек будет «управлять самим собой, не склоняя головы перед властью класса собственников».

К октябрю рабочий контроль в той или иной форме существовал на большинстве предприятий в России. Было даже несколько случаев, когда рабочие комитеты выкидывали хозяев предприятий и инженеров, после чего сами принимались управлять предприятиями, рассылая делегации в поисках горючего, сырья и финансовой помощи от рабочих комитетов других предприятий. Те комитеты, которые взяли в свои руки бразды правления, часто хвастались, что они сохраняют – или даже поднимают – уровень выпуска продукции. Например, рабочий комитет медеплавильного завода в Петрограде утверждал, что едва ли не удвоил выпуск продукции, а делегат I Петроградской конференции рабочих комитетов представил фантастическую картину, как его авиационный завод под руководством комитета всего за два месяца на 200 процентов увеличил выпуск продукции.

Владельцы, конечно, отрицали эти утверждения. Узурпация производства рабочими комитетами, доказывали они, приводила лишь к росту экономического хаоса.

«Что бы вы могли сказать о людях, – после Октябрьской революции писал ведущий коммерческий журнал, – которые решили бы контролировать работу врача в тот самый момент, когда ему удалось предотвратить кровотечение при полостной операции или когда он делает искусственное дыхание человеку в коме? Что бы вы могли сказать о чиновнике, который назначает контролера, дабы тот наблюдал за действиями человека, спасающего тонущего, или капитана судна во время шторма?»

Заводские комитеты считали такие обвинения наглыми попытками «посеять рознь» среди рабочих. Тем не менее, откровенно говоря, рабочий контроль – по крайней мере, в самых его экстремистских формах – оказывал разрушительное воздействие на производство. Хотя комитетам часто удавалось предотвращать закрытие предприятий и массовые увольнения, их хвастливые заявления о подъеме

производительности были как минимум очень сильно преувеличены. Им пришлось столкнуться не только с разрушенной системой доставки и серьезной нехватки основных материалов, но их скудные технические и административные познания вряд ли могли заполнить брешь, что образовалась после изгнания инженеров и директоров. В результате некоторые комитеты осознали, что им придется «идти в Каноссу», как писали большевистские профсоюзники, и возвращать на работу изгнанных управляющих, чтобы обеспечить выпуск продукции. Несмотря на свои возвышенные намерения, рабочие комитеты способствовали возникновению «товарной анархии», от чего Маркс и Энгельс должны были поворачиваться в своих гробах. И по мере развития революции 1917 года заводские инспекторы сообщали Временному правительству, что «анархия на заводах и фабриках продолжает расти».

Во всей стране неуклонно повышался уровень напряженности между трудом и капиталом. Естественно, рабочие возлагали ответственность за ужасные условия, в которых находилась российская промышленность, на хозяев, обвиняя их в том, что они затеяли эту ужасную войну ради извлечения больших прибылей, не обращая внимания на то, что их близорукая алчность ведет машину производства к окончательному краху. Лидеры рабочих настаивали, что рабочий контроль над руководством необходим для предотвращения закрытия предприятий, локаутов и массовых увольнений. Со своей стороны производители возражали, что они вынуждены сокращать выпуск продукции или даже закрывать цеха из-за бесцеремонного вмешательства неквалифицированных рабочих в производственный процесс, отягощенный к тому же серьезной нехваткой сырья. У обеих сторон были свои аргументы, но никакие слова не могли заполнить расширяющуюся брешь между соперничающими классами. Первая мировая война и классовая война в пределах страны довели экономику России и Временное правительство до катастрофы.

Глава 6. ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Хозяева часто бывают свиньями, но от хозяев никуда не деться, не так ли? Чего толку ломать себе голову над этим и думать, как от них избавиться?

Э. Золя. Жерминаль

Анархисты отличались от всех прочих радикальных группировок в России своим непримиримым отрицанием любой формы государства. Они хранили верность словам Бакунина, что любое правительство, кто бы его ни контролировал, является инструментом насилия. Этот приговор относился и к «диктатуре пролетариата», хотя это был основной принцип их союзников-большевиков. Хотя анархисты разделяли решимость Ленина уничтожить Временное правительство, они не могли забыть предупреждение Бакунина о марксистах, которые жаждут дорваться до власти.

Их скрытые подозрения в адрес «социалистов-карьеристов» дали о себе знать в начале сентября, когда большевистская партия на выборах в Совет завоевала большинство и в Москве и в Петрограде. «Свободная коммуна», орган Петроградской федерации анархистов, вспомнила слова Бакунина и Кропоткина, которые часто

---

²³ В 1917 году социал-демократическая партия включала в себя и меньшевиков и большевиков; последние стали называть себя коммунистической партией в 1918 году.

повторяли, что так называемая диктатура пролетариата на самом деле представляет собой «диктатуру социал-демократической партии»^{23*}.

В прошлом каждая революция, напоминал журнал своим читателям, просто приводила к власти новый набор тиранов, новый привилегированный класс, который и господствовал над массами. Давайте будем надеяться, заявлял журнал, что люди станут достаточно умны, дабы не позволить Ленину и Керенскому стать новыми хозяевами над собой – «Дантоном и Робеспьером русской революции».

Опасения Петроградской федерации разделял и Союз анархо-синдикалистской пропаганды. «На самом верху, – писал Волин, новый шеф-редактор «Голоса труда» (в августе после выхода первого номера Раевский неожиданно подал в отставку и впредь играл в движении только пассивную роль), – всегда сидят бестолковые политики, пустые болтуны, бесстыдные ренегаты, неврастеничные трусы, которые не верят в свободную волю и творческий дух масс».

Победы большевиков в Петроградском и Московском Советах еще были свежи в памяти, и лидеры анархо-синдикалистов стали опасаться, что Советы могут стать орудием обретения политической власти. Советы же, с точки зрения синдикалистов, были неполитическими организациями; их избирали непосредственно на местах, без всяких партийных списков. В их функции входили такие вещи, как надзор за жилым фондом, доставка продовольствия, организация рабочих мест, образование, то есть в каком-то смысле они напоминали французские *bourses du travail*. В самом первом выпуске «Голоса труда» Раевский подчеркивал тот факт, что Советы стремительно и самопроизвольно возникли из среды рабочего класса, а не «в мозгах тех или других партийных лидеров»; русский народ, писал он, не позволит им подпасть под власть профессиональных революционеров, о чем неприкрыто мечтал Ленин, судя по его полубланкистским заявлениям в «Что делать?». Раевский писал, что лозунг большевиков «Вся власть Советам!» приемлем для синдикалистов лишь в том случае, если он означает «децентрализацию и разделение власти», а не переход ее от одной группы к другой.

Но как было избежать этого политического соблазна, который представал в различных обликах и формах? Только путем «полной децентрализации и широчайшего самоуправления в организациях на местах», отвечал Александр Шапиро группе «Голос труда». За этим должно было последовать полное разрушение государства сверху донизу и предупредительные меры, чтобы не позволить на его месте возникнуть новому государственному аппарату. Первым шагом, как говорил оратор от анархистов на конференции рабочих в сентябре, должна стать немедленная всеобщая забастовка. Нет никаких «законов истории», заявлял он, чтобы заставить людей отступить, нет никаких predetermined этапов революции, как утверждают социал-демократы. Последователи Маркса – и меньшевики и большевики – обманывают рабочий класс «обещаниями Царства Божьего на земле, которое возникнет через сотню лет». Нет никакого смысла ждать, восклицал он. Рабочие должны предпринять прямые действия – и не после сотен лет тяжелого исторического развития, а прямо сейчас! «Да здравствует восстание рабов и равенство в доходах!»

Для анархистов столь же отвратительным, как перспектива «диктатуры пролетариата», был и российский парламент. В их глазах голосование – это всего лишь средство, чтобы не дать личности управлять собой. «Я индивидуальность!» – в ок-

тябре 1917 года заявлял анархист из Ростова, фактически повторяя слова Макса Штирнера, что «нет власти выше, чем мое «я». (Точно так же Прудон учил, что всеобщее избирательное право «контрреволюционно».) Когда в 1906 году состоялись выборы в Государственную думу, она стала для анархистов объектом поношения и издевательств. Теперь, в 1917 году, когда невдалеке маячило Учредительное собрание, отношение к нему было таким же презрительным. Народ в массе своей настолько неприкрыто поддерживал собрание, что даже большевики – и вряд ли они испытывали добрые чувства к парламентской демократии – благоразумно предпочли лицемерно выступить в пользу Учредительного собрания^{24*}. Но анархисты, у которых никогда не было привычки играть словами, оценили будущий парламент как бесстыдный обман.

Широко распространявшаяся критика представительного правительства выходила из-под пера Аполлона Карелина, известного анархо-коммуниста. По Карелину, на практике демократия становится равна плутократии. Если даже рабочие получают право участия в выборах, доказывал он, кандидатов в парламент продолжат отбирать политические партии, а поскольку лидеры партии будут отбирать только бизнесменов, профессионалов и полуобразованных рабочих, которые хотят побегать на зеленой лужайке за пределами завода, при такой парламентской системе у обыкновенного работника никогда не будет своих представителей. Во всяком случае, добавлял он, представительное правительство по сути своей всегда будет авторитарным, потому что оно лишает индивидуальность права свободно выражать свою волю.

В Петрограде на съезде заводских комитетов двое рабочих-анархистов в своих речах на той же основе отрицали и парламентскую демократию. Первый оратор упрекнул большевиков за поддержку Учредительного собрания, где господствуют «священники и помещики». Только чисто рабочая организация, заявил он, только фабричные комитеты и советы могут защитить интересы пролетариата. Его товарищ подчеркнуто повторил эти замечания. Заметив, что в списке кандидатов в Учредительное собрание всего несколько рабочих, он выступил с протестом – Учредительное собрание монополизировали «капиталисты и интеллектуалы». Он предупредил, что последние «ни в коем случае не могут представлять интересы рабочих. Они знают, как обвести нас вокруг пальца, и они предадут нас». Рабочий класс, громогласно заявил он, может одержать победу только в ходе «прямого столкновения». «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих!»

В течение сентября и октября, по мере того как приближались выборы в Учредительное собрание, ораторы от анархистов продолжали обрушивать мощный поток оскорблений и обличительных речей на представительное правительство. Русский народ, писал Шапиро в «Голосе труда», должен проснуться и осознать, что ни один парламент не сможет проложить пути к свободе, что идеальное общество можно создать только через «отрицание любой власти, только путем революционного творчества». За несколько дней до Октябрьской революции Билл Шатов развил эту тему, продемонстрировав свой незаурядный ораторский дар перед делегатами Всероссийской конференции фабричных комитетов.

---

²⁴ В частном порядке Ленин весьма презрительно отзывался об Учредительном собрании, но его

Политическая власть в любой форме, начал он, «не стоит и выеденного яйца». По сути своей российская революция – это не борьба за лидерство соперничающих политических партий, а экономический конфликт, в ходе которого решается, кто станет боссом в промышленности и сельском хозяйстве. Пока капиталисты будут владеть заводами, продолжал Шатов, рабочие обречены оставаться их рабами, даже при парламентской республике. «Я повторяю, – заявил он, – что политическая власть ничего нам не даст». Подготовка к Учредительному собранию – это пустая трата драгоценной энергии; кроме того, разделение рабочих на политические фракции разрушает их классовую солидарность. Вместо этого рабочие должны быть готовы к захвату заводов, а крестьяне – земли. «Мы должны создавать экономические организации. Мы должны быть готовы к тому, что на следующий день после революции мы запустим производство и будем управлять им». Учитывая такую мощную и неприкрытую враждебность к парламентскому правительству, кажется символическим, что именно анархист возглавил отряд, который в январе 1918 года разогнал Учредительное собрание, отпустив ему срок жизни всего в один день. По приказу нового большевистского правительства им стал кронштадтский моряк Железняков, командовавший в то время охраной Таврического дворца. Он и согнал с места Виктора Чернова, угрожающе заявив: «Караул устал».

В конце сентября «Голос труда» опубликовал письмо разгневанной женщины, жительницы Петрограда. Она заявила, что сыта по горло разговорами о свержении Временного правительства, и потребовала прямых действий, а не пустой суеты. «Когда придет конец бесконечному потоку слов и бумаг? – спрашивала она. – Долой слова! Долой резолюции! Да здравствует действие! Да здравствует творческий труд трудящегося народа!»

Писавшая эти слова, скорее всего, не знала, что через несколько недель анархисты, большевики, левые эсеры и другие приверженцы левых взглядов, вооружившись, свергнут режим Керенского. Его крах начался в конце августа, когда генерал Корнилов в попытке совершить переворот двинулся на столицу, вынудив Керенского обратиться за помощью к левым. Фабричные комитеты и рабочие профсоюзы быстро организовали отряды Красной гвардии, состоящие главным образом из большевиков, но дополненные немалым количеством анархистов, левых эсеров, меньшевиков и других радикалов, которых заставила сплотиться близкая угроза контрреволюции.

Когда силы Корнилова подходили к городу, железнодорожники останавливали поезда, телеграфисты отказывались передавать депеши генерала, а левые агитаторы успешно действовали в войсках, подрывая их боевой дух. Иустин Жук, который организовывал конфискацию Шлиссельбургского порохового завода, послал в столицу баржу с гранатами, которые Центральный совет рабочих комитетов Петрограда раздал рабочим Выборгской стороны. Но прежде чем пролилась чья-то кровь, авантюра Корнилова закончилась крахом. И теперь Керенский был обречен, потому что рабочие получили оружие и объединились под руководством крайних левых сил. По иронии судьбы марш Корнилова на Петроград проложил путь к свержению правительства его самым злейшим врагам.

Но едва только Временное правительство устранило опасность справа, оно предстало перед куда более серьезной угрозой слева. В середине сентября Керенский,

тщетно пытаюсь убедить народ поддержать его шаткое правительство, собрал представителей советов, кооперативов, профсоюзов и органов власти на местах в столицу на так называемую «демократическую конференцию». Анархисты осмеяли это собрание, как «фиаско контрреволюционеров», последние судороги умирающей эпохи, как оценил его «Голос труда». Большевики приняли в нем участие, но составили группу неуправляемой оппозиции; и когда конференция на первой же сессии (7 октября) организовала Предпарламент, Троцкий и его соратники проголосовали ногами.

С этого момента события стали развиваться стремительно. Большевики и их союзники удвоили усилия, чтобы набрать милиционеров и обеспечить их оружием и боеприпасами. «На заводах, – писал Джон Рид, – помещения комитетов были завалены грудями винтовок, приходили и убегали курьеры, Красная гвардия готовилась... На второй неделе октября Петроградский Совет создал Военно-революционный комитет, который вскоре под талантливым руководством Троцкого подготовил свержение Временного правительства. Хотя преимущество принадлежало большевикам с их 48 членами, 14 левых эсеров и 4 анархистов – среди них был и Шатов, – принимали в нём самое активное участие. Один из анархистов, рабочий Обуховского завода, снова и снова повторял знакомое требование «дела, а не слов», дел, которые «смахнут Капиталистов с лица земли, как навоз». Долго ждать не пришлось. 25 октября красногвардейцы, солдаты местного гарнизона и моряки из Кронштадта заняли узловые пункты в столице, нигде не встретив сопротивления, кроме как в Зимнем дворце, штаб-квартире Керенского и его министров. В резком контрасте с массовым восстанием в феврале этот переворот был совершен относительно небольшим количеством решительных личностей – по подсчетам Троцкого, «вряд ли их было больше, чем максимум 25 или 30 тысяч». Этот факт в немалой мере определил характер последовавших событий.

Октябрьская революция вызвала мощное возрождение революционного идеализма и веры в грядущее столетие. В день восстания Военно-революционный комитет выпустил торжественную прокламацию «К гражданам России»: «Дело, за которое народ вступил в бой – немедленное провозглашение демократического мира, лишение помещиков права владеть землей, рабочий контроль на производстве, создание правительства Советов, – это дело одержало победу. ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ РАБОЧИХ, СОЛДАТ И КРЕСТЬЯН!» Хотя анархисты разделяли всеобщее торжество, они в то же время были обеспокоены словами о правительстве Советов. Они помогали большевикам свергнуть правительство Керенского, слепо надеясь, что «творческие массы» не позволят какому-то новому правительству занять его место. Забыв предостережения Бакунина и Кропоткина по поводу политических переворотов, они приняли участие в захвате власти, полные уверенности, что, стоит захватить власть, она как-то сама собой рассеется и исчезнет. Но сейчас с провозглашением «правительства Советов» их старые страхи «диктатуры пролетариата» внезапно вернулись.

Первое потрясение постигло их на другой день после восстания, когда большевики создали Центральный Совет народных комиссаров (Совнарком), состоящий

мнение было опубликовано лишь спустя несколько лет после революции.

исключительно из членов их собственной партии. Анархисты немедленно возразили, доказывая, что такая концентрация политической власти может погубить социальную революцию; успех революции, настаивали они, зиждется на децентрализации политической и экономической власти. «Мы взываем к рабам, – на следующий день объявил «Голос труда», – уничтожить любую форму господства. Мы призываем их создавать свои собственные внепартийные рабочие организации, которые установят свободные союзы между собой в городах, деревнях, в губерниях и провинциях и будут помогать друг другу...» Советы, предупреждал журнал синдикалистов, должны оставаться децентрализованными организациями, свободными от партийных боссов и так называемых народных комиссаров. И если какая-то политическая группа попытается превратить их в инструмент насилия, народ должен быть готов снова взяться за оружие.

В анархистских кругах Петрограда скоро стали ходить глухие разговоры о «третьем и последнем этапе революции», о конечной схватке между «социал-демократической властью и творческим духом масс... между последователями марксизма и анархизма... между либертарианской и авторитарной системами». Кронштадтские моряки мрачно перешептывались, что, если новый Совнарком осмелится предать революцию, пушки, которые взяли Зимний дворец, столь же легко возьмут и Смольный (штаб-квартиру большевистского правительства). «Где начинается власть, – воскликнул «Голос труда», – там кончается революция!»

Всего лишь неделю спустя анархисты испытали еще одно потрясение. 2 ноября правительство Советов опубликовало «Декларацию прав народов России», которая подтверждала «неотъемлемое право» каждой национальности на самоопределение путем создания собственного государства. Для анархистов это был шаг назад, контрреволюционное отступление от интернационального идеала, не знающего государства. Редакция «Голоса труда» поторопилась предсказать, что Декларация скоро станет «ненужным бумажным памятником в истории великой русской революции!». Н.И. Павлов, анархо-синдикалистский лидер Московского союза пекарей, упрекнул большевиков в том, что они загрязнили чистоту революции своей политикой, и предложил следующий манифест как лекарство от «партийной слепоты» новых правителей России:

«Да здравствует неизбежная социальная революция!

Долой грызню политических партий!

Долой Учредительное собрание, где партии снова будут переругиваться из-за «взглядов», «программ», «лозунгов» – и из-за власти!

Да здравствуют советы на местах, заново организованные вокруг новой, поистине революционной, рабочей и непартийной линии!»

Обеспокоенные аппетитом к власти, проявляемым большевиками, анархисты меньше волновались из-за того, что новый режим вмешивается в автономию заводских комитетов или пытается подмять под себя рабочий контроль над производством. Особые причины для опасений были у анархо-коммунистов, потому что Ленин в преддверии Октябрьского восстания оспаривал их убеждение, что рабочие не должны ограничиваться только контролем, а захватывать все предприятие. «Ключ к этому вопросу, – писал Ленин в своей работе «Удержат ли большевики власть?», – будет лежать не в конфискации собственности капиталистов, а в общегосударственном

всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и их сторонниками. Одной конфискацией вы ничего не добьетесь, потому что в ней нет элементов организации, учета и распределения». В этом абзаце Ленин просто повторяет то, что он вкратце сказал после возвращения в Россию: рабочий контроль предполагает контроль со стороны советов, а не «смешной переход железной дороги в руки железнодорожников или кожевенного завода в руки кожевников», в результате чего наступит скорее анархия, а не социализм.

Если рабочая программа, разработанная большевиками сразу же после Октябрьского переворота, показалась анархо-коммунистам слишком мягкой, то у анархо-синдикалистов практически не было поводов для неудовольствия. И действительно, они могли испытывать приятное чувство удовлетворения, потому что в первом варианте декрета о рабочем контроле, написанном самим Лениным, сильно чувствовался дух синдикализма. Опубликованный 3 ноября, этот вариант обеспечивал появление рабочего контроля на всех предприятиях, где трудилось не менее пяти рабочих или выпускалось продукции не меньше чем на 10 000 рублей в год.

Фабричные комитеты, как инстанции, отвечающие за контроль, должны были получить доступ ко всей документации компании, ко всем запасам материалов, инструментов и продукции. Более того, решения комитета были обязательны для администрации. В конечной редакции декрет о рабочем контроле делал фабриком контрольным органом на каждом промышленном предприятии, хотя сам комитет нес ответственность перед местным советом рабочего контроля, который, в свою очередь, был подчинен Всероссийскому Совету рабочего контроля. Тем не менее на практике реальная власть принадлежала отдельному завкому, уделявшему скудное внимание новой иерархии контрольных органов. Рабочий комитет, как сообщил директору электрической фабрики «Урания» Петроградский совет фабричных комитетов, был «высшим хозяином на предприятии».

Эффект указа заключался в том, что он дал мощный толчок идее синдикализма, позволявшей рабочим контролировать ход производства на местах, а она граничила с полным хаосом. Перед Октябрем рабочий контроль при всей своей распространенности в общем играл пассивную роль наблюдателя; инстанции, которые в самом деле могли конфисковывать или реально вмешиваться в производство, были разбросаны, особенно в сравнении с бесчисленными случаями захвата земли крестьянами черноземных губерний. Тем не менее, получив официальное указание, рабочий контроль быстро собирался и активно принимался за дело.

Многие рабочие были убеждены, что новый декрет передает всю продукцию в их руки, и несколько месяцев после революции российский рабочий класс наслаждался свободой и чувством силы, уникальными для его истории. Но чем больше и больше рабочих тянулось за своими наследственными правами, тем стремительнее страна приближалась к экономической катастрофе. Издавая этот радикальный указ, Ленин, вне всяких сомнений, не предполагал, что он может настолько ухудшить и без то-

---

²⁵ Джон Мейнард в своей книге «Россия в движении» (Нью-Йорк, 1951) писал, что спустя несколько месяцев после Октябрьской революции всего лишь около одной пятой всех предприятий работало под руководством старых владельцев и управляющих. Все остальные были примерно поровну национализированы или переданы под рабочий контроль, что на практике мало чем отличалось друг от друга.

го трагическую ситуацию, но с тактической точки зрения он стремился укрепить преданность рабочих, обещая им быструю реализацию их утопии.

К концу 1917 года российская промышленность стремительно теряла эффективность управления^{25*}.

Делегация британских тред-юнионов, посетившая Россию в 1924 году, с характерной для англичан сдержанностью отмечала, что в 1917 году рабочий контроль «оказал очень плохое воздействие на производство». Рабочие, говорилось в отчете, буквально за сутки превратились в «новый коллектив акционеров». К сходным выводам пришел и большевистский комментатор в 1918 году: рабочие, писал он, сочли инструменты и оборудование «своей собственностью». Случаи грабежей и воровства стали довольно обычным делом. В.Х. Чемберлен приводил анекдот о рабочем, у которого спросили, что он будет делать, если станет директором завода. «Украду сто рублей и унесу ноги», – ответил он. Отдельные завкомы посылали в провинцию «толкачей» для закупок горючего и сырья, за что порой приходилось платить сумасшедшие цены. Часто следовали отказы делиться своими обильными запасами с другими предприятиями, остро нуждавшимися в них. На местах комитеты свободно, ни с чем не считаясь, поднимали зарплаты и цены и, случалось, привлекали к сотрудничеству владельцев в обмен на особые «бонусы».

Если делегация британских профсоюзов просто отметила, что рабочий контроль «оказал очень плохое воздействие» на производство, куда более живой и яркий отчет был представлен другим наблюдателем из Англии, репортером «Манчестер гардиан», который путешествовал по России в 1917–1918 годах.

«Не будет преувеличением сказать, что в течение ноября, декабря и большей части января промышленностью Северной России стала править анархия...

Не было никаких производственных планов. Для фабричных комитетов не было никаких авторитетов, которые могли бы определять направление развития. Они действовали исключительно по собственному усмотрению и пытались решать лишь те проблемы производства и распределения, которые казались наиболее существенными для данного места и ближайшего будущего. Порой для приобретения сырья продавались станки и инструменты. Заводы становились чем-то вроде анархистских коммун...»

В более откровенном признании известные российско-американские анархисты Эмма Голдман и Александр Беркман, посещавшие промышленные предприятия Петрограда в 1920 году (в декабре 1919 года их депортировали из Соединенных Штатов), отмечали, что табачная фабрика Лаферма находится в относительно приличном рабочем состоянии лишь потому, что «бывшие владелец и управляющий продолжают на ней работать».

Анархия на предприятиях была кошмаром не только для производственников, но и для многих интеллигентов и рабочих. Представители профсоюзов – и большевики и меньшевики – отстаивали государственный контроль над промышленностью. Профсоюзные ораторы осуждали фабричные комитеты за то, что они эгоистически заняты лишь проблемами своего предприятия, за их «фанатический патриотизм» по отношению к «своей хате». Они предупреждали, что «местная гордость» отдельных комитетов может вконец разрушить национальную экономику, в результате чего возникнет «то же самое раздробление, что и при капиталистической системе».

«Рабочий контроль, – писал рабочий лидер из большевиков в журнале металлистов, – это анархистская попытка создать социализм на одном предприятии. Но на самом деле он ведет к столкновению между самими рабочими, когда они отказывают друг другу в горячем, в металле и т. д.» Сходным образом союз печатников, в котором доминировали меньшевики, осудил «анархо-синдикалистские иллюзии» неквалифицированных и неопытных рабочих других производств, которые не видят дальше ворот своего предприятия. Анархо-синдикалисты из «Голоса труда» часто выслушивали обвинения в пропаганде ограниченности и «менталитете кустарничества», потому что они упорно отрицали центральную власть, и экономическую и политическую.

Если профсоюзы атаковали рабочий контроль справа, считая его иллюзией синдикалистов, то анархо-коммунисты осуждали его слева, как компромисс с капиталистической системой, и продолжали шумно требовать полной экспроприации заводов, шахт, портов, железных дорог в пользу рабочих на местах. Пока остаются рамки капитализма, писал Аполлон Карелин в «Буревестнике» (газете Петроградской федерации анархистов), рабочий будет оставаться рабочим, а хозяин –< хозяином, и, какие бы роли они ни играли в производстве продукции или распределении рабочего времени, это не изменит фундаментальных основ их отношений «хозяин и раб».

Тут требуются более решительные меры, заявлял «Буревестник». Необходимо полностью разрушить весь буржуазный мир и торжественно ввести совершенно новые формы труда, «корни которых кроются в свободе, а не в рабстве». Рабочие массы поддержат взметнувшееся черное знамя анархизма и выйдут на баррикады против нового правительства «каннибалов и людоедов». «Разоблачим ложь Учредительного собрания, эту чушь о «контроле над производством», все беды и опасности государственной централизации, – восклицал «Буревестник», – и призовем всех угнетенных к социальной революции». Ропот недовольства опять отчетливо был слышен в Екатеринославе, который в первые годы столетия был центром анархистского насилия. В декабре анархо-коммунисты распространили среди заводских рабочих города зажигательный манифест:

«Вы поднимали восстание не для того, чтобы кто-то сохранил свое благосостояние, не для того, чтобы производство контролировали не вы, а ваши враги – капиталисты. Или вы их сторожевые псы?

Все производство – рабочим!

Долой контроль социалистов!

Долой Учредительное собрание!

Долой все власти!

Долой частную собственность!

Да здравствует Анархистская коммуна и с ней Мир, Свобода, Равенство и Братство!»

Конечно, большевики не собирались одобрять случайные захваты предприятий. Не собирались они и неопределенное время терпеть рабочий контроль – даже в ограниченных рамках ведения бухгалтерии и инспекции ее. Ленин легализовал рабочий контроль, чтобы обеспечить надежную поддержку рабочего класса в условиях нестабильного режима, но вряд ли он собирался разрешить рабочим уничтожать экономику России и мешать процессу создания его нового правительства. Решитель-

но настроенный предотвратить новую «анархию производства», он предпринял ряд мер, целью которых было поставить рабочие комитеты под контроль государства и передать вопросы регулирования промышленности в руки центральной власти.

В виде своего первого шага Ленин 1 декабря создал Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), поручив ему задачу «разработать план регулирования экономической жизни страны». Новая организация включила в себя Всероссийский совет рабочего контроля и занялась планами общего управления национальной экономикой. Хотя напор синдикалистов не мог схлынуть за одни сутки – и действительно, на местах контроль рабочих комитетов процветал до лета 1918 года, – был сделан важный шаг для «огосударствления» руководства экономикой.

Но прежде чем передать руководство экономикой в руки государства, необходимо было ограничить необузданную свободу промышленных рабочих. Был выкинут официальный лозунг требования «железной дисциплины» на заводах, фабриках и в шахтах. Профсоюзы, которым до сих пор Ленин отводил подчиненную роль в заводских комитетах, были избраны, чтобы навести порядок в хаосе пролетарского мира. Об этой миссии профсоюзов уже раньше пророчествовал анархо-синдикалист из Одессы (Пиотровский) – они «поглотят» фабричные комитеты и превратят рабочий контроль в контроль государства.

Решительные меры для введения в «государственные рамки» рабочего движения в России были предприняты на I Всероссийском съезде профсоюзов, который проходил в Петрограде с 7 по 14 января 1918 года, сразу же после разгона Учредительного собрания. Из 416 делегатов с правом голоса, представлявших 2 500 000 членов профсоюза, большевикам принадлежало большинство, 216 голосов, не считая 21 левого эсера, которые голосовали в унисон с ними. У меньшевиков было 66 делегатов, а у анархо-синдикалистов, которые в массе своей избегали участия в профсоюзах, отдавая предпочтение заводским комитетам, – всего 6^{26*}. Среди оставшихся делегатов было 10 правых эсеров, 6 максималистов и 34 беспартийных рабочих.

В центре всех дискуссий на съезде стоял вопрос о характере российской революции. В своем длинном обращении Мартов изложил точку зрения меньшевиков: в России произошла «буржуазно-демократическая революция», в которой отсутствуют «основные условия для достижения социализма». Его коллега Черевянин развил эту тему на последующем заседании съезда. Россия – довольно отсталая страна, заявил он, а «чем более отстала страна, тем менее она с марксистской точки зрения готова к переходу к социализму». Черевянин отметил, что в этом вопросе и во многих других его партия и анархо-синдикалисты придерживаются диаметрально противоположных точек зрения. Хорошо известный ученый-марксист Д. В. Рязанов, несмотря на то что недавно перешел к большевикам, сообщил, что в этом вопросе он полностью согласен с меньшевиками. Его заявление «мы еще не достигли предварительных условий для социализма» было встречено аплодисментами справа и из центра. Ведь в любом случае социализма невозможно добиться «за сутки», – повторил Рязанов фразу из ленинской работы «Государство и революция»^{27*}.

²⁶ Анархо-синдикалисты пользовались влиянием в союзах пекарей, речников, докеров и портовых рабочих, у шахтеров Донца, среди работников пищевой промышленности, почтовиков и телеграфистов и – в меньшей степени – среди металлистов, текстильщиков и железнодорожников

²⁷ Ленин, цитируя фразу Энгельса из «Анти-Дюринга», обвинил анархистов в наивном желании

Меньшевики присоединились к большевикам, осуждая анархистов за их преждевременные старания добиться бесклассового общества. Большевик-профсоюзник Лозовский заявил, что, настаивая на «промышленном федерализме», анархо-синдикалисты на самом деле пустились в «идиллические» поиски «синей птицы счастья», в то время как реалистическая оценка положения дел на фабриках и заводах указывает, что России требуется «централизация рабочего контроля», согласованного с генеральным планом. Делегаты от меньшевиков осуждали тот факт, что «анархистская волна» в виде заводских комитетов и рабочего контроля «захлестнула наше российское рабочее движение». Присоединяясь к этим критическим высказываниям, Рязанов посоветовал фабричным комитетам «совершить самоубийство», став «неотъемлемыми элементами» структуры профсоюзов.

Полдюжины делегатов от анархо-синдикалистов вели безнадежную борьбу за сохранение автономии комитетов. Это «абсурд», восклицал Георгий Максимов, считая, что Россия находится на буржуазной стадии революционного развития. Благодаря фабричным комитетам капитализм, как и самодержавие, «схвачен за горло». А революция «расчистила путь к осуществлению последней задачи, когда пролетариат будет полностью свободен, когда не будет ни стенаний, ни неравенства». Максимов утверждал, что он вместе со своими соратниками анархо-синдикалистами являются «лучшими марксистами», чем меньшевики или большевики. Заявление Это вызвало большое волнение в зале. Он, без сомнения, вспомнил призыв Маркса к освобождению рабочего класса силами самого рабочего класса, к перманентной революции, которая заменит государство либертарианским обществом, моделью для которого послужила Парижская коммуна.

Возбуждение на съезде достигло апогея, когда Билл Шатов охарактеризовал профсоюзы как «живые трупы» и призвал рабочий класс «организовываться на местах и создавать свободную новую Россию, без Бога, без царя и без начальников в профсоюзах»^{28*}.

Когда Рязанов выразил протест против клеветы Шатова в адрес профсоюзов, на защиту своего товарища поднялся Максимов, отвергнув возражения Рязанова, как слова белоручки, интеллигента, который никогда не работал, никогда не обливался потом, никогда не знал жизни. Другой делегат из анархо-синдикалистов Лаптев напомнил собравшимся, что революция делалась «не только интеллигентами, но и массами»; таким образом, России необходимо «слушать голос трудящихся масс, голос снизу...».

Однако лидеры большевиков сочли, что слушать эти деструктивные голоса снизу больше не имеет смысла. По их убеждению, пришло время предстать сторонниками государственного контроля в промышленности, общего экономического плана и общегосударственной системы профсоюзов. В течение весны и лета с целью свержения Временного правительства Ленин объединился с силами анархистов – особенно с анархо-синдикалистами, – поддерживая заводские комитеты и рабочий контроль,

---

«за одну ночь» избавиться от государства.

²⁸ Сходным образом на I съезде фабричных комитетов и профсоюзов текстильщиков, который состоялся в январе, некий делегат (скорее всего, анархист) заговорил о «мертвых профсоюзах» и заявил, что «невозможно все время иметь дело с централизованной организацией». Лозовский заметил, что анархо-синдикалисты «создали целую теорию о смерти профсоюзов».

чтобы успешнее отстаивать свои интересы. Теперь, когда большевистская революция достигла своей цели, он отвернулся от этих сил разрушения ради централизации и порядка, соглашаясь с профсоюзными защитниками госконтроля.

Соответственно I съезд профсоюзов, на котором большевики пользовались подавляющим преимуществом, проголосовал за превращение заводских комитетов в первичные профсоюзные ячейки. Тем не менее большевикам при всем их лидерстве пришлось разделить компанию с теми активистами профсоюзов, которые требовали, чтобы профсоюзы продолжали оставаться организациями нейтральными, то есть чтобы профсоюзы существовали независимо от государства. Теперь же нейтральность профсоюзов получила ярлычок «буржуазной» идеи, аномалии для государства рабочих.

Когда профсоюзы стали частью государства и состоялось превращение фабричных комитетов в первичные профсоюзные ячейки (пусть на первых порах только на бумаге), комитеты стали «государственными организациями», как и мечтал Ленин. Более того, съезд подчеркнул, что рабочий контроль на местах означает не «переход предприятия в руки рабочих», а «неразрывную связь с общей системой регулирования», работающей в соответствии со всеобъемлющим экономическим планом. Целью профсоюзов стала «централизация рабочего контроля». По сути, рабочим комитетам было приказано совершить самоубийство – как и предполагал Рязанов, – прыгнув в пасть профсоюзного аппарата. Сбылось мрачное пророчество Пиотровского, что профсоюзы «поглотят» рабочие комитеты, которые и породили их.

Хотя и обескураженные таким поворотом дел, анархисты тем не менее не сочли себя проигравшими, не прекратили собственные поиски золотого века. Их самые жесткие обвинения в том, что большевики стали кастой корыстных интеллигентов, предавших массы, звучали громче, чем обычно. Анархисты настойчиво утверждали, что именно массы (как и говорил Лаптев на 1 съезде) были главной движущей силой революции, а Ленин и его партия пришли к власти, просто успев оседлать мощную революционную волну, поднявшуюся снизу.

Это был вопль возмущенных идеалистов, опасавшихся, что из их рук вырвут идеальное общество. В их протестах действительно было рациональное зерно истины. Большевики горели желанием не столько сделать революцию, сколько проложить каналы для утверждения коммунизма или, как двадцать лет спустя писал Максимов, сделать «прокрустово ложе марксизма». Из ряда вон выходящие достижения большевиков состояли в умении отслеживать элементарное стремление российских масс к революционному хаосу и утопии.

Глава 7. АНАРХИСТЫ И РЕЖИМ БОЛЬШЕВИКОВ

Смотрят ли люди на Небо полными счастья глазами, опасаются ли ада после смерти, в любом случае они смущены, поскольку им кажется, что видят они совсем не то, что им обещано при рождении.

Жерар Уинстенли

С самого своего рождения, имевшего место на сломе веков, русское анархистское движение – если столь беспорядочное и неорганизованное явление в самом деле

могло называться движением – было поражено резкими и злобными внутренними спорами о доктринах и тактике. Все старания добиться единства были тщетны. Может, это было неизбежно, ибо анархисты по своей натуре являлись неисправимыми нонконформистами, упорно сопротивлявшимся организационной дисциплине. Похоже, они были обречены оставаться в таком раздробленном состоянии – сборище отдельных личностей и группок: синдикалистов и террористов, пацифистов и активистов, идеалистов и авантюристов.

Фракционные раздоры были обязаны главным образом спаду русского анархизма, последовавшему вслед за революцией 1905 года, а во время Первой мировой войны едва не приведшему к окончательному краху движения. Тем не менее в 1917 году многие лидеры анархизма высказали решительное намерение покончить с прошлыми ссорами. Хотя им пришлось иметь дело с серьезными препятствиями, коренившимися в анархистском символе веры, они все же решили отбросить все, что их разделяло, и сплотиться под знаменем коммунизма, не знаящего, что такое государство. Такие их амбиции подкреплялись стремительным появлением и бурным ростом анархистских федераций едва ли не в каждом большом российском городе, от Одессы до Владивостока. И если сотрудничество достижимо на местном уровне, почему не установить его и в национальном масштабе?

Первый шаг к объединению был предпринят в июле 1917 года, когда для созыва Всероссийской конференции было организовано анархистское информационное бюро. Ближе к концу месяца в Харькове собрались представители дюжины городов и в течение пяти дней обсуждали такие жизненно важные темы, как роль анархизма в деятельности фабричных комитетов и профсоюзов и способы плавного превращения империалистической войны во всемирную социалистическую революцию. Перед тем как разехаться, делегаты возложили на информационное бюро задачу созыва Всероссийского съезда.

Чтобы выяснить размах и силу движения, а также определить уровень интереса к столь представительному собранию, информационное бюро разослало вопросники по анархистским организациям всей страны. Множество ответов, вскоре пришедших в Харьков, давали представление об ошеломляющей поддержке такого съезда и о том, что подобный форум должен состояться как можно скорее. Каждый ответ включал краткое описание анархистских кружков конкретного региона, размах их деятельности и в некоторых случаях – список их публикаций. Таким образом была получена ценная характеристика всего движения. Во многих местах существовали три разновидности анархистских организаций: анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и индивидуальные анархисты. В маленьких городках анархисты часто не проводили явного различия между анархо-коммунизмом и анархо-синдикализмом – и тот и другой существовали в рамках единой Федерации анархистов или анархистов-коммунистов-синдикалистов. Тут и там группы толстовцев призывали к непротивлению злу насилем и, хотя у них была очень слабая связь с революционными анархистами, чувствовалось их моральное воздействие на движение. Что же до индивидуалистов, некоторые были настроены весьма мирно, а другие призывали к насилию, но все как один они отрицали и территориальные коммуны анархо-коммунистов, и рабочие организации анархо-синдикалистов. Они считали, что только неорганизованные анархисты-индивидуалисты свободны от всяческого принуждения и

давления, что и позволяет им хранить верность идеалам анархизма. Черпая указания у Ницше и Штирнера, они превозносили «эго» и его волю, а в некоторых случаях демонстрировали чисто аристократический стиль мышления и действий^{29*}.

Анархо-индивидуалистов привлекало богемное окружение художников и артистов, где случались и бандиты, что вели жизнь одиноких волков. Их одержимое стремление к чисто индивидуальной свободе обретало форму то философского солипсизма, то очертания более активного революционного героизма или же откровенного бандитизма, в котором последнюю точку ставила смерть, поскольку позволяла окончательно ускользнуть от жестких уз организованного общества.

В конце 1917 – начале 1918 года анархистские публикации сообщали, что Всероссийский конгресс неминуем, но пагубные разногласия в движении снова дали о себе знать, и ожидаемая встреча так и не состоялась. Самым многочисленным из всех возможных съездов стала конференция анархистов Донецкого бассейна, которые встретились 25 декабря 1917 года в Харькове и продолжили свои заседания 14 февраля 1918 года в Екатеринославе. Конференция основала еженедельное издание «Голос анархиста» и избрала Бюро анархистов Донецкого бассейна, которое финансировало в Южной России лекции таких известных личностей, как Иуда Рошин, Николай Рогдаев и Петр Аршинов. Позже, в 1918 году, анархо-синдикалисты все же провели две всероссийские конференции в Москве. Всероссийский конгресс анархо-коммунистов собрался позднее там же, но общенациональный конгресс, которому предстояло объединить два основных крыла движения, не говоря уж о более мелких группах, так никогда и не состоялся.

Петроградская федерация анархистских групп, объединяющая множество кружков и клубов анархо-коммунистов, действовавших в столице и вокруг нее, была самой заметной организацией городского масштаба из тех, которые появились в России в течение 1917 года. К ноябрю, через семь месяцев после создания федерации, у ежедневной газеты («Буревестник») было более 25 000 читателей, проживавших в основном на Выборгской стороне, в Кронштадте и в рабочих пригородах Обухове и Колпино^{30*}. Продолжая политику, начатую «Коммуной» и «Свободной коммуной», «Буревестник» призывал бездомных и нищих захватывать резиденции и настойчиво требовал экспроприации частной собственности. (Блейхман, который писал под псевдонимом Н. Солнцев, неустанно защищал конфискацию домов и заводов.)

Издатели решительно отказались от призывов к «социальной революции», когда большевики захватили власть; фактически Парижская коммуна, когда-то признанная идеальной формой общества, чтобы заменить собой Временное правительство, сейчас стала ответом «Буревестника» диктатуре Ленина. Рабочим Петрограда говорилось, чтобы они отвергали «слова, приказы и декреты комиссаров» и создавали свои собственные коммуны по образцу 1871 года. В то же время газета с неменьшим

---

²⁹ «Ницше, – писала Эмма Голдман, – был не социальным теоретиком, а поэтом, мятежником и новатором. Его аристократичность происходила не от рождения, не от мощны, она шла из глубин духа. В этом смысле Ницше был анархистом, и все подлинные анархисты были аристократами»

³⁰ Из них не более нескольких тысяч в самом деле считали себя анархистами, остальные были радикалами самой разной расцветки. В 1917–1918 годах общее число активных анархистов в России (исключая толстовцев и крестьянское движение Махно на Украине) было около или более 10 000 человек, к которым примыкало много тысяч сочувствующих.

презрением относилась к «парламентскому фетишизму» кадетов (конституционных демократов), эсеров и меньшевиков и радостно приветствовала разгон Учредительного собрания в январе 1918 года, посчитав его большим шагом к тысячелетию анархизма.

В рамках Петроградской федерации анархистских групп бок о бок свободно существовали две группы, возглавляемые людьми совершенно разного темперамента, которые оказывали сильное влияние на остальных и почти монополизировали страницы «Буревестника». Во главе первой был Аполлон Андреевич Карелин (который часто писал под псевдонимом Кочегаров), интеллеktуал, известный своей гуманностью и эрудицией, «блистательный старик», как описал его Виктор Серж. Его бородастая физиономия в очках напоминала доброго и умного князя Кропоткина. Один из его соратников Иван Хархардин удачно сравнил его с «библейским патриархом».

Карелин родился в Петрограде в 1863 году, он был сыном художника аристократического происхождения и школьной учительницы, которая находилась в родстве с Лермонтовым. Ребенком он оказался в Нижнем Новгороде, где и получил гимназическое образование. В 1881 году, когда Александр II пал жертвой «Народной воли», Карелин, которому к тому времени минуло восемнадцать, был арестован как участник радикального студенческого движения и отправлен в Петропавловскую крепость в Петербурге. Он был освобожден, когда его родители обратились с прошением о помиловании, и получил разрешение изучать право в Казанском университете. Тем не менее он снова вступил в кружок народников и занялся нелегальной пропагандистской деятельностью, которая обрекла его на долгий период «тюрем и ссылок, ссылок и тюрем», говоря словами одного из его будущих учеников А. Солоновича.

В 1905 году Карелин совершил побег из Сибири, и двенадцать лет между двумя русскими революциями провел в Париже. Здесь он создал кружок анархистов из русских эмигрантов, известный как «Братство свободных коммунистов», который издавал анархистскую литературу, организовывал лекции и семинары и привлекал новых сторонников (среди них был и Волин, будущий лидер анархо-синдикалистов). Вернувшись в Петроград в августе 1917 года, Карелин скоро обзавелся широким кругом сторонников среди анархо-коммунистов столицы.

Большую часть энергии он отдавал если не оригинальному, то трезвому анализу политических и экономических вопросов. В сжатом и сдержанном стиле выражал точку зрения анархо-коммунистов на рабочий контроль и писал многочисленные статьи и памфлеты, в которых нападал на парламент и правительство России. На встречах в залах и рабочих клубах Петрограда Карелин читал лекции на такие темы – «Как труженикам организовать жизнь без властей или парламентов». Его брошюра по аграрному вопросу, опубликованная в Лондоне в 1912 году, очень близкая по духу взглядам Кропоткина на территориальные коммуны, продолжала пользоваться широкой известностью, как краткое, но исчерпывающее изложение позиции анархо-коммунистов по вопросу земельного права. По Карелину, первым шагом должно стать распределение земли между всеми, кто в состоянии обрабатывать ее. Это была часть из земельной программы эсеров, которую позаимствовал и Ленин, когда в ноябре 1917 года осуществил передачу земли от помещиков, церкви и короны в ведение крестьянских комитетов. Тем не менее декрет большевиков от февраля 1918

года, которым объявлялась национализация всей земли, вступил в фундаментальное противоречие с конечной целью, как видел ее Карелин, а именно: федерация автономных коммун, в которой вообще не существовало понятия владения – частного или государственного, – а члены коммуны получали все необходимое в соответствии со своими потребностями. Если Карелин являлся наследником умеренной анархо-коммунистической традиции кропоткинской группы «Хлеб и воля», то лидеры второй влиятельной фракции в Петроградской федерации, братья А.Л. и В.Л. Гордины, были последователями ультрарадикальной группы «Безначалие». Выбор этого определения для названия их периодического издания, которое они краткое время выпускали в свет в 1917 году, был весьма удачен; и по стилю, и по темпераменту публикаций Гордины прямо наследовали Бидбею и Ростовцеву, представляли ту страстную и сумбурную разновидность русского анархизма, отцом которой считался Бакунин. Их поверхностные, но яркие работы, которые они публиковали в большом количестве, были отмечены антиинтеллектуализмом, несравнимым даже с обличениями их предшественников. Взять, например, прокламацию, напечатанную в начале 1918 года большими буквами на первой странице «Буревестника»: «НЕГРАМОТНЫЕ! УНИЧТОЖАЙТЕ ЭТУ ГНУСНУЮ КУЛЬТУРУ, КОТОРАЯ РАЗДЕЛЯЕТ ЛЮДЕЙ НА «НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ» И «УЧЕНЫХ». ВАС ДЕРЖАТ В ТЕМНОТЕ. ВАМ ВЫКАЛЫВАЮТ ГЛАЗА. И В ЭТОЙ ТЕМНОТЕ, В НОЧНОЙ ТЕМНОТЕ КУЛЬТУРЫ ОНИ ГРАБЯТ ВАС.

Практически не было ни одного дня без таких тирад братьев Гординых. Они неумолимо продолжали отрицать современную европейскую культуру. Неологизмы, украшавшие их статьи и памфлеты, были образцами нового языка, который предполагалось создать для нужд нового постбуржуазного мира будущего. Бурный характер их писаний вынуждал поверить ехидному наблюдению современного марксистского исследователя, что Гордины страдали острой формой графомании. Их поэмы и манифесты требовали углубленного прочтения, но порой в этом потоке слов встречались отдельные вспышки озарения.

В 1917 году братья Гордины основали общество анархо-коммунистов, которое они назвали Союз пяти угнетенных, с отделениями в Москве и Петрограде. «Пять угнетенных» – это были те категории рода людского, больше всего страдавшие под игом западной цивилизации: «скитальцы-рабочие», национальные меньшинства, женщины, молодежь и личности-индивидуальности. Ответственность за их страдания возлагалась на пять базовых институтов – государство, капитализм, колониализм, школу и семью. Гордины разработали философскую систему, которую назвали пананархизм. Она предписывала пять лекарств для пяти губительных институций, которые мучили пять угнетенных элементов современного общества. Лекарства для государства и капитализма были достаточно просты – коммунизм и ликвидация государства; а вот для оставшихся трех угнетателей противоядия были куда более новыми: космизм (полное устранение преследования по национальным мотивам), гинеантропизм (обучение и гуманизация отношения к женщинам) и педизм (освобождение молодежи от пороков рабского обучения).

В основе пананархистского символа веры лежал антиинтеллектуализм. Позаимствовав такой подход у Бакунина, братья Гордины направили свой критицизм на чтение книг, на это «дьявольское оружие», с помощью которого образованное мень-

шинство господствует над неграмотными массами. С помощью принципа бритвы Оккама они априори отбрасывали все теории и абстракции, особенно в религии и науке. Религия была «плодом фантазии», наука – «плодом интеллекта», – обе являлись мифическими изобретениями человеческого мозга: «Правила неба и правила природы – ангелы, души, дьяволы, молекулы, атомы, эфир, законы Господа Небесного и законы природы, силы, влияние одного тела на другое – все это выдуманно, сформировано, создано обществом».

Гордины хотели освободить творческий дух человека от оков догмы. Для них наука, под которой ими подразумевались все рациональные системы, естественные, а также социальные науки, представляла собой новую религию среднего класса. Величайшей ошибкой из всех была марксистская теория диалектического материализма. «Марксизм, – утверждали они, – это новое научное христианство, предназначенное для завоевания мира буржуазии путем обмана народа, пролетариата точно так же, как христианство обманывало мир феодализма». Маркс и Энгельс были «магами научной социалистической черной магии».

Несмотря на близкую угрозу марксизма, братья Гордины с горячим оптимизмом смотрели в будущее. «Боги Европы погибли», – писали они, имея в виду, что те стали жертвами «борьбы между двух культур». Религия и наука, слабые и вышедшие из моды, отступают перед новыми энергичными силами труда и техники. «Культура Европы гибнет, религия и наука исчезают с лица земли, и править землей будут только Анархия и Техника»^{31*}.

Убежденные, что чтение традиционных книг, используемое правящими классами для угнетения трудящихся масс, совершенно ни к чему, Гордины советовали матерям перестать отправлять своих детей в церковь или в университеты. Скоро появится новый тип образования, отвращающий детей всего мира от «жалкого интеллекта белоручек и от преступной дегуманизации». Мальчикам и девочкам больше не придется изучать законы природы и общества по книгам. Они будут получать «пантехническое» образование с упором на изобретательность, практические навыки, техническую сметку и мускульную силу, а не на мощь абстрактного мышления. Впереди великая цель, заявляли Гордины, – не теоретизировать, а создавать, не просто мечтать об утопии, а строить ее своими руками. В этом и состоит задача пяти угнетенных – «Освобождение угнетенных – дело рук самих угнетенных».

В марте 1918 года, когда большевики перенесли место пребывания правительства подальше от уязвимого «окна в Европу», прорубленного Петром I, обратно в леса старой Московии, ведущие анархисты Петрограда, не теряя времени, переправили свои штаб-квартиры в новую столицу. Москва, где теперь сфокусировались все свершения революции, быстро стала центром анархистского движения. Анархо-синдикалисты немедленно начали печатать в Москве «Голос труда», а орган анархо-коммунистов «Буревестник», который еще несколько месяцев продолжал появляться в Петрограде (он был окончательно закрыт в мае), вскоре обрел место в «Анархии», ежедневной газете Московской федерации анархистских групп. Прошло не так много времени, и

---

³¹ Сходная декларация (скорее всего, написанная Гординами) была принята Северным региональным конгрессом анархистов, который состоялся в Брянске в августе 1918 года: «Религия и наука – это культура угнетателей; техника и труд – культура угнетенных»

Московская федерация заняла место своих конкурентов из Петрограда, как ведущая организация анархо-коммунистов страны.

Созданная в марте 1917 года, Московская федерация устроила свою штаб-квартиру в старом Купеческом клубе, который на волне Февральской революции был конфискован отрядом анархистов и получил новое название – Дом анархии. Большинство членов федерации составляли анархо-коммунисты, среди которых изредка встречались синдикалисты и индивидуалисты. Весной 1918 года самыми заметными членами федерации кроме Аполлона Карелина и братьев Гординых (они перебрались в Москву из Петрограда) были Герман Аскарков (в годы после революции 1905 года он был самым острым полемистом из числа анархо-синдикалистов и под именем Оскара Буррита издавал эмигрантский журнал «Анархист»), Алексей Боровой, профессор философии Московского университета, одаренный оратор и автор множества книг, брошюр и статей, которые пытались примирить анархизм индивидуалистов с доктриной синдикализма, Владимир Бармаш, опытный агроном и ведущий участник анархистского движения во время революции 1905 года, который приобрел большую известность тем, что в 1906 году ранил окружного прокурора, а два года спустя совершил побег из московской Таганской тюрьмы. Среди них был и Лев Черный (П.Д. Турчанинов), известный поэт, сын армейского полковника и сторонник варианта анархо-индивидуализма, известного как «ассоциативный анархизм» – доктрина, почерпнутая главным образом у Штирнера и Ницше, призывавших к свободной ассоциации независимых индивидуальностей. Черный служил секретарем федерации, а Аскарков был главным редактором ее органа «Анархия». Федерация посвящала свою энергию главным образом распространению анархистской пропаганды среди беднейших классов Москвы. В клубах, возникших в промышленных районах Пресни, Лефортове, Сокольниках и Замоскворечье, Аполлон Карелин и Абба Гордин вели оживленные дискуссии среди рабочих. В общем и целом федерация теперь избегала «экссов», если не считать захватов частных домов, самым громогласным защитником которых был Лев Черный.

В течение первых месяцев 1918 года анархисты Москвы и других городов вели критический обстрел главным образом правительства Советов. Даже после Октябрьской революции они быстро определили объекты для недовольства: создание Совета народных комиссаров (Совнаркома), «националистическая» Декларация прав народов России, появление Чека, национализация банков и земли, подчинение фабричных комитетов – короче, возвышение «комиссарократии, рака нашего времени», как ехидно выразилась Ассоциация анархо-коммунистов Харькова.

По словам анонимной анархистской брошюры того периода, концентрация власти в руках Совнаркома, Чека и ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) положила конец всем надеждам на свободную Россию: «Большевизм день за днем и шаг за шагом доказывал, что государственная власть обладает неизменными характеристиками; она может менять свое название, свои «теории», своих прислужников, но суть ее остается – власть и деспотизм в новых формах».

Анархо-коммунисты из Екатеринослава вспомнили слова «Интернационала» о том, что народу не даст освобождения «ни Бог, ни царь и ни герой»; они призывали массы к самоосвобождению, заменив диктатуру большевиков новым обществом «на основе равенства и свободного труда».

Точно так же в сибирском городе Томске анархисты призывали к устранению в России новой «иерархии» тиранов и организации бесклассового общества на основе «инициативы снизу». «Рабочий народ! – восклицал журнал анархо-коммунистов во Владивостоке. – Верь только в себя и в свои организованные силы!»

Реакция анархо-синдикалистов на новый режим была столь же резкой. В группе «Голос труда» Волин осудил большевиков за то, что они поставили промышленность под контроль государства. Максимов пошел еще дальше, объявив, что теперь невозможно поддерживать Советы с чистой совестью. Лозунг «Вся власть Советам!», объяснил он, хотя анархисты никогда полностью его не принимали, все же был «прогрессивным» призывом к действию перед Октябрьским восстанием; в то время большевики, не в пример «оборонцам» и «оппортунистам», разлагавшим лагерь социалистов, представляли собой революционную силу. Но после Октябрьского переворота, продолжал Максимов, Ленин и его партия отказались от своей революционной роли ради того, чтобы стать политическими боссами, и превратили Советы в хранилища государственной власти. Пока Советы служат властям, приходил он к выводу, каждый анархист несет обязанность бороться с ними.

Поток поношений со страниц анархистской прессы достиг апогея в феврале 1918 года, когда большевики возобновили мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске. Анархисты объединились с другими левыми «интернационалистами» – левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами, левыми коммунистами, – чтобы протестовать против любых соглашений с германским «империализмом». На возражения Ленина, что русская армия слишком слаба и измотана, чтобы продолжать воевать, анархисты отвечали, что профессиональные армии в любом случае никуда не годятся и что теперь защита революции – задача народных масс, организованных в партизанские отряды. 23 февраля на совещании в ЦИК Советов Александр Ге, лидер фракции анархо-коммунистов, яростно выступил против заключения мирного договора: «Анархо-коммунисты объявляют террор и войну на два фронта. Лучше умереть за всемирную социалистическую революцию, чем жить в результате соглашения с германским империализмом»^{32*}. И анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты доказывали, что партизанские отряды, которые сразу же возникнут на местах, выведут из строя и деморализуют захватчиков и в конечном итоге уничтожат их, как в 1812 году была уничтожена армия Наполеона. В конце февраля Волин в «Голосе труда» живо описал эту стратегию: «Основная цель – продержаться. Оказать сопротивление. Не сдаваться. Бороться. Вести неустанную партизанскую войну – здесь, там и повсюду. Идти вперед. Или отступать и гибнуть. Мучить, терзать врага, нападать на него». Но призывы Волина и Ге были обращены к глухим: 3 марта делегация большевиков подписала Брест-Литовский мирный договор.

Его условия оказались еще жестче, чем опасались анархисты. Россия уступила Германии более четверти своих пахотных земель со всем их населением и три четверти металлургической и сталеплавильной промышленности. Ленин настаивал на том, что соглашение, несмотря на его жесткие условия, обеспечивало насущную

---

³² Во время войны Ге был убежденным «интернационалистом» и убежденным критиком «оборонцев». До приезда в Москву он входил во фракцию карелинцев в Петроградской федерации анархистов и часто печатался в «Буревестнике».

необходимость перевести дыхание и позволяло его партии консолидировать силы революции и вести их вперед. Тем не менее для возмущенных анархистов договор был унижительной капитуляцией перед силами реакции, предательством всемирной революции. Это был в самом деле «похабный мир», говорили они, повторяя слова самого Ленина. Уплатить такую цену территорией, населением и ресурсами, утверждал Волин, было «позорным действием». На IV съезде Советов, который собрался 14 марта, чтобы ратифицировать договор, Александр Ге и его товарищи (всего их было 14 человек) голосовали против.

Спор из-за Брест-Литовского договора внес ясность в процесс растущего охлаждения отношений между анархистами и партией большевиков. После свержения Временного правительства в октябре 1917 года их брак по расчету достиг своей цели. К весне 1918 года подавляющее большинство анархистов потеряли все иллюзии по поводу Ленина и искали возможности окончательного разрыва с ним, в то время как большевики со своей стороны обдумывали, как подавить своих недавних союзников, в которых уже не было никакой необходимости и чей непрерывный критицизм раздражал новый режим так, что он не мог его больше терпеть.

И больше того – анархисты, продолжая свои оскорбительные выпады, начали представлять более серьезную опасность. Частично в порядке подготовки к неизбежной партизанской войне против немцев, а частично в виде ответа на враждебные действия советского правительства местные клубы Московской федерации анархистов занялись организацией отрядов Черной гвардии (черное знамя было эмблемой анархистов) и вооружением их – ружьями, пистолетами и гранатами. Из своей штаб-квартиры в Доме анархии лидеры федерации старались внушить черногвардейцам хоть какое-то представление о дисциплине, ограничить активность местных клубов в их пропагандистской деятельности и в «реквизиции» частных резиденций.

Выяснилось, что задача эта не выполнима. Получив в руки оружие, и сами группы, и отдельные личности не смогли противостоять искушению проводить «экспроприации» и порой, не думая о последствиях, выступали от имени федерации. 16 марта федерация была вынуждена выпустить публичное опровержение «экса», совершенного под ее знаменем. «Московская федерация анархистских групп, – гласил текст на первой странице «Анархии», – заявляет, что никогда не разрешала никаких захватов с личными целями и тем более с целями личной наживы и что она предпримет любые необходимые шаги для пресечения таких проявлений буржуазного духа». На следующий день, в сдержанном признании, что члены Черной гвардии в самом деле были виновны в незаконных действиях, «Анархия» запретила всем черногвардейцам решать какие-либо задачи без письменного приказа, подписанного тремя членами штаба Черной гвардии и без сопровождения члена штаба.

После упорной кампании анархистов против договора в Брест-Литовске последней соломинкой для них осталось создание вооруженных отрядов и уход в подполье. Руководство большевиков решило действовать. Необходимый предлог был найден 9 апреля, когда группа московских анархистов угнала автомобиль, принадлежащий

---

³³ В январе 1918 года петроградские анархисты нанесли урон отношениям с Соединенными Штатами, угрожая причинить вред послу Дэвиду Френсису, если Соединенные Штаты не освободят Тома Муни (несправедливо приговоренного за инцидент со взрывом бомбы в Сан-Франциско) и Александра Беркмана (арестованного в Нью-Йорке за агитацию против закона о призыве в армию).

полковнику Реймонду Роббинсу, представителю американского Красного Креста, который с полной ответственностью осуществлял контакты с правительством Соединенных Штатов^{33*}.

Троцкий признавал, что некоторые большевики испытывали большое нежелание подавлять анархистов, которые помогали, «когда пришел час нашей революции». Тем не менее в ночь с 11 на 12 апреля вооруженные отряды Чeka совершили налеты на 26 анархистских центров столицы. Большинство анархистов сдались без боя, но в Донском монастыре и в самом Дoме анархии чернoгвардейцы оказали яростное сопротивление. Более 10 агентов Чeka погибли в этих схватках, примерно 40 анархистов были убиты или ранены и более 500 взяты в плен.

Во время этих налетов выпуск «Анархии» был временно прекращен правительством. Тем не менее в Петрограде «Буревестник» резко осудил большевиков за переход в лагерь «главарей «черной сотни» и контрреволюционной буржуазии»: «Вы Каины. Вы убивали ваших братьев. Вы и Иуды, предатели. Ленин возводит свой октябрьский трон на наших костях. Теперь он отдыхает и «переводит дыхание» на наших мертвых телах, на трупах анархистов. Вы скажете, что анархисты разгромлены. Но это всего лишь наши июльские дни, с 3-го по 6-е. Наш Октябрь еще впереди».

Когда Александр Те высказал протест на заседании Центрального исполнительного комитета, большевистские коллеги заверили его, что шли аресты только уголовных элементов, а не «идейных» анархистов. Вскоре Чeka провела аналогичные аресты в Петрограде – одним из задержанных оказался Блейхман, несмотря на его членство в Петроградском Совете, – и провела такие же налеты в провинциях^{34*}.

В мае «Буревестник», «Анархия», «Голос труда» и другие ведущие анархистские издания, были закрыты, в большинстве случаев навсегда.

Период для того, чтобы перевести дыхание, который Ленин выиграл в Брест-Литовске, оказался слишком кратким. К лету правительство большевиков было ввергнуто в борьбу не на жизнь, а на смерть со своими врагами, как зарубежными, так и отечественными. И если еще были какие-то остатки закона и порядка, то после двух революций в 1917 году с ними было покончено. Во всех уголках страны поднял голову терроризм. Радикальные эсеры начали устрашающую кампанию против видных государственных деятелей, точно так же, как во времена Николая II. (Как бы по контрасту раньше анархисты избирали целями для своих бомб и револьверов цели меньшего масштаба – полицейских, окружных прокуроров, казачьих и армейских офицеров, владельцев заводов и т. д.) В июне 1918 года эсеровский террорист в Петрограде убил Володарского, высокопоставленного большевика. В следующем месяце два левых эсера совершили успешное покушение на немецкого посла графа Мирбаха в надежде, что после его гибели война возобновится. В конце августа Михаил Урицкий, глава Петроградской Чeka стал жертвой пули эсера, а в Москве молодая женщина-эсер Фанни (Дора) Каплан стреляла, серьезно ранив самого Ленина. Покушение на жизнь Ленина вызвало у некоторых анархистов аналогии с убийством в 1904 году реакционного министра внутренних дел Вячеслава Плеве. Каплан, с сочувствием говорили они, хотела «покончить с Лениным прежде, чем он покончит с революцией».

---

³⁴ Особенно суровый характер репрессии носили в Самаре, городе на Волге, где городской совет

Анархисты тоже вернулись на свой путь террора. Снова возникли группы «Безначалия» и чернознаменцев, а также небольшие группки махровых головорезов, которые действовали под такими названиями, как «Ураган» и «Смерть», очень напоминая банды «Черного ворона» и «Коршуна» предыдущего десятилетия. Как и в годы, последовавшие за восстанием 1905 года, особо плодородная почва для анархистского насилия оказалась на юге. Один кружок фанатиков в Харькове, называвших себя анархо-футуристами, восклицая «Смерть мировой цивилизации!», вызывали духи Вид бея и Ростовцева и призывали темные массы брать в руки топоры и уничтожать все, что попадает на глаза. Анархисты в Ростове, Екатеринославе и Брянске врывались в тюрьмы и освобождали заключенных. Страстные манифесты призывали народ восставать против новых хозяев. Нижеследующий призыв был выпущен в июле 1918 года Брянской федерацией анархистов:

«Вставай, народ!

Социал-вампиры пьют твою кровь!

Те, кто раньше призывал к свободе, равенству и братству, творят страшное насилие!

Заключенных расстреливают без суда и следствия и даже без их «революционных» трибуналов...

Большевики стали монархистами...

Народ! Жандармский сапог крушит твои лучшие надежды и ожидания...

Больше нет ни свободы речи, ни свободной прессы, ни свободы совести. Всюду только кровь, стоны, слезы и насилие...

Ваши враги в борьбе с вами призвали на помощь голод...

Пора подниматься, народ!

Уничтожим паразитов, которые мучают нас!

уничтожим всех, кто подавляет нас!

Сами создадим свое счастье... никому не доверяйте свою судьбу...

Вставай, народ! К анархии и коммуна!

Юг был питательной почвой для анархистских боевых отрядов, создававшихся по образцам 1905 года. Их главной задачей, которую они провозглашали открыто, было уничтожение предполагаемых контрреволюционеров, будь то русские белые, большевики, украинские националисты или немецкие войска, находившиеся здесь по Брест-Литовскому договору. Отряд партизан Черного моря в Симферополе и партизанский отряд имени М.А. Бакунина пели о новой «эре динамита», которая встретит угнетателей всех мастей: «Мы бережем наследство Равашоля и последние слова Анри! За лозунг «Коммуна и свобода» мы готовы отдать наши жизни! Да смолкнут церковные колокола! Мы слышим другие сигналы тревоги! По всей земле раздаются взрывы и стоны – но мы построим нашу гармонию!»

И действительно, стараниями анархистских отрядов на юге воцарилась смутная эра взрывов и «экспроприации», хотя их отчаянные подвиги далеко не всегда мотивировались бескорыстными революционными идеалами.

В течение последующих двух лет от насилия анархистов страдала и Москва. Виктор Серж рассказывал, что летом 1918 года черногвардейцы, пережившие рейды Чека предшествующих месяцев, готовились к вооруженному захвату столицы, но Алек-

---

контролировали анархисты и эсеры-максималисты

сей Боровой и Даниил Новомирский отговорили их. Тем не менее многие из них, спасаясь от преследований большевиков, ушли в подполье. Лев Черный, секретарь Московской федерации анархистов, в 1918 году помогал создавать «подпольную группу», а в следующем году присоединился к организации, называвшей себя «Анархисты подполья». Создана она была Казимиром Ковалевичем, членом Московского союза железнодорожников, и украинским анархистом Петром Соболевым. Хотя базировалась она в столице, «Анархисты подполья» имели тесные связи с боевыми отрядами на юге.

Осенью 1919 года они опубликовали два номера подстрекательского издания «Анархия» (не путать с органом Московской федерации, который правительство закрыло за год до этого), первый из которых называл диктатуру большевиков худшей тиранией в истории человечества. «Никогда еще не было столь резкого различия между угнетателями и угнетенными», – утверждала «Анархия». А за несколько дней до того, как эти слова увидели свет, «Анархисты подполья» нанесли свой самый тяжелый удар «угнетателям».

25 сентября вместе с соратниками из левых эсеров они бросили бомбу в штаб-квартиру Московского комитета коммунистической партии в Леонтьевском переулке, когда там шло пленарное заседание. Взрыв убил 12 членов комитета, 55 человек получили ранения, включая Николая Бухарина, видного большевистского теоретика и редактора «Правды», Емельяна Ярославского, который позже взялся писать краткую историю русского анархизма, и Ю.М. Стеклова, редактора «Известий» и будущего биографа Бакунина. Полные восторга от своего успеха, «Анархисты подполья» торжественно оповестили, что этот взрыв был сигналом наступления «эры динамита», которая завершится лишь с полным уничтожением нового деспотизма.

Но их радости скоро пришел конец. Этот взрыв, хотя от него сразу же отмежевались видные лидеры анархизма, дал начало мощной волне новых арестов. Первым делом охота пошла за «Анархистами подполья». Группа их взорвала себя на «реквизированной» даче после того, как их лидеры Ковалевич и Соболев были застрелены милицией. Чека раскинула широкую сеть в поисках политических преступников, и сотни из них пред стали;; перед судом тройки;; Анархисты не упустили из виду параллель между этими судами и военными трибуналами, созданными после революции 1905 года; они сравнивали агентов Чека с «палачами» Столыпина.

Ораторы большевиков утверждали, что на кону поставлена судьба революции, и надо каленым железом выжигать любое сопротивление. Они настаивали, что ни одного анархиста не арестовали лишь за его убеждения, а всем им вменялись в вину уголовные деяния. «Мы не преследуем идейных анархистов, – через несколько месяцев после взрыва в Леонтьевском переулке заверял Ленин Александра Беркмана, – но мы не будем терпеть вооруженное сопротивление или агитацию такого рода». К сожалению для «идейных» анархистов, Чека не утруждалась изучением идейных взглядов своих пленников прежде, чем покарать их.

На взлете новой волны терроризма в 1918 году между террористами и синдикалистами возродились давние дебаты по поводу эффективности насильственных действий. Молодой синдикалист Максимов, речи которого были полны гнева и презрения, осудил анархо-коммунистов за возвращение к порочной тактике убийств и «экспроприации». Терроризм – это полное искажение анархистских принципов,

доказывал он, который заставляет тратить впустую революционную энергию, в то же время ничего не делая для устранения социальной несправедливости. В то же время Максимов осмеял ленивых Маниловых из лагеря анархо-коммунистов, романтических созерцателей, которые лишь любят пасторальными утопиями, не подозревая о существовании сложных сил, которые правят миром. «Хватит мечтать о золотом веке, – заявил он. – Пришло время собраться и действовать!»

К тому времени, когда мнение Максимова появилось в печати, он и его коллеги уже начали претворять свои взгляды в жизнь. В конце августа 1918 года анархо-синдикалисты провели свой I Всероссийский съезд в Москве; цель съезда была консолидировать все силы и выработать общую платформу. Делегаты широким фронтом обрушились на диктатуру большевиков и одобрили ряд резолюций, осуждающих политическую и экономическую программы Ленина. Что касается политической стороны, то синдикалисты потребовали немедленного устранения Совнаркома и замены его федерацией «свободных советов», которые будут напрямую избираться на заводах и в деревнях, «без политических пустомель, которые попадают через партийные списки и превращают (советы) в говорильни». Кроме того, хотя съезд одобрил вооруженную борьбу с белыми, он призвал к вооружению рабочих и крестьян, которые и заменят устаревшую постоянную армию.

Резолюция по экономическим вопросам потребовала решительного отказа от большевистской программы «военного коммунизма». В сельскохозяйственном секторе, как предупредили анархо-синдикалисты, земельная политика нового режима приведет к новому «закабалению» крестьянства кулаками и государством. Чтобы избежать такой судьбы, они защищали идею выравнивания размеров земельных участков и постепенное формирование автономных сельских коммун. Кроме того, они требовали немедленного прекращения реквизиций зерна государством, предлагая, чтобы заботы о поставках продовольствия были возложены на рабоче-крестьянские организации.

Синдикалисты обвиняли государство, что оно предало рабочий класс в промышленности, подавив рабочий контроль в пользу таких капиталистических штучек, как единоличное управление, трудовая дисциплина и использование «буржуазных» инженеров и техников. За то, что пренебрегли заводскими комитетами – «любимым ребенком великой пролетарской революции» – ради таких «мертвых организаций», как профсоюзы, за то, что, заменив декретами и бюрократией промышленную демократию, руководство большевиков создало монстра «госкапитализма», бюрократического бегемота, которого словно в насмешку называют «социализмом». Этих злобных близнецов политической диктатуры и «государственного капитализма» можно устранить только «немедленной и радикальной революцией» – силами самих рабочих.

Обвинение в том, что партия большевиков создала «госкапитализм», а не пролетарский социализм, стало главной темой в анархистской критике советского режима. В апреле 1918 года Ленин признал, что экономический хаос в России вынудил его отказаться от «принципов Парижской коммуны», которые служили генеральной линией и в «Апрельских тезисах» и в книге «Государство и революция». Ради этих принципов, утверждали анархисты, Ленин принес в жертву на алтарь централи-

зованной власти свободное волеизъявление рабочего класса; он просто облачил старую систему эксплуатации в новые одежды.

Под властью большевиков, сообщал журнал Брянской федерации анархистов, Российское государство стало «какой-то удивительной машиной, непроходимой паутиной кружев, которая действует как судья, занимается и школьными делами, и производством колбасы, строит дома и собирает налоги, руководит полицией и варит супы, копает уголь и бросает людей в тюрьмы, собирает войска и шьет одежду...».

Самая глубокая анархистская критика «государственного капитализма» появилась в новом журнале синдикалистов «Вольный голос труда», основанном в августе 1918 года (во время I съезда анархо-синдикалистов), который наследовал закрытому «Голосу труда». Редакторы журнала – Григорий Максимов, М. Чекерес (Николай Доленко) и Ефим Ярчук – представляли левое крыло анархо-синдикализма, людей воинственно настроенных, чья философия представляла собой едкую смесь бакунизма и революционного синдикализма, полного традиций Южно-русской группы анархо-синдикалистов Новомирского в 1905 году.

Атака на «госкапитализм» в «Вольном голосе труда» обрела форму большой статьи, озаглавленной «Пути революции». Подписана она была неким М. Сергвеном, но существовали предположения – судя по содержанию и стилю, – что автором был Максимов. Статья начиналась серьезным обвинением в адрес «диктатуры пролетариата», которую Ленин и его соратники взялись устанавливать после свержения Временного правительства. Революция большевиков, утверждал автор, представляла собой просто замещение частного капитализма капитализмом государственным; место многих мелких владельцев занял один крупный. С помощью «целой бюрократической системы и новой «государственной» морали» советское правительство снова закабалило трудящиеся массы.

Крестьяне и заводские рабочие оказались под пятой «нового класса администраторов, в массе своей вышедшего из утробы интеллигенции». То, что произошло в России, продолжала повествовать статья, напоминает предыдущие революции в Западной Европе: угнетенные фермеры и ремесленники Англии и Франции отстранили земельную аристократию от власти не раньше, чем дали о себе знать амбиции среднего класса, который и создал новую классовую структуру с самим собой во главе. Сходным образом привилегии и власть, которые когда-то принадлежали дворянству и буржуазии России, перешли в руки нового правящего класса, состоящего из партийных чиновников, правительственных бюрократов и технических специалистов.

В этом месте автор «Путей революции» подчеркнуто отошел от обычных обвинений большевиков в предательстве интересов рабочего класса. Ленин и его сторонники, писал Сергвен, отнюдь не хладнокровные циники, что с хитростью Макиавелли продумали структуру нового класса, дабы удовлетворить свою персональную жажду власти. Вполне возможно, они руководствовались искренней заботой о человеческих страданиях. Тем не менее, скорбно добавляет он, даже самые возвышенные намерения гибнут, когда речь идет о централизации власти. Разделение общества на администраторов и работников неумолимо следует за централизацией власти. Иначе и быть не может: управление предполагает ответственность, которая, в свою очередь, влечет за собой особые права и преимущества. Как только функции управления и труда разделяются, как только первые начинают представлять собой меньшин-

ство «экспертов», а последние – необразованную массу, все возможности сохранять достоинство и равенство сходят на нет.

Под централизованным правлением Ленина и его партии, делался вывод в статье, Россия вошла в период не столько социализма, сколько госкапитализма. Он представляет собой «новую дамбу перед волной нашей социальной революции». И те, кто считает, что рабочий класс настолько велик и могуч, что сокрушит эту дамбу, не в состоянии признать, что новый класс управленцев и чиновников – куда более мощный противник. В час революции, сетовал Сергвен, анархо-синдикалисты, которые – не в пример марксистам – искренне верили, что освобождение рабочего класса – дело самого рабочего класса, были слишком плохо организованы, дабы поднять восстание против попыток разделить их на направления – несоциалистическое и нелибертарианское. Русский народ начал революцию неожиданно, без приказов и указаний центральных властей. Они разодрали политическую власть в клочки и разбросали их по всей необъятной стране. Но эти разбросанные клочья власти отравили местные советы и комитеты. Богиня диктатуры снова предстала в облике исполкомов и совнаркомов. И революция, которая не смогла определить, кто есть кто, тепло обняла ее. Так и получилось, что русская революция оказалась в жестких лапах центральной государственной власти, которая и придушила ее.

Выражение «государственный капитализм» употреблялось анархистами для обозначения пагубной концентрации политической и экономической власти в руках правительства большевиков. Это позволяло предполагать, что государство (то есть большевистская партия и тысячи примкнувших к ней чиновников) стало хозяином и эксплуататором вместо множества частных предпринимателей.

Тем не менее термин «капитализм» в нормальном смысле употребляется по отношению к экономической системе, для которой характерны частное владение, мотив доходности и свободный рынок, что весьма мало имело отношение к ситуации в России. Есть смысл отметить, что вторая статья в том же «Вольном голосе труда» описывала систему Советов как форму «государственного коммунизма» – то есть централизованный коммунизм, навязанный сверху, в то время как коммунизм анархистов свободно шел снизу на основе подлинного равенства. Автор, руководитель Московского союза пекарей Николай Павлов, потребовал немедленной передачи заводов и земли в широкую федерацию «свободных городов» и «свободных коммун». Анархисты, доказывая, он, решительно противостоят центральным властям любого вида. Правительство Ленина должно было воспринимать оба определения – «государственный капитализм» и «государственный коммунизм» – без удовольствия и вряд ли с удивлением. Сразу же после появления этих двух статей «Вольный голос труда» был закрыт.

Во время своего недолгого существования «Вольный голос труда» неоднократно подчеркивал настоятельную необходимость организационной реформы вместе с синдикалистским движением. Точнее, журнал призывал к созданию Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов, способной направить русскую революцию по рельсам децентрализации. Этот призыв вскоре принес плоды. Когда в конце ноября 1918 года в Москве собралась Всероссийская конфедерация анархо-синдикалистов, в центре внимания повестки дня появился вопрос об организации. Делегаты одобрили предложение создать общенациональную конфедерацию и, кроме того, рекомен-

довали теснее крепить узы с зарубежными организациями анархистов. Более того, конференция решила усилить распространение синдикалистской пропаганды среди заводских рабочих, делая упор на «децентрализации», как ключевом слове и понятии в политике и в экономике. Хотя делегаты признали, что государство невозможно устранить «сегодня или завтра», они выразили желание, чтобы вместо большевистского Левиафана была создана «конфедерация свободных советов», которая в дальнейшем послужит мостом к будущему бесклассовому обществу. В экономическом плане конференция потребовала «всеобщей экспроприации экспроприаторов – включая государство», за которой последует «синдикализация» промышленной продукции.

Одобрив идею «Вольного голоса труда» о созыве Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов, конференция избрала двух редакторов усопшего журнала Григория Максимова и Ефима Ярчука секретарем и казначеем Исполнительного бюро, которому предстояло организовывать конфедерацию. Тем не менее об анархо-синдикалистской конфедерации мало что можно сказать. Имеются весьма скудные свидетельства, что Исполнительное бюро преуспело в координации деятельности клубов и кружков, которые и составляли синдикалистское движение, а также в увеличении количества членов и влияния в заводских комитетах и профсоюзах. Не удалось бюро и устранить разрыв с анархо-коммунистами.

В начале 1919 года группа известных анархистов из обоих крыльев (самые знаменитые были Николай Павлов и Сергей Маркус от синдикалистов и Владимир Бармаш, Герман Аскарлов и И.С. Блейхман от анархо-коммунистов) предприняла слабую попытку объединиться, основав Московский союз анархо-синдикалистов-коммунистов. Но это мероприятие, как и все его предшественники, кончилось обескураживающим провалом. Единственным достижением Московского союза был выпуск нового журнала «Труд и воля», который поносил режим большевиков за то, что тот «подчинил государству личность», а также издал призыв к «прямодействию», чтобы уничтожить «любую диктаторскую или бюрократическую систему». В мае 1919 года после выхода шестого номера журнал «Труд и воля», как нетрудно было предсказать, закрыло большевистское; правительство.

Углубление Гражданской войны в 1918–1921 годах поставило анархистов в затруднительное положение перед проблемой – помогать ли большевикам в их междоусобной борьбе с белыми. Ярые сторонники свободы, анархисты сочли репрессивную политику советского правительства достойной осуждения; тем не менее перспектива победы белых казалась еще хуже. Любая оппозиция ленинскому режиму могла склонить чашу весов в пользу контрреволюционеров; с другой стороны, активная поддержка или доброжелательный нейтралитет позволили бы большевикам укрепиться так надежно, что потом от них было бы не избавиться.

Едкие дебаты, спровоцированные этой самой дилеммой, привели к расширению раскола в лагере анархистов. Разнообразие мнений скоро выросло, колеблясь от активного сопротивления большевикам через пассивный нейтралитет к тесному сотрудничеству. Некоторые анархисты даже вступили в коммунистическую партию. В конечном итоге подавляющее большинство из них решило в разной степени оказать поддержку режиму, который находился в осаде. Большая часть анархо-синдикалистов сотрудничала открыто, а те из них, кто настаивал на критическом

отношении к «диктатуре пролетариата» (особенно левые синдикалисты из «Вольного голоса труда»), воздерживались от активного сопротивления, откладывая «третью революцию» до той поры, пока не будет уничтожено большее зло.

Даже среди куда более враждебных анархо-коммунистов большинство поддержало партию Ленина. Но среди них было немало раскольников. Большинство с трудом, не скрывая своего недоброжелательства, соблюдало нейтралитет, а несколько групп анархо-коммунистов даже в этих неопределенных обстоятельствах отказывало большевикам в праве на место, обращаясь со злобными призывами (как поступала Брянская федерация) немедленного свержения «социал-вампилов» или (в случае с «Анархистами подполья») готовы были начать кампанию террора, направленную против чиновников коммунистической партии.

Эти воинственные анархо-коммунисты питали откровенное презрение к своим коллегам-«ренегатам» – «советским анархистам», как они окрестили их, – уступившим уговорам и посулам «псевдокоммунистов». Львиная доля оскорблений досталась анархо-синдикалистам. Те от всей души всегда верили, что «первым и главным делом – централизм», как сообщали клеветники, а теперь бесстыдно продемонстрировали свое подлинное нутро «торгашей, а не революционеров... получавших партийные билеты из рук большевиков за несколько крошек с барского стола».

Что же до тех анархистов, что считали себя «трезвыми реалистами» по контрасту с «мечтателями-утопистами», упорно отказывавшимися сотрудничать с государством, – они были не более чем «анархо-бюрократами», иудами, предателями дела Бакунина и Кропоткина. «Анархизм, – провозглашали эти непримиримые, – должен быть очищен от этой водянистой смеси с большевизмом, в которой растворены и анархо-большевики и анархо-синдикалисты».

На самого Ленина рвение и отвага «анархистов Советов» произвели такое сильное впечатление, что в августе 1919 года, на пике Гражданской войны, он был вынужден заметить, что многие анархисты «стали самыми преданными сторонниками советской власти». Особенно показательна в этом смысле история Билла Шатова. Во время Гражданской войны Шатов служил правительству Ленина с той же энергией, которую он проявил как член Военно-революционного комитета во время Октябрьского восстания. Как офицер 10-й Красной армии осенью 1919 года он играл важную роль в обороне Петрограда от наступающих сил генерала Юденича, в 1920 году Александр Краснощекое, радикал, близкий анархистам, вызвал его в Читу, где Шатов стал министром транспорта Дальневосточной республики. Несколько лет спустя он опять был послан на Восток, где контролировал строительство Туркестано-Сибирской железной дороги.

Нередко слыша в свой адрес такие злобные оценки, как «анархо-большевик» и «советский анархист», Шатов попытался объяснить свою позицию Александру Беркману и Эмме Голдман вскоре после их приезда в Россию в январе 1920 года: «А теперь я хотел бы рассказать вам, что коммунистическое государство в действии – именно то, каким мы, анархисты, всегда его видели, – жестко централизованная власть, усиленная опасностями революции. В таких условиях никто не может позволить себе делать лишь то, что хочет. Человек не может сесть на поезд и ехать себе или устроиться на подножке, как мне доводилось в Соединенных Штатах. Нужно разрешение. Я предназначен для России, для революции, и это блистательное будущее».

Анархисты, сказал Шатов, были «романтиками революции». Но сейчас нельзя воевать, вооружившись только идеалами, поспешил добавить он. В настоящий момент главная задача – нанести поражение реакции. «Мы, анархисты, должны оставаться верны нашим идеалам, – сказал он Беркману, – но в данный момент мы не можем заниматься критикой. Мы должны работать и помогать строить».

Шатов был лишь одним из многих известных анархистов, которые воевали в рядах Красной армии. Немало их полегло в боях, включая Иустина Жука и Анатолия Железнякова – в жизни и того и другого было место и насилию и мятежам. (Железняков командовал бронепоездом и в июле 1919 года был убит под Екатеринославом разрывом деникинского снаряда.) Александр Ге из Центрального исполнительного комитета Советов был зарублен белыми на Кавказе, где занимал высокую должность в Чека.

Во время Гражданской войны и другие известные фигуры анархистского движения были на высоких правительственных постах. Александр Шапиро из «Голоса труда» и Герман Сандомирский, ведущий анархо-коммунист из Киева, после революции 1905 года отправленный в сибирскую ссылку, служили в чичеринском Наркомате иностранных дел. Александр Боровой стал комиссаром в управлении здравоохранения, а Николай Рогдаев отвечал за советскую пропаганду в Туркестане.

В 1918 году после закрытия «Голоса труда» Волин покинул Москву и отправился на юг, где воевал против белых; какое-то время он служил в советском отделе образования в Воронеже, но отказался от поста руководителя всей системы образования на Украине. Владимир Забрежнев (в свое время член кропоткинской группы «Хлеб и воля» в Лондоне) теперь вступил в коммунистическую партию и стал секретарем московской редакции «Известий». Даниил Новомирский тоже вступил в коммунистическую партию и стал сотрудником Коминтерна после его создания в 1919 году. Максим Раевский, бывший редактор «Голоса труда» в Нью-Йорке и Петрограде, с помощью Троцкого получил работу в правительстве, не связанную с политикой. (Он познакомился с Троцким на борту судна, когда в мае 1917 года они плыли в Россию.)

Вацлав Мачайский (который вернулся в Россию в 1917 году) тоже получил неполитическую должность, но меньшей значимости: он стал техническим редактором «Народного хозяйства» (потом оно стало называться «Социалистическое хозяйство»), органа ВСНХ. Тем не менее Мачайский продолжал оставаться резким критиком марксизма и его приверженцев. Летом 1918 года он выпустил единственный номер журнала «Рабочая революция», в котором осуждал большевиков за то, что они не провели тотальную экспроприацию буржуазии и не улучшили экономическое положение рабочего класса. После Февральской революции, писал Мачайский, рабочие получили повышение жалованья и восьмичасовой рабочий день, а после Октября их материальное положение не улучшилось «ни на йоту!». Мятеж большевиков, продолжал он, был всего лишь «контрреволюцией интеллектуалов». Политическая власть была захвачена учениками Маркса, «мелкой буржуазией и интеллигенцией... обладателями знания, необходимого для организации и управления всей жизнью страны».

И марксисты в полном соответствии с религиозной проповедью своего пророка об экономическом детерминизме предпочли сохранить буржуазный порядок, возложив на себя лишь «подготовку» рабочих к их будущему раю.

Мачайский побуждал рабочий класс давить на правительство, чтобы оно экспроприировало предприятия, уравнило доходы и возможности получения образования и обеспечило рабочие места для безработных. Тем не менее, при всем своем разочаровании новым режимом, Мачайский с трудом, но все же принимал его, по крайней мере пока. Любая попытка свергнуть это правительство, говорил он, пойдет на пользу только белым, которые представляют собой еще большее зло, чем большевики.

Нет необходимости говорить, что ни Раевского, ни Мачайского Ленин не имел в виду, когда говорил о «преданных сторонниках советской власти». Скорее это были Шатов и Железняков, Ге и Новомирский – анархистские лидеры, которые от всего сердца оказали поддержку большевикам, когда над их режимом нависла угроза победы белых. В эту категорию входил и Иуда Рошин, возглавлявший «Черное знамя» в 1905 году, который ныне решительно перешел в коммунистический лагерь. Рошин благожелательно встретил создание III Интернационала в 1919 году и приветствовал Ленина, как одну из крупнейших фигур современности. По словам Виктора Сержа, Рошин даже пытался разработать «анархистскую теорию диктатуры пролетариата». А тем временем, пока не сформулирована такая теория, он призывал к восстановлению дружеских отношений с большевиками на почве острой необходимости.

В 1920 году, выступая перед группой московских анархистов, он требовал от своих товарищей сотрудничать с партией Ленина: «Это обязанность каждого анархиста – чистосердечно работать с коммунистами, которые представляют собой передовой отряд революции. Оставьте ваши теории в покое и занимайтесь практической работой для восстановления России. Необходимость в вас велика, и большевики приветствуют вас».

Большинство слушателей встретили его речь криками и кошачьим концертом и списали Рошина, «советского анархиста», как еще одну потерю. Но Александр Беркман, который присутствовал на этой встрече, откровенно признавал, что слова Рошина вызвали у него сочувствие.

Вне всяких сомнений, Рошин был не одинок в своих попытках примирить столь несопоставимые доктрины анархизма и большевизма. И действительно, в одной лишь Москве две довольно большие группы анархо-коммунистов, попутчиков, были организованы с целью крепить узы дружбы и сотрудничества с «диктатурой пролетариата». Воодушевлял первую группу Аполлон Карелин, а братья Гордины – вторую, увековечивая собой тот раскол, который впервые возник в Петроградской федерации анархистов в 1917 году. (Соглашаясь по многим жизненно важным темам, Карелин и Гордины слишком отличались друг от друга по темпераменту и по тактике, чтобы дружно работать в рамках одной организации.)

В 1918 году Карелин стал «советским анархистом» в буквальном смысле слова, завоевав место в ЦИК Советов. Его просоветская организация анархистов, созданная весной этого же года, претенциозно провозглашала себя Всероссийской федерацией анархо-коммунистов. Новая федерация взялась уламывать воинственных антибольшевиков пойти на сотрудничество с правительством. Карелин доказывал, что диктатура Советов – практическая необходимость, чтобы нанести поражение силам реакции; более того, с точки зрения теории она приемлема, как переходная фаза на пути к свободному анархическому обществу. Защищая советское правительство, заявлял журнал федерации «Вольная жизнь» (1919-1921), новая группа

защищает не принципы авторитарной власти, а саму революцию. «Вольная жизнь» претендовала на представительство всего разнообразия мнений в среде анархистов – анархо-коммунистов, анархо-синдикалистов, анархистов-индивидуалистов и даже толстовцев. В действительности же журнал придерживался линии анархо-коммунистов (просоветской), критиковал синдикализм за узость доктрины и откровенно игнорировал индивидуалистов и религиозные школы анархистской мысли.

Вторая пробольшевистская организация анархо-коммунистов в Москве, универсалисты, была сформирована в 1920 году братьями Гордиными вместе с Германом Аскарковым, который, как и Карелин, был членом ЦИК. Взгляды универсалистов большей частью совпадали с воззрениями Всероссийской федерации Карелина. Они побуждали всех анархистов оказывать всемерную помощь Красной армии и отказываться от терроризма и других действий, враждебных правительству. Временная диктатура, утверждали универсалисты, является необходимым этапом на пути перехода к бесклассовому коммунистическому обществу.

Трудно понять, каким образом Гордины смогли совершить столь стремительный переход от их фанатичной антимарксистской теории пананархизма к анархо-универсализму, доктрина которого поддерживала «диктатуру пролетариата». Может, их пленила мистика власти большевиков. Может, они пришли к выводу, что большевики – чей упор на революционную волю, похоже, отрицал экономический детерминизм – отступили от марксистского символа веры. Или, не исключено, они сочли Ленина меньшим злом по сравнению с адмиралом Колчаком^{35*}. Во всяком случае, в 1920 году белые армии отступали по всем фронтам, и универсалисты со своими соратниками, «советскими анархистами», были на стороне победителей, за что они скоро получат воздаяние.

Глава 8. КРАХ РУССКОГО АНАРХИЗМА

Деспотизм пришел из дворцов в круг комитетов. Ненависть к королям вызывают не королевские облачения, не скипетры, не короны, а их амбиции и тирания. В моей стране меняется только одежда.

Жан Варле. Взрыв

В течение столетий Украина давала убежище беглым рабам, разбойникам, мятежникам и другим беглецам от преследований царского правительства и аристократии. С исчезновением монархии эти традиции сохранились. В 1918 году, когда новый большевистский режим начал серьезно подавлять своих политических противников, анархисты Москвы и Петрограда потянулись в Дикое поле на юг страны, дабы найти убежище в тех местах, где пятнадцать лет назад и зародилось их движение.

Добравшись до Украины, беглецы с севера, не теряя времени, стали устанавливать связи со многими своими соратниками, которые после Февральской революции вернулись из тюрем и ссылок. Харьков, где в 1917 году была предпринята неудачная попытка объединения движения, стал базой нового намерения собрать раз-

---

³⁵ Стоит отметить, что убеждения универсалистов во многом совпадали с ультрарадикальными взглядами эсеров-максималистов, в 1920 году отколовшихся от социалистов-революционеров. Большинство из них вступили в коммунистическую партию

розненные анархистские группы в единую революционную силу. Результатом этих усилий стал «Набат», конфедерация анархистских организаций, у которой осенью 1918 года появилась штаб-квартира в Харькове, а также процветающие отделения в Киеве, Одессе, Екатеринославе и других больших городах Украины. Конфедерация поддержала создание Союза атеистов и вскоре получила право гордиться бурным молодежным движением на юге страны.

Волин, бывший редактор газеты синдикалистов «Голос труда», был духовным руководителем новой ассоциации. В «Набате» он видел воплощение того, что называл «единым анархизмом», то есть единственной организации, включающей в себя анархо-коммунистов, анархо-синдикалистов и анархистов-индивидуалистов; каждой группе, каждой личности в организации гарантировался определенный уровень автономии. Но старания Волина объединить столь разнородные течения анархизма были грубо прекращены, когда в силу какого-то странного парадокса большинство его же товарищей по синдикализму отказались присоединяться к «Набату». Отступники сочли «единый анархизм» слабой и невыразительной формулой объединения и выразили опасения, что главенствующей силой в новой конфедерации станут анархо-коммунисты.

Кроме Волина, самыми известными лидерами «Набата» были два ветерана анархистского движения – Арон Барон и Петр Аршинов. История Барона как анархиста берет начало с времен революции 1905 года, когда за участие в мятеже он был отправлен в сибирскую ссылку. Тем не менее, совершив побег, он добрался до Соединенных Штатов и начало Первой мировой войны встретил в Чикаго, где он вместе со своей женой Фаней однажды был арестован и избит полицией за призывы к массовой демонстрации против безработицы. Вернувшись в Россию в 1917 году, Барон скоро стал популярным оратором и публицистом на Украине, и профсоюз рабочих-пекарей в Киеве выбрал его своим представителем в другом союзе. После восстания большевиков они с Фаней перебрались в Харьков, где помогали организовывать движение «Набата». Кроме того, что он занимал пост в секретариате конфедерации, Барон был соредактором Волина в журнале «Набат»^{36*}.

Прежде чем в 1906 году обратиться к анархизму, Петр Андреевич Аршинов был большевиком. Рабочий-металлист в промышленном пригороде Екатеринослава, он занимался анархистской пропагандой на заводе и организовывал анархистские ячейки среди своих товарищей. В дополнение к своей роли агитатора, Аршинов участвовал и в делах террористов, что в конечном итоге привело к его аресту и заключению. Он смог покинуть страну, но скоро вернулся в Россию – только для того, чтобы снова подвергнуться аресту, на этот раз за контрабандную доставку анархистской литературы через австрийскую границу. Он отсидел в московской тюрьме семь лет и получил свободу после политической амнистии Февральской революции. Приняв активное участие в работе Московской федерации анархистов, Аршинов вернулся в свой родной Екатеринослав, присоединился к Бюро анархистов Донецкого бассейна (он был редактором их журнала «Голос анархиста») и, как десять лет назад, стал читать лекции шахтерам и заводским рабочим.

---

³⁶ Во время Гражданской войны журнал «Набат» появлялся в некоторых украинских городах, включая Харьков, Елизаветград, Одессу и Гуляй-поле

Из молодых членов конфедерации «Набат», наверное, самыми заметными были Сеня Флешин, Марк Мрачный (Клаванский) и Григорий Горелик (друзья звали его Анатолием). Флешин родился в Киеве в 1894 году, во время войны работал в нью-йоркском офисе Эммы Голдман «Мать-Земля» и в 1917 году, вернувшись в Россию, осел в Харькове.

Мрачный был энергичным членом студенческого анархистского движения в Харькове. Он вступил в «Набат» вскоре после его создания, и ему была доверена организация тайной типографии в Сибири для нужд конфедерации, с чем он успешно справился.

Третий молодой новобранец, Горелик, вернулся в Россию из американской эмиграции в 1917 году и прежде, чем вступить в «Набат», был секретарем Донецкого бюро анархистов.

Среди руководителей «Набата» был и Николай Доленко, крестьянин Полтавской губернии, получивший самообразование. Под псевдонимом М. Чекерез он во время военных лет опубликовал много статей в самых заметных анархистских изданиях, включая нью-йоркский «Голос труда» и резко антимилицаристский «Путь к свободе», издававшийся в Женеве Рошиным и Оргеиани. В самое последнее время он работал с Максимовым и Ярчуком, как редактор «Вольного голоса труда» в Москве.

Наконец, была и Ольга Таратута, террористка из Екатеринослава и, наверно, самая известная из «безмотивников», связанных со взрывом кафе Либмана в Одессе в 1905 году. Выйдя в марте 1917 года из Лукьяновской тюрьмы в Киеве, эта усталая, измученная женщина сорока с лишним лет на первых порах держалась в стороне от своих бывших соратников, работая в киевском Красном Кресте. Но в 1920 году постоянные преследования анархистов со стороны Чека вызвали ее возмущение и она вернулась в прежнюю среду, вступив и в конфедерацию «Набат», и в анархистский Черный крест, основанный Аполлоном Карелиным для помощи анархистам, которых коммунисты посадили в тюрьму или отправили в ссылку.

В ноябре 1918 года в Курске собралась первая всеобщая конференция «Набата». По контрасту с карелинской Всероссийской федерацией анархистов в Москве группа «Набат» мало чем могла пригодиться большевистской «диктатуре пролетариата» или какому-то «переходному периоду» к бесклассовому обществу. Русская революция, как заявила конференция, была только «первой волной» всемирной социальной революции, которая будет длиться, пока не заменит окончательно капитализм свободной федерацией городских и сельских коммун. И тем не менее, при всем своем критическом отношении к диктатуре Советов, делегаты сочли белых еще большим злом и приняли решение противостоять им путем создания собственных партизанских отрядов, которые будут действовать вне рамок Красной армии. В экономической сфере конференция поддержала участие анархистов в непартийных советах, в заводских комитетах, свободных от влияния профсоюзов (они заслужили репутацию «устаревшей формы рабочих организаций»), и в крестьянских комитетах бедноты. В заключение конференция снова подчеркнула необходимость создания надежных федераций анархистских групп на уровне городов и районов, на национальном и более высоком уровнях солидарности движения в целом.

Те же самые темы доминировали и на I конгрессе «Набата», который пять месяцев спустя, в апреле 1919 года, собрался в Елизаветграде. Незадолго до его открытия Сеня

Флешин, выступив в журнале конфедерации, задал тон собранию, осудив коммунистов за то, что они воздвигли «китайскую стену между собой и массами». Конгресс, вторя возмущению Флешина, осудил тот факт, что некогда свободные и независимые рабочие комитеты революционной России были поглощены профсоюзами, «сугубо официальным, административно-политическим и даже полицейским аппаратом новых хозяев-эксплуататоров, то есть государством». Делегаты заявляли, что стараниями большевиков советы тоже превратились в инструмент государственной власти, который необходимо заменить разнообразными неполитическими комитетами – заводскими и крестьянскими, домовыми и квартальными, а также культурно-образовательными.

Делегаты обрушили огонь критики на своих же товарищей, огульно обвинив и «советский анархизм» и пананархизм братьев Гординых. Более того, они осудили «фракционную ограниченность» анархо-синдикалистов (которые отказались присоединиться к конфедерации) и отвергли предложение послать делегацию на III Всероссийскую конференцию анархо-синдикалистов, которая должна была состояться в ближайшем будущем. Эти беспрецедентные нападки на группы своих товарищей анархистов конечно же резко ограничили возможности «Набата» добиться единства движения.

Но по одному важному вопросу конфедерация «Набат» была полностью согласна с большинством своих братьев-анархистов: самая главная задача движения заключалась в защите революции от натиска белых, пусть даже это означает временный союз с коммунистами. Так же как Курская конференция за год до этого, съезд в Елизаветграде решил бойкотировать Красную армию, объявив ее авторитарной организацией, руководимой «сверху» в типичной военной манере. «Набат» же возлагал свои надежды на «партизанскую армию», которая спонтанно возникнет из гущи революционных масс.

И скорее всего, ядром такой революционной армии, по мнению лидеров конфедерации, похуже, станут партизанские отряды, которые действовали на Украине под командованием Нестора Махно.

Нестор Иванович Махно родился в 1889 году и был младшим сыном в бедной крестьянской семье, жившей в большом украинском селе Гуляйполе, расположенном в Екатеринославской губернии между Днепром и Азовским морем³⁷. Когда ему только-только миновал год, умер отец, оставив на руках матери пятерых маленьких детей. В семилетнем возрасте Махно уже работал, выпасая соседских коров и овец, а потом трудился батраком и рабочим на литейном заводе³⁸. В 1906 году, в семнадцатилетнем возрасте, он присоединился к группе анархо-коммунистов Гуляйполя. Два года спустя Махно предстал перед судом за участие в налете террористов, который стоил жизни сельскому полицейскому. Суд приговорил его к смертной казни через повешение, но из-за крайней молодости смертный приговор Махно был заменен на неопределенный срок каторжных работ. Сидя в Бутырской тюрьме в Москве, Махно доказал, что его невозможно заставить подчиняться тюремным правилам,

³⁷ Население Гуляйполя, которое принято было называть деревней, составляло примерно 30 000 человек, в нем располагалось несколько фабрик и школ.

³⁸ Махно часто изображали сельским учителем, но Волин отметил, что доказательств этого не существует.

и в течение девяти лет заключения его часто заковывали в кандалы или бросали в одиночку. В 1910 году, когда Петр Аршинов попал в Бутырку за контрабандную доставку анархистской литературы в Россию, два непокорных арестанта быстро подружились. Аршинов, который был старше и лучше образован, чем полуграмотный крестьянский парнишка из Гуляйполя, объяснил Махно основы анархистской доктрины, после чего тот утвердился в преданности Бакунину и Кропоткину.

Амнистия Временного правительства в марте 1917 года освободила Аршинова и Махно из тюрьмы. Аршинов, оставшийся в Москве, стал активным членом Московской федерации анархистов, а Махно вернулся в свою родную деревню на Украине. Здесь ему сразу досталась ведущая роль в делах сельской общины. Он помогал организовывать профсоюз батраков и стал его председателем. Прошло не так много времени, и его избрали главой местного профсоюза плотников и металлистов, и, кроме того, он вошел в состав Гуляйпольского Совета рабочих и крестьянских депутатов. В августе 1917 года Махно, как глава Совета, набрал небольшой отряд вооруженных крестьян и занялся экспроприацией поместий местного дворянства, чьи земли раздавал бедным крестьянам. С этого времени жители деревень стали считать его кем-то вроде Стеньки Разина или Пугачева, пришедшего, чтобы воплотить в жизнь их древние мечты о земле и воле.

Тем не менее следующей весной деятельности Махно был резко положен конец. Советское правительство подписало Брест-Литовский договор, и Украину оккупировали крупные силы австро-немецких войск. Махно, как и его товарищи анархисты, был возмущен этим непростительным компромиссом с германским империализмом, но его партизанский отряд был слишком слаб, чтобы оказать действенное сопротивление. Вынужденный искать спасения, он добрался до Волги, откуда двинулся на север и, перебираясь от города к городу, в июне 1918 года оказался в Москве, где к тому времени собралось много ведущих российских анархистов.

Во время своего краткого визита в Москву у Махно состоялась вдохновившая его встреча с предметом его поклонения князем Петром Кропоткиным. Они долго говорили о сложной ситуации на Украине, но Кропоткин мягко отказался давать Махно конкретные советы, что надлежит ему делать по возвращении в родные места. «Этот вопрос связан с большим риском для вас, товарищ, – сказал старик, – и только вы сами можете правильно решить его». Когда Махно встал, собираясь прощаться, Кропоткин добавил: «Вы должны помнить, дорогой товарищ, что наша борьба не знает сентиментальности. Самоотверженность, сила духа и воли на пути к намеченной цели преодолеют все». Моральные качества Кропоткина произвели на Махно неизгладимое впечатление, как и на всех либертарианцев, которым доводилось встречаться с князем. А его прощальные слова, которые Махно приводит в своих воспоминаниях, помогли ему выстоять и в Гражданскую войну и в те одинокие и грустные годы, что последовали за ней.

Во время пребывания в Москве Махно был принят и Лениным, который расспрашивал его об отношении украинских крестьян к новому режиму, о военной ситуации на юге и о разнице между пониманием революции у анархистов и большевиков. «Большинство анархистов думают и пишут о будущем, – заявил Ленин, – не понимая настоящего. Это то, что отделяет нас, коммунистов, от них». Хотя анархисты «самоотверженные» люди, продолжил Ленин, их «беспочвенный фанатизм» мешает им

видеть и настоящее, и будущее. «Но я думаю, что вы, товарищ, – сказал он Махно, – реалистически относитесь к самому насущному злу нашего времени. Если бы только хоть треть анархо-коммунистов были как вы, мы, коммунисты, были бы готовы при определенных, хорошо известных условиях^{39*} объединиться с ними для создания свободных объединений производителей».

Махно возразил, что анархисты – не утопические мечтатели, но реалистически мыслящие люди действия; ведь, как он напомнил Ленину, именно анархисты и эсеры, но отнюдь не большевики, нанесли поражение националистам и правящим классам на Украине. «Может, я и ошибаюсь», – ответил Ленин и затем предложил Махно помочь ему вернуться на юг.

После этого разговора Махно остался под впечатлением сильной личности Ленина, но ни в малой мере не потерял враждебности к тому явлению, которое он решительно окрестил «бумажной революцией», созданной социалистами-интеллектуалами и бюрократами. Даже те анархисты, которых он встречал в Москве – Боровой, Рощин, Гордин, Сандомирский и другие, – произвели на него впечатление людей книги, а не действия; какое бы уважение ни вызывали их человеческие качества и знания, казалось, они загипнотизированы своими же собственными словами и резолюциями и лишены воли бороться за свои идеалы.

Махно вскоре оставил этот большой город, столь чуждый его крестьянскому темпераменту, и вернулся в Гуляйполе, от земли которого он черпал свою силу и которое питало его страсть к непосредственности и свободе.

В июле 1918 года, когда Махно прибыл в Гуляйполе, этот район был занят австрийскими войсками и милицией (вартой) их украинской марионетки гетмана Скоропадского. Все еще оставаясь беглецом, Махно пробрался в деревню, где узнал, что во время его отсутствия дом матери был сожжен, а брат Емельян, инвалид войны и ветеран, расстрелян^{40*}. Практически за сутки Махно организовал партизанский отряд и под черным знаменем анархизма провел ряд дерзких налетов на австро-венгров, «гетманцев» и усадьбы местных помещиков. «Мы победим, – гласила одна из его первых прокламаций к крестьянам юга, – не для того, чтобы следовать примеру прошлых лет и вручать нашу судьбу какому-то новому хозяину, а для того, чтобы взять ее в свои руки и строить наши жизни по своему собственному разумению и пониманию правды».

Исключительная мобильность и набор хитрых трюков составляли основу тактики Махно. Верхом и на тачанках с пулеметами его люди стремительно носились по бескрайним степям между Днепром и Азовским морем. Они время от времени сливались в небольшую армию, мощными наскоками вселяя ужас в сердца своих противников. В то же время независимые партизанские отряды беспрекословно подчинялись командам Махно и воевали под его черным знаменем весьма успешно. Деревенские жители охотно снабжали его продовольствием и свежими лошадьми, что позволяло махновцам без труда покрывать по 40–50 километров в день. Они могли совершенно внезапно возникнуть там, где их меньше всего ждали, напасть

---

³⁹ Ленин не стал уточнять, что это за «хорошо известные условия».

⁴⁰ Другой брат погиб в бою с деникинскими войсками, а третьего расстреляли в Гуляйполе большевики

на помещиков, разгромить военные гарнизоны и исчезнуть столь же стремительно, как и появились.

Одетые в мундиры, захваченные у варты гетмана Скоропадского, махновцы проникали во вражеские ряды, выясняли их планы или открывали огонь в упор; был случай, когда Махно и его свита в облике гетманских гвардейцев появились на балу местного землевладельца и в разгаре празднества захватили всех гостей.

Когда преследователи загоняли махновцев в угол, они закапывали оружие, поодиночке возвращались в свои деревни, принимались за полевые работы и лишь ждали очередного сигнала, чтобы извлечь из земли другой мешок с оружием и совершить очередной неожиданный и дерзкий налет. По словам Виктора Сержа, бойцы Махно обладали «поистине эпическими способностями собираться и вступать в бой». Тем не менее их успехи в очень большой степени зависели от исключительных достоинств их главнокомандующего. Махно был отважным и находчивым командиром, сочетавшим железную волю с прекрасным чувством юмора, и пользовался любовью и преданностью своего крестьянского воинства. В сентябре 1918 года, когда он нанес поражение значительно превосходящим силам австрийцев у деревни Дибривки, его люди присвоили ему выразительный титул Батько.

Когда в результате перемирия в ноябре 1918 года войска Центральной рады отошли с российской территории, Махно смог захватить большую часть их оружия и боеприпасов, а затем обрушился на сторонников украинского националистического лидера Симона Петлюры. В конце декабря Махно, проведя крупную и смелую операцию, успешно выбил из Екатеринослава петлюровский гарнизон. Его части, спрятав оружие под одеждой, прибыли на екатеринославский вокзал обыкновенным пассажирским поездом и, застав националистов врасплох, выбили их из города. Правда, на следующий день к врагу подошло подкрепление, и Махно пришлось отойти за Днепр и вернуться на свою базу в Гуляйполе. Петлюровцам в свою очередь вскоре пришлось отступить перед натиском Красной армии.

В течение первых пяти месяцев 1919 года район Гуляйполя был полностью свободен от какой-либо политической власти со стороны. Австрийцы, гетман и Петлюра – все были изгнаны из этих мест, и ни у красных, ни у белых не было достаточно сил, чтобы заполнить этот вакуум. Махно воспользовался затишьем, чтобы попытаться перестроить общество по либертарианским принципам. В январе, феврале и марте махновцы провели ряд окружных съездов крестьян, рабочих и повстанцев, чтобы обсудить экономические и военные вопросы и задачи перестройки.

На каждом съезде стоял главный вопрос – оборона района от тех сил, которые попытаются взять его под контроль. II съезд, который состоялся в Гуляйполе 12 февраля 1919 года, проголосовал в пользу «добровольной мобилизации», которая на деле означала поголовный призыв в армию всех, кто способен держать оружие. Делегаты также избрали региональный Военно-революционный совет крестьян, рабочих и повстанцев, чтобы проводить в жизнь решения периодических съездов. Новый Совет побудил провести выборы «свободных» советов в городах и деревнях, то есть таких советов, в которых не присутствовали бы члены политических партий. Хотя намерения Махно заключались в желании избавить эти новые организации от политической власти, на деле Военно-революционный совет, действуя совместно с

региональными съездами и местными советами, сформировал на территории вокруг Гуляйполя непрочное правительство.

Кроме того, Военно-революционный совет помог в создании анархистских коммун, которые впервые появились в районе Гуляйполя еще во время революции 1905 года и снова дали о себе знать в 1917 году. Каждая коммуна состояла примерно из дюжины крестьянских хозяйств, в которых обитало от 100 до 300 членов. Хотя лишь несколько из них действительно считали себя анархистами, руководство коммунами осуществлялось на основе полного равенства и подчинения основному кропоткинскому принципу взаимной помощи. Региональные съезды советов рабочих, крестьян и повстанцев выделили каждой коммуне скот и сельскохозяйственный инвентарь, конфискованный в соседних помещичьих усадьбах, а также столько земли, сколько могут обработать члены коммуны без привлечения наемного труда. Первая такая коммуна была названа в честь Розы Люксембург, которую крестьяне, обладавшие большей политической сознательностью, считали мученицей, павшей в борьбе за свободу и равенство^{41*}.

Как и Военно-революционный совет, повстанческая армия Украины (так называли себя силы махновцев) теоретически подчинялась региональным съездам. Тем не менее на практике бразды правления твердо держали Махно и его командиры. Несмотря на все свои старания избежать любых намеков на регламентацию, Махно сам назначал своих командиров на ключевые посты (остальных выбирали прямо в частях) и ввел в войсках жесткую военную дисциплину, схожую с той, которой придерживались казацкие курени из соседнего Запорожья. Но при всем при том армия повстанцев никогда не могла потерять своего простонародного характера. Все ее командиры были из крестьян или, в некоторых случаях, из рабочих. Тщетно было бы искать командира – выходца из высших или средних классов или даже из радикальной интеллигенции.

При всей своей одаренности Махно был самоучкой и диаметрально отличался от интеллектуалов в русском анархистском движении, хотя чувствовал к ним глубокое уважение, если не восхищение перед их глубокой образованностью. Он не раз обращался к ним за помощью, когда пытался учить своих крестьянских последователей основам анархистской доктрины.

Волин и Арон Барон прибыли в его расположение летом 1919 года, после того как большевики разогнали конфедерацию «Набат» и заставили его членов искать себе убежища. Вместе с Петром Аршиновым, бывшим сокамерником Махно, который присоединился к нему на несколько месяцев раньше, они стали издавать журнал движения «Путь к свободе», продолжив направление закрытого издания «Набат». Кроме того, они организовали Культурно-образовательную комиссию, которая выпускала листовки и читала лекции в частях. Помимо этих начинаний, интеллектуалы планировали открыть школу, образцом для которой послужила бы *Esquela Moderna* Франциско Ферреры^{42*}. Ее ученики должны были впитать в себя дух независимости

---

⁴¹ Роза Люксембург и Карл Либкнехт, основатели Германской коммунистической партии, были расстреляны солдатами правых сил после подавления восстания спартаковцев в январе 1919 года, когда их доставляли в тюрьму в Берлине

⁴² Франциско Феррера был уважаемым испанским либертарианцем, который в 1909 году, представ

и свободы. Более того, Культурно-образовательная комиссия основала экспериментальный театр и создала программу обучения для взрослых крестьян и рабочих.

В махновском движении многие важные посты принадлежали евреям. Некоторые из них были интеллигентами, которые, как Арон Барон, служили в Культурно-образовательной комиссии, но подавляющее большинство воевало в рядах повстанческой армии, то ли просто в отрядах еврейской пехоты или в артиллерии, то ли в обыкновенных партизанских соединениях вместе с русскими, украинскими и других национальностей рабочими и крестьянами. Махно лично преследовал дискриминацию любого вида и каленым железом выжигал заразу антисемитизма у своих крестьянских сторонников. Задача эта была не легче, чем борьба с грабежами и пьянством (последняя усложнялась из-за пристрастия к алкоголю самого Махно). Кары за антисемитизм были быстрые и суровые: командир одной части был расстрелян на месте за погром в еврейском местечке; одного из солдат постигла такая же судьба просто за то, что он расклеивал плакаты с привычной антисемитской формулой «Бей жидов, спасай Россию!»^{43*}

В первые месяцы 1919 года, когда Махно и его последователи готовились заложить фундамент либертарианского общества, их отношения с большевиками оставались довольно дружескими, по крайней мере внешне. Крестьяне Гуляйполя даже послали немалое количество зерна заводским рабочим Петрограда и Москвы, которые страдали от нехватки продовольствия. Советская пресса превозносила Махно, как «отважного партизана» и крупного революционного вождя.

Эти отношения достигли своего апогея в марте 1919 года, когда Махно и коммунисты заключили соглашение о совместных военных действиях против Белой армии генерала Деникина. По этому соглашению украинская повстанческая армия стала дивизией Красной армии, подчиняющейся Верховному командованию большевиков. Но она сохранила своих командиров и внутреннюю структуру, а также свое название и черное знамя.

Такие внешние проявления упорядоченных отношений тем не менее не могли скрыть глубокой враждебности, разделявшей эти две группы. Коммунисты без большой радости относились к автономному статусу повстанческой армии и к той популярности, которой она пользовалась у новобранцев из крестьян. Со своей стороны махновцы опасались, что рано или поздно Красная армия попытается прижать их движение к ногтю. В начале года делегаты, выступавшие на первых двух съездах махновцев, прямо обвинили большевистскую партию в том, что она ищет возможности «лишить свободы и самостоятельности местные советы рабочих и крестьян» и что «требует монополии на революцию». Когда в апреле собрался III съезд, командир красных войск на Днепре Дыбенко запретил его, как «контрреволюционное собрание».

Махновский Военно-революционный совет возмущенно ответил ему: «Какое у вас есть право называть контрреволюционным народ, который... сбросил цепи рабства и который сейчас строит свою жизнь так, как он считает нужным? Должны ли

перед военным судом, был приговорен к смертной казни по сфабрикованному обвинению о попытке поднять восстание в Барселоне

⁴³ Волин приводит свидетельство Элиаса Чериковера, известного еврейского историка и знатока вопроса антисемитизма на Украине, – количество антисемитских проявлений среди махновцев «со-

массы революционного народа хранить молчание, когда такие «революционеры» отбирают у них завоеванную свободу?» 10 апреля 1919 года III съезд крестьян, рабочих и повстанцев открыто выразил свое неподчинение запрету. Советские газеты прекратили восхвалять махновцев и принялись обвинять их в том, что они «кулаки» и «анархо-бандиты». В мае были пойманы и расстреляны два агента Чека, посланные с целью убить Махно. Окончательный разрыв состоялся 15 июня, когда махновцы созвали IV региональный съезд и пригласили рядовых солдат Красной армии пригласить своих представителей. Троцкий, главнокомандующий силами большевиков, пришел в ярость. 4 июня он запретил съезд и объявил Махно вне закона. Частички коммунистов совершили стремительный налет на Гуляйполе и разогнали коммуны Розы Люксембург и ей подобные. Через несколько дней подошли войска Деникина и завершили начатое дело, сметая с лица земли то, что еще оставалось от коммуны, а также ликвидировав местные советы.

Хрупкий союз был торопливо восстановлен тем же летом, когда мощное наступление Деникина на Москву стало серьезно угрожать и коммунистам и махновцам. В августе и сентябре партизанские отряды Махно были отброшены к западным границам Украины. Волин, принимавший участие в поспешном отступлении, вспоминает в своих мемуарах, что даже перед лицом непреодолимых трудностей махновцы не впадали в отчаяние. Над передовой тачанкой армии повстанцев развевалось огромное черное знамя с лозунгами «Свобода или смерть!» и «Землю – крестьянам, заводы – рабочим!».

26 сентября 1919 года Махно провел удачное контрнаступление у деревни Перегоновки под Уманью, перерезав линии снабжения Белой армии, что вызвало панику и хаос у нее в тылу. Это было первое серьезное поражение Деникина в его драматическом марше к сердцу России и главным фактором, который остановил наступление на столицу большевиков. К концу года контрнаступление Красной армии заставило Деникина стремительно отступить к берегам Черного моря.

В месяцы после победы у Перегоновки махновщина была на гребне славы. В октябре и ноябре Махно на несколько недель занял Екатеринослав и Александровск, что дало ему возможность впервые применить принципы анархизма к городской жизни. После входа в большой город Махно первым делом (после открытия городских тюрем) постарался устранить впечатление, что он явился лишь для того, чтобы ввести новую политическую власть. Повсюду были расклеены объявления, сообщавшие горожанам, что отныне они вольны организовывать свою жизнь так, как считают нужным, что повстанческая армия не собирается «диктовать им или приказывать», что делать. Были объявлены свобода речи, печати и собраний, и в Екатеринославе едва ли не за ночь появилось с полдюжины газет, представлявших широкий спектр политических мнений. Тем не менее, всемерно поддерживая свободу высказываний, Махно решительно не одобрял те политические организации, которые пытались командовать людьми. Поэтому он и распустил «революционные комитеты» (ревкомы) большевиков в Екатеринославе и Александровске, посоветовав их членам «заняться каким-нибудь честным трудом».

вершенно незначительно» по сравнению с такими же действиями других участников Гражданской войны, среди которых Красная армия не является исключением.

Махно был нацелен на уничтожение любого вида господства, на поощрение экономического и социального самоопределения. «Это дело самих рабочих и крестьян, – говорилось в одной из его прокламаций 1919 года, – организовать и добиться взаимопонимания во всех областях жизни, для чего они могут мыслить, как считают нужным». В октябре 1919 года оратора-эсера, который на съезде рабочих и крестьян в Александровске призывал к созданию действенного руководства, махновцы встретили криками протеста: «Нам ваших руководителей более чем хватило. Вечно они здесь, и их все больше. Давайте-ка мы попробуем справляться без них». Когда работники железной дороги в Александровске пожаловались, что они уже много недель не получают заработной платы, Махно посоветовал им взять под свой контроль железнодорожные пути и потребовать от служб пассажирских и грузовых перевозок такой оплаты своего труда, какую они считают справедливой.

Тем не менее утопические проекты Махно не смогли увлечь даже незначительное меньшинство рабочего люда, потому что, не в пример фермерам и деревенским ремесленникам, независимым производителям, которые сами умеют решать все свои дела, заводские рабочие и шахтеры привыкли воспринимать себя как взаимозаменяемые части сложного производственного механизма, и без руководства мастеров и технических специалистов просто теряются. Более того, крестьяне и ремесленники могли обменивать плоды своего труда, в то время как жизнь городских рабочих зависела от регулярной выплаты им жалованья. К тому же Махно окончательно все запутал и усложнил, когда признал равенство всех бумажных денег, выпущенных его предшественниками – украинскими националистами, белыми, да и большевиками. Он никогда не понимал сложности современной городской экономики, да и не пытался понять их. Он ненавидел «яд» городов и обожал естественную простоту крестьянской жизни, из которой сам происходил. Но в любом случае у Махно было очень мало времени для воплощения своей плохо продуманной экономической программы. Он был все время в движении, редко останавливаясь, даже чтобы перевести дыхание. Махновщина, по словам ее современников, была «царством на колесах», «республикой тачанок». «Как всегда, – писал Волин о проектах Махно в Екатеринославе и Александровске, – нестабильность ситуации не дала заняться нужными делами».

В конце 1919 года Махно получил приказ от красного командования немедленно перебросить свою армию на польский фронт. Приказ прямо преследовал задачу убрать Махно из его родных мест и дать возможность без помех установить там правление большевиков. Махно и пальцем не пошевелил, чтобы сдвинуться с места. Он ответил, что его повстанческая армия – единственная подлинно народная сила на Украине и что она останется здесь, дабы защищать новообретенную свободу народа. Троцкий, сказал он, хочет заменить деникинские «орды» Красной армией, а помещиков – политкомиссарами. Жесткий ответ Троцкого последовал без промедления: махновцы были объявлены вне закона, и он стал готовиться выступить против них. В отчаянной попытке предотвратить такое развитие событий штаб-квартира Махно в Гуляйполе выпустила листовки, призывающие большевистские части не подчиняться приказам, которые могут нарушить «мирное соглашение» с Украиной. Людям нужно не «правление комиссаров», гласили листовки, а «свободный порядок советов». «На насилие мы ответим насилием».

Далее последовали восемь месяцев ожесточенных военных действий, которые стоили больших потерь обеим сторонам. Свою жатву собирала и серьезная эпидемия тифа. Волин, которого болезнь свалила с ног в Кривом Роге, был взят в плен Красной армией и отправлен в московскую тюрьму. Сильно уступая своим противникам в численности, партизаны Махно избегали открытых сражений и полагались на тактику партизанской войны, которую они вели в течение более двух лет Гражданской войны. В одной из своих песен они говорили, как верят в руководство Махно: «Мы разгромим их и уничтожим в этой войне, всех, до последнего комиссара, возьмем в плен. Ура, ура, ура! Мы идем на врага, за матушку Галину, за батька Махно!»

В октябре 1920 года барон Врангель, ставший преемником Деникина на юге России, начал мощное наступление, двинувшись с Крымского полуострова на север. И снова Красная армия обратилась за помощью к Махно, и снова было подписано соглашение, по которому повстанческая армия обрела полусамостоятельное существование под общим командованием большевиков^{44*}. В обмен на сотрудничество коммунисты пообещали Махно амнистировать всех анархистов в российских тюрьмах и гарантировать им свободу пропаганды при условии, что они будут воздерживаться от призывов к насильственному свержению советской власти. (Таким образом, Волин, едва оправившись от тифа, смог возобновить издание «Набата» в Харькове и начал подготовку к созыву Всероссийского съезда анархистов, который должен был собраться к концу года.)

Прошло лишь чуть больше месяца, Красная армия сделала решительный шаг к победе в Гражданской войне – и советские руководители разорвали соглашение с Махно. Пусть даже махновцы больше не представляли интереса как военный партнер, но пока во главе их стоял Батька, шаткому режиму большевиков продолжал угрожать дух примитивного анархизма и опасность всеобщей крестьянской войны, пугачевщины. Таким образом, 25 ноября махновские командиры в Крыму, бурно отмечавшие недавнюю победу над Врангелем, были арестованы Красной армией и немедленно расстреляны. На следующий день Троцкий приказал взять штурмом штаб-квартиру Махно в Гуляйполе, где Чека одновременно и арестовала членов конфедерации «Набат», которые собирались в Харьков на свой съезд, и провела налеты на анархистские клубы и организации по всей стране.

Во время нападения на Гуляйполе большинство штаба Махно было взято в плен и отправлено по тюрьмам или же просто расстреляно на месте. Тем не менее сам Батька с немногими остатками армии, которая когда-то насчитывала десятки тысяч человек, смог ускользнуть от преследователей. Большую часть года ему пришлось скитаться по Украине. Наконец, уставший партизанский вождь, продолжавший страдать от незаживших ран, форсировал Днестр и ушел в Румынию, откуда добрался до Парижа.

Неприятнь большевиков к анархистам продолжала расти еще со времени их первых рейдов против Московской федерации анархистов в апреле 1918 года. К 1919 году вооруженные отряды Черной гвардии и агрессивные партизанские шайки – силы, которые могли представлять военную опасность для, властей, – оказались

---

⁴⁴ В июне 1920 года Врангель попытался договориться с Махно об общих действиях против большевиков. Но Махно захватил и казнил несчастных посланников барона, так же как год назад он разделался со своим соперником, партизанским командиром атаманом Григорьевым, когда тот прибыл, чтобы обсудить военное сотрудничество.

не единственными объектами преследований; интеллектуалы из конфедераций анархо-синдикалистов и «Набата», самым опасным оружием которых были только их карандаши, часто подвергались арестам и задержаниям, особенно те неугомонные, что отказывались прекратить критику «предательств» и «эксцессов» Ленина и Троцкого.

Григорий Максимов подсчитал, что между 1919 и 1921 годами он; попадал за решетку не менее шести раз. Даже такие лояльные «советские анархисты», как братья Гордины и Иуда Рошин, на краткое время оказывались за решеткой.

Летом 1920 года Эмма Голдман и Александр Беркман на II конгрессе Коммунистического интернационала, а потом на встрече в Москве горячо протестовали против преследования их товарищей. Такие же жалобы были направлены в анархистский Черный крест. Анархо-синдикалисты требовали от зарубежных синдикалистов, прибывших в Москву как делегаты Коминтерна, воспользоваться своим влиянием для обращения к советскому руководству. Поток протестов тем не менее не помешал Троцкому в ноябре 1920 года провести на Украине «крупную хирургическую операцию», когда Красная армия разгромила штаб-квартиру Махно в Гуляйполе, а Чека в Харькове захватила лидеров конфедерации «Набат» – включая Волина, Арона и Фаню Барон, Ольгу Таратуту, Сеню Флешина, Марка Мрачного, Доленко-Чекереза и Анатолия Горелика – и отправила их в московские тюрьмы, в Таганскую и Бутырскую. На несколько недель были задержаны в столице Максимов и Ярчук из Конфедерации анархо-синдикалистов.

Крайне возмущенная новой волной арестов, Эмма Голдман резко пожаловалась на них Анатолию Луначарскому, народному комиссару просвещения, и наркому благосостояния Александре Коллонтай. Оба они, как Эмма рассказывала Анжелике Балабановой, «признали эти злоупотребления, но сочли, что протестовать неразумно». Балабанова, секретарь Коминтерна, организовала для Эммы встречу с Лениным, который заверил ее, что анархистов не преследуют за их убеждения, а только подавляют «бандитов» и повстанцев Махно.

Массовыми арестами анархо-синдикалистов (которые, не в пример махновцам, не представляли вооруженной угрозы властям) большевики надеялись раз и навсегда положить конец их влиянию на заводских рабочих. Постоянная агитация синдикалистов, их действительно заметное присутствие на предприятиях служили для рабочих напоминанием о заре свободы, которая зажглась для них в 1917 году, о расцвете рабочего контроля. С этого времени, по мере того как режим продвигался к централизованному контролю над экономикой, синдикалистам приходилось вести арьергардные бои, побуждая рабочих делать то же самое. В марте 1920 года II Всероссийский съезд рабочих пищевой промышленности, собравшийся в Москве, принял резолюцию, предложенную Исполнительным бюро анархо-синдикалистов (Максимов, Ярчук и Сергей Маркус), в которой большевистский режим осуждался за введение «неограниченного и неконтролируемого господства над пролетариатом и крестьянством, за ужасный централизм, доходящий до уровня абсурда... за уничтожение всего, что только есть в стране живого, непосредственного и свободного». Так называемая «диктатура пролетариата», далее было в резолюции, в действительности представляет собой диктатуру партии и даже отдельных личностей над пролетариатом.

Максимов, автор этих откровенных высказываний, призывал к созданию нового общества, основанного на непартийных советах и свободном труде. Не сомневаясь, что заводские комитеты, имея в руках такое мощное оружие, как всеобщая забастовка, смогут в конечном итоге добиться в России экономической децентрализации, он пытался организовать подпольную Федерацию рабочих пищевой промышленности в качестве первого шага к созданию Российской всеобщей конфедерации труда.

Хотя из организационных усилий Максимова мало что получилось, его цель создания децентрализованной рабочей конфедерации начала пользоваться популярностью среди более радикальных элементов на заводах и в мастерских и даже привлекать внимание некоторых заметных групп диссидентов в самой коммунистической партии.

К концу 1920 года под руководством яркой мадам Коллонтай и ее любовника Александра Шляпникова, бывшего металлиста, а теперь первого наркома труда, сформировалась «рабочая оппозиция», получившая мощную поддержку рядовых членов в профсоюзах и в заводских комитетах. «Рабочую оппозицию» серьезно беспокоила политика «военного коммунизма».

Сторонников оппозиции особенно волновала «милитаризация» рабочих ресурсов и замена рабочего контроля на предприятиях единоличным управлением. Их растущий критицизм политики большевиков отражал разочарование рабочих своими новыми руководителями и неприятие народом заметного сползания советского режима к новому бюрократическому государству. «Рабочая оппозиция» возражала против того, что экономические организации правительства, да и сама коммунистическая партия засорены «буржуазными» специалистами и другими непролетарскими элементами.

Вожди большевиков, заявляла Коллонтай, не понимают нужд рабочего от станка и вообще жизни в цехах и мастерских. Не доверяя простым людям, они стремятся «облечь доверием технических чиновников, наследников прошлого, а не опираться на здоровые творческие элементы трудящихся масс». «Основа противоречий, – говорила она, – вот в чем: будем ли мы строить коммунизм через рабочих или поверх их голов, руками советских чиновников».

Александра Коллонтай, Шляпников и их союзники требовали, чтобы руководство экономикой от правительства было передано рабочим комитетам и профсоюзам, организованным в рамках Всероссийского конгресса производителей, которые прошли процедуру выборов, независимых от партийного контроля. Надо дать полную свободу, доказывали они, творческим силам заводских рабочих, а не «уродовать их бюрократической машиной, полной духа рутины, свойственной буржуазной капиталистической системе производства и контроля».

«Рабочая оппозиция», делала вывод Коллонтай, ставит целью добиться подлинной диктатуры пролетариата, а не партийных лидеров, потому что Маркс и Энгельс провозглашали: «Создание коммунизма может быть и будет делом рук самих трудящихся масс. Создание коммунизма принадлежит рабочим».

Ленин с растущим неудовольствием наблюдал рост оппозиционных настроений. Он оспаривал призыв Коллонтай к отцам-основателям для подкрепления своей позиции. Осуждая идеи «рабочей оппозиции», как «синдикалистское и анархистское отклонение» от марксистской традиции, он призвал ее лидеров к соблюдению

партийной дисциплины. Ленин, опасаясь, что синдикалистские доктрины «проникнут в широкие массы», осудил все разговоры о «промышленной демократии» или о созыве Всероссийского конгресса производителей. Он решительно отказался от своих прежних утверждений, высказанных в работе «Государство и революция», что обыкновенный рабочий способен заниматься политическими и экономическими проблемами. «Человек практики, – заявил он, – знает, что это волшебная сказка».

К началу 1921 года Ленин испытывал серьезное беспокойство в связи с возрождением синдикалистских тенденций среди заводских рабочих и интеллигентов своей же партии и обдумывал меры их обуздания. В поисках ответа он обратился к работам Фернана Пелетье (выдающаяся личность во французском синдикалистском движении) и некоторым трудам Бакунина, а также Кропоткина. Кропоткин, живой символ либертарианства, продолжал пользоваться глубоким уважением всей России. Он пришел к убеждению, как рассказывал Эмме Голдман в 1920 году, что один лишь синдикализм может заложить фундамент для восстановления экономики России.

Кропоткин не претерпел личных унижений во время налетов на московских анархистов в 1918 году, но летом того же года пожилой князь был вынужден перебраться в скромный деревянный домик в городке Дмитрове, примерно в 80 километрах к северу от столицы. Большую часть времени он проводил работая над рукописью книги об этике (которую так и не закончил) и принимая поток посетителей, включая Волина, Максимова, Эмму Голдман и Александра Беркмана.

Кропоткин был серьезно обеспокоен диктаторскими методами советского правительства. Он резко возражал против разгона Учредительного собрания и террористических методов работы Чека и сравнивал партийную диктатуру, навязанную большевиками, с «якобинскими взглядами Бабефа». Тем не менее в открытом письме к рабочим Западной Европы он побуждал их оказать давление на свои правительства, чтобы положить конец блокаде России и прекратить их участие в Гражданской войне. «Дело не в том, что нельзя возразить против методов большевистского правительства, – повторял Кропоткин. – Мы далеки от этого! Но вооруженная иностранная интервенция обязательно усиливает диктаторские тенденции этого правительства и парализует старания тех русских людей, которые готовы оказать помощь России, независимо от ее правительства, в восстановлении ее жизни».

В мае 1919-го, за год до этой декларации, Кропоткин встретился в Москве с Лениным, чтобы обсудить их разногласия. Дискуссия продолжилась в ходе краткой переписки, в которой Кропоткин не отказывался от своих нападок на диктатуру большевиков. «Россия стала революционной республикой только по названию, – писал он Ленину в марте 1920 года. – В настоящее время ею руководят не советы, а партийные комитеты... Если существующая ситуация будет продолжаться, само слово «социализм» превратится в ругательство, что случилось с лозунгом «равенство» через сорок лет после правления якобинцев». Но Кропоткин не потерял надежды. «Я глубоко верю в будущее, – заверял он в мае 1920 года. – Я верю в синдикалистское движение... в течение ближайших пятидесяти лет оно превратится в могучую силу и приведет к созданию бесклассового коммунистического общества».

В январе 1921 года Кропоткин, которому было почти восемьдесят лет, заболел воспалением легких, что и привело к его кончине. Его давний ученик, доктор Александр Атабекян, который тридцать лет назад основал анархистскую библиотеку в Женеве,

сидел у ложа своего умирающего учителя. Через три недели, 8 февраля 1921 года Кропоткин скончался. Его семья отклонила предложение Ленина об организации государственных похорон, и тут же был создан комитет по организации похорон из ведущих анархо-синдикалистов и анархо-коммунистов, которых объединила смерть их великого учителя. Лев Каменев, председатель Московского Совета, разрешил Арону Барону и еще нескольким другим арестованным анархистам на день покинуть тюрьму, чтобы принять участие в похоронной процессии.

Не обращая внимания на жгучий холод московской зимы, они прошли кортежем до Новодевичьего монастыря, места погребения предков Кропоткина. Они несли черные знамена, лозунги с требованиями освобождения из тюрем всех анархистов и плакаты с такими надписями: «Где есть власть, там нет свободы» и «Освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих». Хор пел «Вечную память». Когда процессия проходила мимо Бутырской тюрьмы, заключенные трясли решетки на окнах своих камер и провожали покойного анархистским гимном.

Эмма Голдман произнесла речь над могилой Кропоткина, а студенты и рабочие возложили цветы на его надгробие. Место рождения Кропоткина, большой дом в старом аристократическом квартале Москвы, был передан его жене и товарищам для организации музея, где будет место его книгам, бумагам и личным вещам. Организацией его занялся комитет анархистов-ученых. В него входили Николай Лебедев, Алексей Солонович и доктор Атабекян, которым шли пожертвования от друзей и почитателей со всего мира.

Гражданская война в России оставила по себе мрачное наследие в виде голода, развала промышленности, нехватки горючего, личной ненависти и политического разочарования. Горечь этого урожая вызвала в Москве и Петрограде в первые недели 1921 года резкий рост крайнего напряжения, которое и подготовило почву для Кронштадтского восстания, события, которое, как заметил Ленин, «осветило реальность лучше, чем что-либо еще».

Ближе к концу февраля по крупнейшим предприятиям Петрограда прокатилась неожиданная волна забастовок. По рукам ходили листовки и прокламации. Часть из них требовала топлива и хлеба, ликвидации рабочих батальонов Троцкого, возрождения свободных советов и заводских комитетов, другие – свободы слова, восстановления Учредительного собрания, прекращения террора Чека и освобождения из коммунистических тюрем эсеров, анархистов и других политических заключенных.

Еще до конца месяца делегация матросов и рабочих с военно-морской базы Кронштадта, расположенной на соседнем острове Котлин, прибыла в столицу, чтобы присоединиться к одной из демонстраций забастовщиков. В самом Кронштадте проходили митинги поддержки на Якорной площади – где в июльские дни 1917 года Блейхман произносил свои пламенные речи – и на борту линкора «Петропавловск», стоящего в гавани. Настоящее восстание разразилось в начале марта на островной базе и на окружающем промышленном комплексе. Оно длилось две недели, пока части большевиков и добровольцев не пересекли замерзший Финский залив по льду и не подавили мятежников.

История кронштадтского радикализма возвращает к революции 1905 года. Мартовский мятеж 1921 года, так же как и предыдущие восстания в 1905 и 1917 годах, был бурным и неожиданным, но он не был организован, как об этом часто пишут,

анархистами или какой-то другой единственной партией или группой. Скорее его участниками были радикалы всех мастей – большевики, эсеры, анархисты и много других, не имеющих четкой политической ориентации. Те анархисты, которые играли заметную роль в Кронштадте 1917 года, четыре года спустя здесь уже не присутствовали: матрос Железняков погиб в бою с деникинцами в 1919 году, Блейхман скончался в Москве в 1920 или в начале 1921 года, а Ярчук, обитавший в Москве, если не сидел в тюрьме, был, как и большинство его товарищей, под неустанным надзором Чека.

Тем не менее дух анархизма, который играл столь важную роль в Кронштадте во время революции 1917 года, отнюдь не исчез. В канун восстания анархисты распространяли среди моряков и рабочих листовки с лозунгами «Где есть власть, нет свободы», понося «железную дисциплину» и «принудительный труд», навязанный заводским рабочим большевистским режимом. Листовки повторяли знакомые анархистские требования: положить конец принудительному труду, восстановить рабочий контроль, сформировать независимые партизанские отряды вместо Красной армии, провести подлинную социальную революцию, которая и приведет к созданию бесклассового общества свободных коммун.

Но кроме такой прямой пропаганды было много свидетельств влияния на мятежников анархистских идей. Так, в чисто анархистской манере мятежники сетовали, что Россия попала под господство «небольшой группы коммунистических бюрократов», громко требовали уничтожения «комиссарократии», установленной Лениным, Троцким и их свитой^{45*}. Рабочие, говорили они, не для того избавлялись от отдельных капиталистов, чтобы стать рабами государства. «Вся власть Советам, – провозглашали повстанцы, – но не партиям!» В своем мятежном журнале они объявили, что Кронштадтское восстание знаменует начало «третьей революции», которая продолжится, пока русский народ не освободится от своих новых хозяев: «Здесь, в Кронштадте заложен первый камень третьей революции, которая освободит рабочий люд от последних уз и откроет широкую новую дорогу к социалистическому творчеству».

Анархисты, которые встретили мятеж ликованием, приветствовали Кронштадт как «вторую Парижскую коммуну». Даже такие просоветские группы, как универсалисты и карелинская Всероссийская федерация анархистов, были охвачены радостным порывом и осуждали правительство, которое послало войска для подавления восстания. Опасаясь обильного кровопролития, Александр Беркман и Эмма Голдман вместе с двумя другими товарищами обратились к Зиновьеву, предлагая себя в качестве посредников.

Но правительство не собиралось вступать с мятежниками в какие-либо переговоры. «Пришло время, – заявил Ленин на X съезде партии, в то время, когда на острове в Финском заливе бушевало пламя восстания, – положить конец оппозиции, придавить ее; оппозиции с нас хватит».

После этого заявления «рабочая оппозиция» (хотя ее сторонники присоединились к своим соратникам коммунистам в осуждении Кронштадтского восстания) была быстро подавлена. Страну затопила новая волна политических арестов. Анархистов

---

⁴⁵ В октябре 1918 года в Кронштадте вспыхнул локальный мятеж, предшественник событий 1921

отлавливали в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославе и Одессе. Те, кого освободили после арестов в ноябре 1920 года, сломавших становой хребет организации, снова оказались в заключении. Московская Чека арестовала Максимова и Ярчука, секретаря и казначея Исполнительного бюро анархо-синдикалистов, которые оказались вместе со своими коллегами в Таганской тюрьме. Почти все еще остававшиеся книжные магазины, типографии и клубы были закрыты, а несколько еще существовавших анархистских кружков разогнаны. Даже пацифисты, последователи Толстого, были арестованы или запрещены. (Немало толстовцев было расстреляно во время Гражданской войны за отказ служить в Красной армии.)

Алексей Боровой был исключен из Московского университета⁴⁶. В ноябре 1921 года милиция совершила налет на клуб универсалистов, бывший центр «Советского анархизма», и закрыла их газету. Двое из их руководителей, Владимир Бармаш и Герман Аскарлов, оба известные интеллектуалы и члены Московского Совета, были арестованы по обвинению в «бандитизме и подпольной деятельности». По данным Максимова, универсалистам, которые радовались поражению Кронштадтского мятежа, удалось создать еще более работоспособную группу «анархо-биокосмистов», которая заявила о своей безоговорочной поддержке советского правительства и торжественно объявила о своем намерении устроить социальную революцию «в межпланетном пространстве, но не на территории Советов»⁴⁷.

Расправа с анархистами вызвала немало нежелательных слухов. В то же самое время, пока большевики набивали камеры Бутырки и Таганки синдикалистами, универсалистами, махновцами и членами конфедерации «Набат», они вели жаркие споры с Социалистическим интернационалом в Амстердаме по поводу того, чтобы синдикалистов признавали в Западной Европе и Северной Америке. В июле 1921 года коммунисты создали Красный интернационал профессиональных союзов (более известный как Профинтерн), задача которого состояла в том, чтобы вывести организованное рабочее движение из-под влияния Международной федерации профсоюзов в Амстердаме.

Но иностранные делегаты, которые попытались провести в Москве конгресс Профинтерна, были потрясены ликвидацией армии Махно и подавлением Кронштадтского восстания, – и тут они испытали новое потрясение, когда пошла волна последних арестов анархистов.

С.А. Лозовский, председатель Профинтерна, министр иностранных дел Чичерин и сам Ленин неустанно заверяли своих гостей, что «идеологические» анархисты ни в коем случае не подвергаются преследованиям. Тем не менее Голдман, Беркман и Александр Шапиро смогли убедить некоторых европейских синдикалистов сделать Ленину представление, чтобы облегчить участь своих арестованных товарищей в России. Другие делегаты Профинтерна изложили свой протест Дзержинскому, главе

года, в ходе которого его участники (тоже радикалы всех мастей) требовали замены «комиссарократии» федерацией «свободных советов».

⁴⁶ В начале 1921 года по просьбе студентов Свердловского университета Боровой был приглашен для участия в дебатах с Бухариным и Луначарским на тему «Анархизм против марксизма», но в последний момент коммунисты отменили эту встречу

⁴⁷ Другая группа анархистов обратилась за поддержкой к советскому правительству и III Интернационалу

Чека. Чтобы драматизировать ситуацию, арестованные анархисты в Таганке – среди которых были Максимов, Волин, Ярчук, Бармаш, Мрачный – объявили голодовку, которая длилась все одиннадцать дней, пока шел конгресс.

В добавление к сложному положению правительства возникло еще одно потрясение, когда в сентябре 1921 года Чека расстреляла анархистского поэта Льва Черного и фаню Барон. Черный активно действовал в составе московской Черной гвардии и был членом группы «Анархисты подполья», которая несла ответственность за взрыв в Леонтьевском переулке, где в 1919 году размещалась штаб-квартира московских коммунистов, хотя он сам лично не имел отношения к этому инциденту. Репутация фани Барон, как «идеологического» анархиста, не была запятнана никаким терроризмом. Эмма Голдман была настолько возмущена казнями анархистов, что решила устроить сцену на манер английских суфражисток, приковав себя цепями к скамье в зале, где проходил III конгресс Коминтерна, и выкрикивая делегатам слова протеста, но ее отговорили русские друзья.

В обстановке возмущения со всех сторон, дома и за границей, Ленин счел более разумнее пойти на попятный. В том же месяце он освободил тех из известных анархистов, за которыми, пусть они были оппозиционерами по отношению к советской власти, не числилось насильственных действий. Им было поставлено условие: без промедления покинуть страну. Максимов, Мрачный, Волин, Ярчук и несколько других отбыли в Берлин в январе 1922 года. Тем временем Эмма Голдман, Александр Беркман и Саня Шапиро, до глубины души огорченные тем оборотом, который приняла революция, тоже приняли решение эмигрировать. «Приходят серые дни, – записал в своем дневнике Беркман. – Один за другим гаснут тлеющие угли свободы. Террор и деспотизм положили конец жизни, рожденной в дни Октября. Лозунги революции отброшены, ее идеалы потоплены в народной крови. Дыхание вчерашнего дня обрекло на смерть миллионы; сегодняшние тени темным пологом висят над страной. Диктатура железной пятой подавила народные массы. Революция мертва, и ее стоны – это глас вопиющего в пустыне... Я принял решение оставить Россию».

Эпилог

Где те, кто придут служить массам – а не использовать их ради своих амбиций?

Петр Кропоткин

На волне Кронштадтского восстания большевики ввели в действие новую экономическую политику, которая покончила с насильственными изъятиями зерна и ослабила правительственный контроль над сельским хозяйством, промышленностью и торговлей. Цель Ленина заключалась в том, чтобы не допускать впредь таких мятежей, как Кронштадтский, для чего измученной и истерзанной стране надо было дать возможность «перевести дыхание». Тем не менее политическая оппозиция передышки не получила. Началась кампания по искоренению жалких остатков политических разногласий.

Воинственные анархисты, которым удавалось пока избегать сетей Чека, были выслежены, захвачены и предстали перед революционным трибуналом, которому они бросили в лицо те же обвинения, что и их предшественники на столыпинских

судах после революции 1905 года. В декабре 1922 года один из обвиняемых на суде в Петрограде назвал этот процесс насмешкой и отказался отвечать своим инквизиторам. Большевики, заявил он, обернули оружие против храбрейших защитников революции, потому что, как и все тираны, они боятся критики. «Но мы не боимся ни вас, ни ваших палачей! – вскричал он. – Советское «правосудие» может убить нас, но вы никогда не убьете наши идеалы. Мы умрем как анархисты, а не как бандиты».

Заключенные анархисты прямо из тюрем Москвы, Петрограда и других городов были отправлены этапом в концентрационные лагеря под Архангельском на ледяной север, или в политизоляторы, раскиданные по всей стране. Сведения, доходившие до Запада, говорили о суровых условиях, на которые они были обречены: невыносимый холод, скудная пища, каторжный труд, цинга и туберкулез. Только письма от членов семьи и товарищей поддерживали огонек надежды. «Я сижу и мечтаю о свободе», – писал узник Ярославского политизолятора, чье здоровье было подорвано туберкулезом.

Древние монастыри Суздаля и Соловецких островов в Белом море были превращены в тюрьмы для сотен политических противников советской власти, которые устраивали демонстрации и голодовки протеста против заключения. Несколько отчаянных душ пошли на самосожжение, следуя примеру старообрядцев, которые двести пятьдесят лет назад, забаррикадовавшись в Соловецком монастыре, превращали себя в живые факелы. К середине 20-х годов анархистов убрали с Соловков и разбросали по тюрьмам Чека на Урале и по сибирским колониям.

Те анархисты, которым позволено было покинуть Россию, не теряя времени, организовали комитеты помощи своим заключенным товарищам. Беркман, Голдман, Шапиро, Волин, Мрачный, Максимов, Еленский, Сеня и Молли Флешины направили свою энергию на создание фондов помощи. Папки в их организациях – самыми известными были Объединенный комитет защиты заключенных революционеров в России (Берлин, 1922-1926), Фонд помощи Международной ассоциации рабочих для анархистов и анархо-синдикалистов в российских тюрьмах и ссылках (Берлин и Париж, 1926–1932) и Фонд Александра Беркмана, активно действовавший в Чикаго, – пухли от писем и досье арестованных анархистов, их имена сопровождалось такими мрачными примечаниями, как «избит в Бутырках», «повторная голодовка», «убит в тюрьме», «расстрелян в Киевской ЧК», «избит за сопротивление насильственному кормлению» и «судьба неизвестна». Эмигранты не жалели сил, обеспечивая непрерывный поток посылок и передач, поддерживая своих соратников в России. Их успехи в борьбе с голодом, тоской и отчаянием заключенных достойны уважения, учитывая те ограничения, которые советское правительство наложило на благотворительную деятельность. По словам получателей, их письма и передачи были «божьем даром», «дуновением свежего воздуха» в этой душной атмосфере.

Тем не менее силы и средства, необходимые для организации митингов протеста, сбора средств, выпуска бюллетеней, отправки писем, посылок и т. п., не переставали требовать активного участия уже немолодых анархистов Запада, выматывая из них все физические силы и вынуждая жить в постоянной бедности. «Я часто думаю, что мы, революционеры, напоминаем капиталистическую систему, – заметила Эмма Голдман, которая сама без усталости работала в системе помощи. – Мы высасываем из

людей все лучшее, что в них есть, а потом молча наблюдаем, как они кончают свои дни в нищете и одиночестве».

А тем временем смерть заставляла смолкать старую гвардию движения. Владимир Забрежнев, старый кропоткинец, который после Октябрьской революции вступил в коммунистическую партию, стал секретарем правительственной газеты «Известия» и в 1920 году скончался в Москве. Несколько месяцев спустя И.С. Блейхман стал жертвой легочного заболевания, которое серьезно обострилось, когда он отбывал срок на принудительных работах в большевистской тюрьме^{48*}. В феврале 1921 года кончина Кропоткина последовала за смертью в декабре его давнего ученика Гогелиа-Оргеиани, уехавшего на свой родной Кавказ. Варлаам Черкезов, еще один грузин и близкий помощник Кропоткина в первые годы движения, вернулся в свое бывшее убежище в Лондоне, где и умер в 1925 году, на восьмидесятом году жизни. В 1926 году в Москве у Мачайского случился инфаркт, а Аполлон Карелин умер от кровоизлияния в мозг, успев стать свидетелем разгрома Всероссийской федерации анархистов и ареста своих самых преданных учеников Хархардина, Солоновича и Худолея.

В мрачной хронике тюрем, ссылок и смертей порой случались светлые моменты. Ольга Таратута, избитая тюремщиками в Бутырках, получившая цингу в Орловском политизоляторе и, наконец, отправленная в сибирскую ссылку, внезапно получила помилование и разрешение вернуться в Киев^{49*}. Бывшие «советские анархисты» – карелинцы, универсалисты и анархо-синдикалисты – были освобождены из тюрем, чтобы оказаться под надзором политической полиции. В 1924 году Абба Гордин, лидер универсалистов, получил разрешение эмигрировать в Соединенные Штаты. Его брат В.Л. Гордин, хотя и перешел в стан большевиков, в 1925 году был арестован и помещен в психиатрическую больницу. Судя по надежным источникам, ему удалось добраться до Америки, где, как ни странно, он стал протестантским миссионером. (Гордины были сыновьями раввина.)

Во время нэпа небольшому количеству «мирных» анархистов разрешили продолжать свою деятельность. Оставались открытыми издательство и книжный магазин «Голос труда», где продавалось несколько томов сочинений Бакунина, а также новые работы, включая ценное собрание воспоминаний анархистов, изданных Алексеем Боровым. В то же самое время Боровой и его соратники из Комитета по созданию музея Кропоткина, уважаемые Атабекян и Лебедев, получили от властей разрешение без помех заниматься своей работой. В 1927 году они вместе с другими известными анархистами (среди них Рогдаев, Бармаш, Аскарлов и Лидия Гогелиа), скорее всего, с благословения Московского Совета, выступили с публичным протестом против казни Сакко и Ванцетти, которая стала весьма распространенной для радикалов и либертарианцев во всем мире.

Для остальных членов движения, живущих в зарубежной эмиграции, небольших групп состарившихся усталых мужчин и женщин, разбросанных по Америке и Европе, осталась лишь горечь лицемерия, как русская революция превращается в полную противоположность всему, на что они надеялись. В лучшем случае, как недавно за-

⁴⁸ Блейхман не был расстрелян коммунистами, как ошибочно утверждал Церетели в своих воспоминаниях.

⁴⁹ Дальнейшая история Таратуты не известна; скорее всего, она погибла в Сибири во время сталинских чисток в 1935–1938 годах

метил симпатичный неофит от анархизма, им осталось печальное утешение, что их отец-основатель Бакунин, столетия тому назад оценивая марксистский социализм, пророчески предсказал все это. «Долгие годы «строительства социализма», – заявила Федерация русских анархо-коммунистических групп в Соединенных Штатах и Канаде, – полностью доказала справедливость утверждения Бакунина, что «социализм без свободы – это рабство и скотство». В Берлине и Париже, в Нью-Йорке и Буэнос-Айресе, полные горечи, оставшиеся в живых продолжали свои саркастические нападки на диктатуру большевиков. Ленин в их глазах был «Торквемадой, Лойолой, Макиавелли и Робеспьером русской революции»; они презрительно называли его партию «новыми королями», растоптавшими знамя свободы.

Они поносили нэп, как циничный маневр для восстановления буржуазной системы, реакционный компромисс с капиталистами, техническими специалистами и кулаками. Изгнанники клялись никогда не прекращать борьбы, чтобы сбросить «иго коммунистической партии... иго интеллигенции и буржуазии»; они не успокоятся, пока «и частный и государственный капитализм» не превратятся в прах и их заменят фабричные комитеты и свободные советы, низовые организации, подавленные большевиками после Октябрьской революции. «Продолжим борьбу, – заявил Григорий Максимов, – и нашим лозунгом будет: «Революция мертва! Да здравствует революция!»

Хотя различные фракции анархистов в эмиграции критиковали советский режим практически в одних и тех же выражениях и, как правило, сотрудничали друг с другом в деле организации помощи, старые разногласия продолжали существовать. Прибыв в Берлин, который в начале 20-х годов был основным центром для изгнанников, Аршинов и Волин из конфедерации «Набат» основали ежемесячный журнал «Анархический вестник»^{50*}, в то время как синдикалисты во главе с Максимовым, Ярчуком и Шапиро издавали свой «Рабочий путь».

Обе группы признавали, что, пока они преодолевают разобщенность, которой страдали с самого начала, вряд ли анархисты могут надеяться, что выживут как движение и тем более разрешат сложные социальные проблемы XX века. Немало из них неохотно признали истинность слов Карла Радека, что романтизм анархистов и инстинктивная враждебность к любой организации мешают им отчетливо увидеть реальность современного индустриального общества с его растущим населением, со сложным разделением функций и тем самым обрекают их на неудачи и поражение.

Анархо-синдикалисты были особенно чувствительны к критике такого рода, поскольку всегда гордились современностью своих взглядов: они настаивали, что, не в пример донкихотству анархо-коммунистов, они не заиклись на прошедших временах примитивных сельскохозяйственных коммун, а видят перед собой децентрализованное индустриальное общество, учитывающее последние достижения науки и техники. Скорбно признавая, что их движение в России потерпело крах из-за недостатка эффективной организации, синдикалисты в эмиграции решили объединить силы с соратниками из других стран и обеспечить рабочий класс альтернативой политически ориентированным интернационалам в Москве и Амстердаме.

---

⁵⁰ Анатолий Горелик разделил судьбу других лидеров «Набата» и эмигрировал в Буэнос-Айрес, где в 1919 году сформировалась новая группа «Голос труда». Там он и умер в 1956 году

В декабре 1922 – январе 1923 года синдикалисты из дюжины стран (включая и изгнанников из России) встретились в Берлине и основали новый интернационал рабочих, который окрестили Международной ассоциацией рабочих, утверждая, что являются подлинными наследниками этого имени 1864–1876 годов.

Съезд, на котором было положено начало анархо-синдикалистскому Интернационалу, сосредоточил внимание на смысле большевистской революции, который она имела для рабочих. Делегаты сочли ее событием огромной важности, поскольку она ярко высветила разницу между государственным социализмом, неминуемо ведущим к угнетению рабочего класса, и революционным синдикализмом, который обеспечивает свободу и дает массам уверенность в своих силах.

Лелея свое либертарианское наследство, синдикалисты уговаривали сами себя хранить верность лозунгу I Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть делом рук самих рабочих». Они призывали рабочих всего мира вести ежедневную борьбу в рамках существующего капиталистического строя, пока не придет время подниматься на «всеобщую стачку». Она станет сигналом к социальной революции, которая сметет буржуазный порядок и провозгласит создание свободного общества, организованного «снизу и доверху» и «не отягощенного государством, армией, полицией или эксплуататорами и угнетателями всех мастей». Централизованное государство необходимо отбросить ради «свободной системы советов», объединенных в Генеральной конфедерации труда. «Это правительство людей», твердо стоящее на платформе анархо-синдикалистского Интернационала, отражало взгляды Сен-Симона и Энгельса и будет заменено «управлением вещами». Потому что любое государство, представляет ли оно собой конституционную демократию, или пролетарскую диктатуру, или что-либо иное, «всегда является создателем новых монополий и новых привилегий; оно никогда не будет служить инструментом освобождения».

Александр Шапиро и Григорий Максимов играли важные роли в создании берлинского Интернационала, но их вдохновителем и лидером в течение многих лет был Рудольф Рокер, бывший глава Федерации анархистов Лондона. В 1932 году, чувствуя угрозу растущего влияния нацистской партии, Интернационал перебрался в Амстердам, а четыре года спустя снова переехал в Мадрид, оказавшись в средоточии гражданской войны в Испании, в которой Конфедерации синдикалистов (CNT) выпало сыграть главную роль.

Победа Франко вынудила синдикалистов в 1939 году перевести свою штаб-квартиру в Стокгольм. Здесь выжить организации помог Центральный совет синдикалистов Швеции – и наконец последний переезд состоялся после Второй мировой войны, в Тулузу, где Интернационал и пребывает сейчас, через сорок лет после своего создания.

В рядах анархо-коммунистического крыла движения самым громогласным защитником организационных реформ был Петр Аршинов. Добравшись в 1922 году до Берлина, он организовал Группу русских анархо-коммунистов за границей, которая три года спустя перебралась в Париж и начала издавать собственный журнал «Дело труда». Аршинов объяснял крах русских анархистов их вечным и неизменным хаосом и разбродом. В соответствии с «Организационной платформой», которую группа «Дело труда» представила в 1926 году, единственной надеждой на возрождение дви-

жения было создание Всеобщего союза анархистов с центральным исполнительным комитетом для координации политики и действий.

Решительную поддержку этому плану оказал старый сокамерник и ученик Аршинова Нестор Махно, измученный чахоткой и убогими условиями существования, для которого алкоголь был единственным способом бегства от этого чуждого мира, в который его занесло. «Нестор – больной человек, – писал Александр Беркман в 1926 году, – но ему приходится тяжело работать на заводе, получая собачье жалование, на которое он не может прожить с женой и ребенком, хотя его жена тоже работает. Так же приходится и остальным. Это ад».

Как выяснилось, Махно оказался единственным известным анархистом, изъявившим желание подписаться под «Организационной платформой». Волин окончательно порвал с Аршиновым и вместе с Сеней Флешиним и несколькими другими раскольниками в следующем году опубликовал уничижительную оценку «платформы».

Аршинов и его сторонники, доказывали они, значительно преувеличили организационные пороки движения. Их призыв к созданию какого-то центрального комитета не только противоречит основному принципу анархизма – местной инициативе, – но и ясно отражает «партийный дух» этих лидеров. (Оппоненты Аршинова редко упускали возможность указать, что перед тем, как в 1906 году присоединиться к анархистам, он был большевиком.)

Короче, «Дело труда» хотело создать анархистскую партию, чьей задачей было бы руководство массами, а не помощь им самим готовить революцию^{51*}. «Увы, – писала Молли Флешина, – весь дух «платформы» пронизан убеждением, что во время революции МАССЫ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО. Вот откуда берет начало и зло, и все остальное... оно базируется главным образом на этой идее. Оно поддерживает рабочую партию анархо-коммунистов, стоит за армию... потому что система защиты революции неминуемо приведет к созданию системы шпионов, следователей, судей, тюрем и в результате – к ЧЕКА».

Отвечая на эти нападки, Аршинов упрекнул Волина и К^о тем, что он снова втягивает анархистов в бесплодный спор. Он настаивал, что его предложения даже отдаленно не противоречат идеям анархизма, поскольку сохраняется децентрализованная организационная структура.

Нестор Махно, кинувшийся на защиту соратника, предположил, что Волин, который в 1919 году, когда был в повстанческой армии на Украине, оказался в руках красных, не был захвачен в плен, как принято было думать, а сам перебежал к коммунистам.

Утверждения Махно, в свою очередь, вызвали ответный огонь со стороны Александра Беркмана, Эммы Голдман и Эррико Малатесты, которые теперь присоединились к критике «Организационной платформы». В письме к историку и архивисту анархистского движения Максиму Неттлау Беркман набросился на Махно, как на носителя «милитаристского темперамента», который целиком находится под влиянием Аршинова. Что же до самого Аршинова, то у него «полностью большевистская психо-

---

⁵¹ Критики в Соединенных Штатах обвинили Аршинова, что он прибегает к «иезуитским методам», дабы сыграть самозваную роль «спасителя» русского анархистского движения.

логия, – пишет Беркман, – у него капризная деспотическая натура, которая требует подчинения. Это бросает некоторый свет и на саму программу». «Беда большинства наших людей, – сетует Беркман, – что они не видят того, что методы большевиков не могут привести к свободе...»

В 1930 году оппоненты Аршинова, которые считали его платформу «анархо-большевистским отклонением» и постоянно обвиняли его в пропаганде «партийного анархизма», сочли себя совершенно правыми, когда Аршинов перешел на сторону Советского Союза и снова вступил в партию, которую четверть века назад оставил ради анархизма. Вскоре его журнал «Дело труда» перебрался в Соединенные Штаты, и его новым редактором стал Григорий Максимов.

Анархисты снова продемонстрировали свою врожденную неспособность ради пользы движения откладывать в сторону личные эмоции. Даже в самой России, где на свободе оставалась лишь горсточка анархистов, острые фракционные разногласия раздирали членов Комитета Музея Кропоткина. «Снова перепалка между двумя группами наших товарищей, – писала вдова Кропоткина Максуд Неттлау в 1928 году. – Обе прилагают усилия, чтобы быть хозяевами... в музее, хотя ни одна из них не принимала участия в создании этой организации. Я надеюсь, что, пока жива, ни одной из них не удастся стать во главе музея, а когда меня не станет, что-то надо будет сделать, дабы обеспечить сохранность музея».

Казалось, конца сварам не будет. Беркман поделился своим разочарованием в письме к Молли и Сене Флешин. «Я считаю ужасным, что наше движение повсеместно вырождается, превращаясь в болото мелких личных ссор, обвинений, взаимных упреков. Так много вылезло гнилья, особенно в последние два года». Эмма Голдман добавила приписку: «Дорогие дети. Я полностью согласна с Сашей. У меня болит сердце от этого яда оскорблений и обвинений в наших рядах. И если это не прекратится, то нет никакой надежды на возрождение нашего движения».

Конец 20-х годов Сталин торжественно ознаменовал началом новой эры тоталитарного правления в России. Пусть даже во времена нэпа анархисты пользовались минимальной свободой действий, теперь ей резко и грубо был положен конец. В 1929 году книжные магазины «Голоса труда» в Москве и Ленинграде были навсегда закрыты, давая понять, что начался свежий круг арестов и преследований. Анархисты, которые уже отбыли долгие сроки на каторжных работах, были еще раз отправлены отбывать сроки в Сибирь или в другие заброшенные и забытые места.

Прошло лишь несколько лет, и Атабекян, Аскарлов, Бармаш, Боровой и многие их товарищи погибли в тюрьмах и ссылках. По сведениям Виктора Сержа, некий Фишелев – скорее всего, Максим Раевский, известный синдикалист и бывший редактор «Буревестника» и «Голоса труда» – был арестован за публикацию «платформы» троцкистской оппозиции. Тем не менее Раевский, скорее всего, был освобожден, поскольку сообщалось, что он скончался от инфаркта в Москве в 1931 году, сидя за своим письменным столом. Николай Рогдаев, старый товарищ Раевского и соредактор «Буревестника», в следующем году умер в Ташкенте. Он жил тут в ссылке после того, как отбыл долгий срок в Суздальском политизоляторе. У него случилось кровоизлияние в мозг, и он упал на улице, по иронии судьбы названной в честь Сакко и Ванцетти.

Те «советские анархисты», которые во времена нэпа еще сохраняли свои правительственные посты, испытывали все более глубокое разочарование политикой нового режима. Даниил Новомирский, коммунист с 1919 года, пришел к выводу, что нэп был непростительным отступлением от целей революции. Он вернул свой партийный билет и нашел спасение в мире науки, став одним из авторов Большой советской энциклопедии. Герман Сандомирский, хотя он в первые годы нэпа оставался в Министерстве иностранных дел, тоже обратился к научным исследованиям, издав собрание документов о Женевской конференции 1922 года и написав объемистое исследование об итальянском фашизме. Затем он стал все больше и больше времени посвящать Музею Кропоткина. Хотя в 1929 году ГПУ и обошло своим вниманием, все эти бывшие анархисты оставались на заметке.

Новомирского и его жену взяли во время великой чистки. И оба исчезли в темном мрачном мире сибирских концентрационных лагерей. Сандомирский и Билл Шатов, несмотря на их преданную службу правительству, тоже оказались в Сибири; где их, по всей видимости, и расстреляли.

Лидер синдикалистов Ефим Ярчук, покинувший Россию в 1922 году, пережил смену взглядов и попросил разрешения вернуться. С помощью Бухарина он получил его в 1925 году и вступил в коммунистическую партию. И Ярчук, и Петр Аршинов, который прошел тем же путем пять лет спустя, бесследно исчезли во время чисток.

Арон Барон после восемнадцати лет тюрем и ссылок неожиданно получил свободу в 1938 году, но, обосновавшись в Харькове, был вновь арестован, и с тех пор о нем больше никто ничего не слышал. И наконец, Иуда Рошин, которого серьезно обеспокоил приход Сталина к власти, избегнул его карающей руки, успев умереть естественной смертью как раз перед началом чисток.

Бесконечная цепь арестов и ссылок лишила Музей Кропоткина и тех еще оставшихся работников, которые заботились о его сохранении. Вскоре после смерти вдовы Кропоткина, в 1938 году, музей был закрыт.

А тем временем и в эмиграции движение шло к своей кончине. Анархистские еженедельные издания превращались в ежемесячники, те, в свою очередь, – в ежеквартальные издания. Теперь их страницы часто заполнялись статьями, которые много десятилетий назад писали Бакунин, Кропоткин и Малатеста. Состарившиеся анархисты продолжали отмечать день рождения Бакунина и Парижскую коммуну 1871 года. Они скорбели по мученикам Чикаго, поминали день смерти Кропоткина и казнь Сакко и Ванцетти. Они сурово осуждали Сталина и его кровавые деяния. Они отвергали Гитлера и фашистов, но свое участие в Народном фронте вместе с коммунистами и социалистами считали «абсолютно невозможным». Короткое время анархисты с ликованием играли драматическую роль в гражданской войне в Испании, надеясь, что их порыв даст анархизму новый стимул к жизни. Но поражение левых в Испании прозвучало для движения похоронным звоном. От него не осталось ничего, кроме отчаяния.

Оставшиеся в живых видели, как один за другим сходят в могилы их старые друзья. Мария Голдсмит-Корн, которая осталась в Париже, когда ее старые товарищи в 1917 году возвращались в Россию, пятнадцать лет спустя приняла яд, не в силах справиться с депрессией, вызванной кончиной матери.

«Старая гвардия уходит, – печально констатировал Александр Беркман в 1935 году, – и нет почти никого из молодого поколения, готовых занять их место или, по крайней мере, делать ту работу, которая должна быть сделана, если мир хотя бы надеется увидеть лучшие дни».

В следующем году Беркман застрелился в Ницце. Четыре года спустя во время лекционного турне у Эммы Голдман случился апоплексический удар, и она умерла в Торонто. Ее тело было доставлено в Чикаго и похоронено на кладбище Валдхейма, рядом с надгробием мучеников Хаймаркет-сквер.

Волин, Шапиро и Максимов пережили войну. Они скорбели о смерти своих товарищей в России и на Западе. В сентябре 1945 года Волин скончался от туберкулеза в Париже. Его тело было кремировано, а прах развеян на кладбище Пер-Лашез, недалеко от могилы Нестора Махно, которого десятилетием раньше подкосила та же болезнь. Саня Шапиро, несколько лет издававший в Париже анархистский журнал *Le Voix de Peuple*, эмигрировал в Нью-Йорк, где в 1946 году скончался от инфаркта.

«Лучшие мозги движения уходят один за другим, – написала Молли Флешин после смерти Шапиро, – и хотя я далеко не пессимистка, меня все же не покидает чувство, что умирает и само движение...»

Григорий Максимов оставил Берлин ради Парижа в 1924 году, а в следующем году перебрался в Соединенные Штаты. Он обосновался в Чикаго, где днем работал обойщиком, а вечера проводил за редактированием «Голоса труженика», русскоязычного издания организации IWW («Индустриальные рабочие мира»), которое выходило в свет до 1927 года. Когда Петр Аршинов перебрался в Советский Союз, Максимов взял на себя издание и «Дела труда», из-за чего редакция переехала из Парижа в Чикаго. С его помощью «Дело труда» быстро стало самым влиятельным журналом русской эмиграции, просиндикалистским по своим основным взглядам, но открытым для публикаций анархистов всех мастей. В этом он следовал традиции, заложенной парижским «Буревестником» и нью-йоркским «Голосом труда» между революциями 1905 и 1917 годов.

Максимов сделал новую попытку примирить анархо-коммунистов с анархо-синдикалистами. Скорее всего, его сильно беспокоило, что причина горячих споров лежит не столько в разности доктрин, сколько в разнице темпераментов и личностей. Его собственное «социальное кредо», которое он опубликовал в 1933 году, было сплавом двух традиций. Оно близко напоминало просиндикалистскую разновидность анархо-коммунизма, который защищал Кропоткин и его школа. В представлении Максимова о хорошем обществе сельскохозяйственные кооперативы служили переходной формой во время постепенной эволюции к коммунизму (Максимов решительно осуждал те жестокие методы, которые использовал Сталин в ходе коллективизации), когда управление промышленностью перейдет к рабочим комитетам и трудовым федерациям.

И в конечном итоге рабочим останется только радоваться четырех- или пятичасовому рабочему дню и четырехдневной рабочей неделе. Обеспечение продуктами и промышленными товарами будет возложено на домовые и потребительские комитеты. Место судов займут добровольные третейские комиссии; тюрьмы уничтожат, и их функции будут возложены на школы, больницы и организации обществен-

ного благополучия. Профессиональные армии будут распущены, а защитой будет заниматься народная милиция.

С точки зрения Максимова, Интернационал анархо-синдикализма представляет собой великолепный организационный инструмент для достижения этих целей, потому что он, в отличие от Коминтерна, искренне верил в лозунг «Освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих». Централизация власти, писал он, неумолимо приводит – как это и случилось в Советской России – «к бюрократизации всего промышленного аппарата, появлению класса чиновников... к удушению независимых действий рабочих и к экономическому кризису».

Максимов оставался редактором «Дела труда», когда в 1940 году это издание слилось с периодикой анархистов Детройта «Пробуждение». Хотя Максимов был предельно занят своими редакторскими обязанностями, он все же нашел время написать и опубликовать работу с резким осуждением террора в России под названием «Гильотина за работой», а также работать над собранием трудов Бакунина – пока в 1950 году у него не сдало сердце. Его издание Бакунина вышло в свет три года спустя.

Из основных фигур русского анархистского движения теперь оставался только Абба Гордин. Эмигрировав в Соединенные Штаты в 1924 году, он продолжал выдавать, казалось бы, бесконечный поток книг, эссе и поэм на нескольких языках. Он стал соредактором *Freie Arbeiter Stimme*, анархистского журнала на идиш в Нью-Йорке, и выпускал свое собственное периодическое издание *Clarion*, наполненное многословными нападками на пороки современного общества.

В начале 30-х годов Гордин пришел к выводу, что подлинной движущей силой современной истории надо считать национализм, а не классовые конфликты. Класс, писал он, – это «ложная искусственная суперструктура, воздвигнутая на шатком основании рода занятий, в то время как корни понятия нации уходят глубоко в биологию, к которой имеют отношения расовые элементы, и в психологию, в ее конкретные формы национального языка». Вернувшись к своему национальному наследию, Гордин основал Еврейское этническое общество, у которого были немногие, но преданные последователи.

В 1940 году Гордин опубликовал многословную, но интересную критику Маркса, над которой работал более двух десятилетий. Марксистская доктрина, писал он, возвращает к исходным положениям его Манифеста пананархизма 1918 года. Она была «гибридом, рожденным от квазирелигии и псевдонауки». Законы, которые, как считал Маркс, имеют научную ценность, являются не чем иным, как бесстыдным «насилием над историей»; более того, узколобая ограниченная марксовская доктрина классовой борьбы между рабочими и хозяевами не учитывает раскол, который существует также между рабочими и управляющими.

Гордин заявил, что марксистский социализм – это идеология не рабочих, а «привилегированного класса политико-экономических организаторов». В абзаце, сильно напоминающем бакунинский труд «Государственность и анархия», Гордин описывал последствия того, что он считал управленческой революцией большевиков: «Очень скоро... будут воздвигнуты нерушимые стальные дамбы! Не пройдет много времени, и на развалинах старых понятий воздвигнутся новые; будет убран мусор -и руины, и тут воздвигнутся дворцы и храмы. Король умер – да здравствует король!

Старые законы будут отброшены, а бывшие авторитеты изгнаны, чтобы дать место новичкам...»

В конце 50-х годов старый анархист, ощутивший притяжение еврейской культуры, эмигрировал в Израиль, где и скончался в 1964 году.

Русские анархисты; несмотря на запутанную историю их личных ссор и фракционных разногласий³, разделяли общую решимость создать бесклассовое общество, в котором никто не будет господствовать над своими собратьями. В течение более чем двух десятилетий, в тот смутный период, разделивший две великие революции, анархисты неустанно отвергали государство (в равной мере и самодержавное, и «пролетарской диктатуры») и собственность (и частную, и общественную) как два родственных источника угнетения и страданий в России.

Черпая вдохновение у Бакунина и Кропоткина, они протестовали против растущей политической и экономической централизации в российском обществе, с ее тенденциями дегуманизации, с ее нарастающим вторжением в пределы личной свободы. Они не могли пойти на компромисс с центральной властью. В их глазах попытки добиваться у властей частичных улучшений были совершенно тщетны; максимум, чего им стоило ждать, – это случайных крошек со «стола государства», не важно, царского или коммунистического. Частичные реформы были не в состоянии устранить основные Пороки правительства и капитализма – и государственного, и частного.

Для анархистов единственной надеждой спасти обездоленные рабочие массы от вечных уз было уничтожение государства и капиталистической системы. Они лелеяли апокалиптическое видение насильственных перемен, всеобщего краха – и воскрешения.

На развалинах старого порядка возникнет золотой век – без правительств, без собственности, без голода и лишений – сияющий век свободы, в котором человек будет волен строить свою жизнь без вмешательства каких-либо властей.

Для многих анархистов золотой век означал возвращение к ранней простоте, которая существовала до того, как централизованное государство и крупное производство начали превращать человеческое существо в безликий автомат. Они мечтали о возвращении к простым и прямым человеческим отношениям сельскохозяйственных коммун и ремесленных кооперативов, общин и артелей, чтобы таким образом обрести примитивную благость средневековой Руси, когда, как было принято считать, не было «ни царя, ни государства», а только «земля и воля». То есть общество будущего предполагалось строить по образцу общества прошлого: федерация небольших коммун, свободных от властей и принуждения, члены которых связаны узами общей работы и взаимной помощи.

В таком обществе труженик в поле и в мастерской обладал достоинством самостоятельного человека, к которому никто не может относиться как к имуществу или как к предмету с рыночной стоимостью.

Но как заново обрести свободу и простоту бытия доиндустриальной России в век распространения массовой продукции? Каким образом личные ценности маленьких общин могут сохраниться в безликом мире огромных заводов и стремительно растущих городов?

Немногие анархисты пытались решить эту дилемму, побуждая рабочих на манер луддитов ломать свои станки и громить заводы, надеясь таким образом оживить умирающий мир кустарного производства. Тем не менее подавляющее большинство с распростертыми объятиями приветствовало научный и технический прогресс, унаследовав у Петра Кропоткина и его предшественника Вильяма Годвина уверенность, что механизация избавит человека от тяжелой, утомительной работы, предоставит время для отдыха и занятий культурой и устранил недостатки, традиционно присущие ручному труду.

Отвергать механизацию промышленности только потому, что она рождена капиталистической системой, писало издание петроградских анархо-синдикалистов в 1917 году, было бы величайшей глупостью; в будущем мире миллионы людей будут счастливо жить в больших городах и работать на современных предприятиях из бетона и стали, а обширные парки удовлетворят потребность людей быть ближе к природе. Старая культура Европы умирает, заявили братья Гордины в 1918 году, и «только Анархия и Техника будут править миром».

В новом промышленном мире ценности маленького сообщества будут сохраняться стараниями фабричных комитетов. Сторонники синдикализма видели в них городское противопоставление «общине» и «артели», современное выражение естественной склонности человека к взаимной помощи. «В фабричных комитетах, – заявила работница текстильной фабрики на конференции в 1918 году, – любой может увидеть зародыш, пусть и не совсем развитый, социалистической коммуны». Сходным образом Эмма Голдман однажды заметила, что независимый рабочий совет – «это тот же старый русский «мир», просто в более современной и более революционной форме. Он настолько глубоко укоренен в людях, что возник на русской почве столь же естественно, как появляются цветы на полях».

Анархисты надеялись путем создания федерации городских фабричных комитетов и сельских коммун реализовать то лучшее, что есть в двух мирах, в простом мире прошлого и механизированном – будущего. Они надеялись внедрить последние технические достижения в децентрализованную общественную систему, свободную от принудительных черт капитализма, в систему, в которой рабочий класс больше не будет послушной армией марионеток, которыми управляют сверху. Анархисты считали – чтобы добиться индустриализации и в то же время сохранить право личности на самоопределение, необходимо объединить самые ценные элементы социалистической и либеральной традиций. Ибо, как учили Бакунин и Прудон, социализм без свободы – это худшая форма рабства.

Анархисты отбросили обычай и условности буржуазной цивилизации в надежде добиться полной переоценки ценностей, радикальной переделки человеческой природы и отношений между личностью и обществом. Тем не менее, если даже они отвергали социальные догмы своего времени как искусственные, абстрактные, далеко отстоящие от реальной жизни, их собственный подход к строительству безупречного общества трудно было назвать прагматичным или основанным на опыте. Лелея призрачные утопии, анархисты почти не уделяли внимания практическим потребностям стремительно меняющегося мира; в массе своей они избегали тщательного анализа социальных и экономических условий.

В той же мере они не могли или далее просто не хотели обговаривать неизбежные реалии политической власти. Религиозные и метафизические взгляды прошлого они заменили неопределенным смутным мессианством, которое удовлетворяло их восторженные ожидания. Вместо сложностей идеологии, они предложили простые и действенные лозунги с ключевыми словами о революционном насилии, поэтические образы золотого века. В общем и целом они предпочитали полагаться на «революционный инстинкт масс», которому полагалось смести старый порядок, и на «творческий дух масс», которому на прахе и пепле его предстояло построить новое общество.

«Через социальную революцию к анархистскому будущему!» – заявляла группа эмигрантов в Латинской Америке; практические детали организации сельского хозяйства и промышленности «будут разработаны потом» теми же революционными массами. Такое отношение, хотя и проистекало из здорового скептицизма по отношению к идеологическим «чертежам» и «научным законам» их марксистских соперников, мало чем могло помочь, когда речь заходила о направлении действий, которые должны были революционизировать мир.

Русский анархизм никогда не становился символом веры для массы крестьян и промышленных рабочих. Хотя он пользовался определенной поддержкой рабочего класса, анархизм в целом был обречен оставаться мечтой небольших групп личностей, которые отчуждались от основных тенденций современного общества; аристократы, терзаемые угрызениями совести, такие как Бакунин, Кропоткин, Черкесов и Бидбей; отступники-семинаристы, как Колосов из группы «Безначалие» или лидер анархо-синдикалистов Максимов; представители этнических меньшинств, как Гогелиа-Оргеиани, Гроссман-Рошин и братья Гордины; крестьянские повстанцы, как Нестор Махно и его сторонники, а также деклассированные интеллектуалы типа Волина и Льва Черного.

Успех большевистской революции лишил анархистов большинства их сторонников, как в рядах рабочего движения, так и среди интеллигентов, многие из которых приняли должности и посты, предложенные им новым режимом, став тем самым «советскими анархистами». Тем не менее большинство продолжало хранить верность своим убеждениям. Они продолжали поливать оскорблениями посылки и последствия «научного» социализма. Снова и снова они предупреждали, что политическая власть – это зло, что она уродует всех, кто пользуется ею, что правительство любого вида подавляет революционный дух народа и лишает его свободы.

Такие анархисты были обречены подвергаться поношениям, клеветническим обвинениям и т. д., пока наконец их не подавляли или не отправляли в ссылку. Те же, кто выжил, пусть им и достались мучительные периоды потери иллюзий и отчаяния, до конца хранили верность своему идеализму. Пусть с материальной точки зрения они были неудачниками, в пределах своих маленьких кружков они встречали тепло личного общения, товарищество и высокую преданность общему делу; более того – освободившись от условностей мира, которые они презирали, может, Они, как личности, и обретали тот уровень «высокого порядка», который тщетно пытались преподнести всему человечеству.

В то же время они упорно придерживались надежды, что их идеалы наконец триумфально утвердятся во всем человечестве. «Вся Россия погружена во тьму долгой

арктической ночи, – писал Григорий Максимов в 1940 году. – Но приход утра неизбежен. И восход России будет рассветом для трудящихся во всем мире. Мы радостно встретим его».

ХРОНОЛОГИЯ ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ

1876

1 июля – кончина Бакунина.

1892

Создание Библиотеки анархиста в Женеве.

1903

Кропоткин основал в Женеве «Хлеб и волю».

В России появилась группа «Черное знамя».

1905

9 января – Кровавое воскресенье.

Апрель– июль – Бидбей выпустил в Париже «Листок группы «Безначалие».

Октябрь – всеобщая забастовка в городах России.

13 октября – сформирован Петербургский Совет.

17 октября – октябрьский Манифест.

Ноябрь – декабрь – анархисты бросили бомбы в отель «Бристоль» в Варшаве и в кафе Либмана в Одессе. – восстание в Москве.

1906

Январь – конференция «Черного знамени» в Кишиневе.

Июль – в Париже основан «Буревестник».

Сентябрь – Новомирский создал Южно-русскую группу анархо-синдикалистов.

«Усмирение» Столыпина: аресты и суды над анархистами.

1907

27 апреля – конференция уральской группы анархо-коммунистов.

Август – международный съезд анархистов в Амстердаме.

В Западной Европе и Соединенных Штатах создан анархистский Красный Крест.

1911

В Нью-Йорке основан «Голос труда».

Первые признаки возрождения анархизма в России.

1914

1 августа – начало Первой мировой войны.

Дебаты между анархистами-«оборонцами» и антимилитаристами.

1917

Февраль – Февральская революция.

2 марта – отречение царя; формирование Временного правительства.

Март – амнистия политических заключенных.

Создание в Москве и Петрограде Федерации анархо-коммунистических групп.

30 мая – 3 июня – I конференция петроградских фабричных комитетов.

Июнь – возвращение Кропоткина в Россию.

Запутанная ситуация с дачей Дурново.

18 июня – Июньская демонстрация.
 3-5 июля – июльские дни.
 18-22 июля – конференция анархистов в Харькове.
 Август – восстановление работы «Голоса труда» в Петрограде.
 24-28 августа – Корниловский мятеж.
 Октябрь – создание Военно-революционного комитета: в составе членов 4 анархиста.
 17-22 октября – Всероссийская конференция фабричных комитетов.
 25 октября – Октябрьская революция.
 14 ноября – указ о рабочем контроле.
 25 ноября – I конференция анархистов Донецкого бассейна.
 1918
 6 января – разгон Учредительного собрания.
 7-14 января – I Всероссийский съезд профсоюзов.
 14 февраля – II конференция анархистов Донецкого бассейна.
 3 марта – Брест-Литовский договор.
 12 марта – правительство переезжает из Петрограда в Москву.
 11-12 апреля – налеты ЧК на московских анархистов.
 Весна – Карелин основывает Всероссийскую федерацию анархистов.
 6-11 августа – Северный региональный съезд анархистов.
 25 августа – 1 сентября – I Всероссийская конференция анархо-синдикалистов.
 12-16 ноября – I конференция конфедерации «Набат».
 25 ноября – 1 декабря – II Всероссийская конференция анархо-синдикалистов.
 25 декабря 1922 – Всероссийский конгресс анархо-коммунистов.
 1919
 23 января – I региональный съезд крестьян, рабочих и повстанцев (махновцев).
 12 февраля – II региональный съезд крестьян, рабочих и повстанцев.
 2-7 апреля – I конгресс конфедерации «Набат». 10 апреля – III региональный съезд крестьян, рабочих и повстанцев.
 25 сентября – «Анархисты подполья» бросили бомбу в штаб-квартиру большевиков в Москве.
 20 октября – Региональный конгресс рабочих и крестьян в Александровске.
 1920
 Август – братья Гордины основали движение анархо-универсалистов.
 26 ноября – налет коммунистов на ставку Махно в Гуляйполе; арест конфедерации «Набат».
 1921
 8 февраля – смерть Кропоткина.
 13 февраля – похороны Кропоткина в Москве.
 1-17 марта – Кронштадтское восстание.
 Подавление анархистов в России.
 1922
 Январь – группа анархистских лидеров депортирована из России.
 25 декабря – 2 января 1923 – в Берлине основана Международная ассоциация рабочих (анархо-синдикалистский Интернационал).

1926 – в Москве умер Карелин.
1929 – арест выживших анархистов в России.
1934 – в Париже скончался Нестор Махно.
1935–1938 – сталинские чистки: исчезли Новомирский, Сандомирский, Шатов и другие.
1939 – закрыт Музей Кропоткина.
1945 – в Париже умер Волин.
1946 – в Нью-Йорке умер Шапиро.
1950 – в Чикаго умер Максимов.
1964 – в Израиле умер Абба Гордин.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пол Аврич
Русские анархисты. 1905-1917

Скопировано 18.11.2014 с <https://vk.com/anarcholibrary>

В книге рассказывается о том, как в начале XX века промышленная революция и социальный хаос вызвали к жизни вооруженное движение анархистов. Традиции русских анархистов представляли собой смесь западных и доморощенных элементов. Пропущенные через призму учений Бакунина, Кропоткина и наивного популизма, они бурно развивались в ходе революций 1905 и 1917 годов. Анархизм в России активизировался и шел на спад вместе с развитием революционного движения в целом. В водовороте восстаний, террористических актов и Гражданской войны анархисты пытались реализовать свою программу, но потерпели поражение, вытесненные с политической арены большевиками.

ru.theanarchistlibrary.org